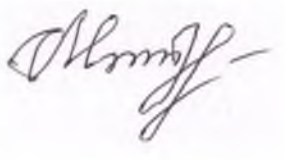
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

ХУДЖАНДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИМЕНИ АКАДЕМИКА БАБАДЖАНА ГАФУРОВА



На правах рукописи

САИДХОДЖАЕВА МУСАББЕХОН НАСИМХОДЖАЕВНА

Сравнительный анализ фразеологических единиц таджикского и русского языков (на материале русского перевода романа Рахима Джалила «Шураб»)

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата
филологических наук по специальности
10.02.19 – Теория языка

Научный руководитель:
кандидат филологических наук,
профессор Абдукадыров Абдусатор

Худжанд -2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ..... 3

ГЛАВА I. **Теоретические вопросы сопоставительного изучения и перевода фразеологических единиц таджикского и русского языков**..... 14

1.1. Краткие теоретические сведения о сопоставительных фразеологических исследованиях..... 14

1.2. О степени изученности таджикских фразеологических единиц и проблемах их перевода..... 26

ГЛАВА II. **Таджикские фразеологические конструкции и словосочетания и способы их передачи на русский язык**..... 38

2.1. Фразеологические конструкции и способы их передачи на русский язык..... 38

2.2. Таджикские фразеологические словосочетания и способы их передачи на русский язык..... 62

ГЛАВА III **Таджикские фразеологические предложения и способы их передачи на русский язык**..... 100

3.1. Простые фразеологические предложения и способы их передачи на русский язык..... 102

3.2. Сложные фразеологические предложения и способы их передачи на русский язык..... 119

ЗАКЛЮЧЕНИЕ..... 137

СОКРАЩЕНИЯ 142

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ..... 143

ВВЕДЕНИЕ

Перевод художественных произведений, основная функция которых заключается в художественно-эстетическом воздействии на читателя, предполагает использование лучших ресурсов языка и образности языка повествования, поскольку только посредством наиболее полного воспроизведения оригинала читатель сможет познать всю идейную и художественную ценность произведения, а человек с творческой натурой, соприкоснувшись к сокровищам мировой культуры и переосмыслив опыт творцов художественного слова, создаёт настоящее произведение искусства и тем самым способствует развитию национальной литературы.

Феномен языка в переводе достаточно сложен, если выразиться образно, это две стороны одной золотой медали. Иными словами, перевод – это не механическая подстановка слов одного языка как эквивалентов слов другого языка, а поиск наиболее полного семантического и стилистического соответствия нового текста первоначальному, как по внешней форме, так и по внутреннему содержанию.

Относительно художественного перевода с русского на таджикский язык следует отметить, что по сравнению с переводом художественных произведений с таджикского на русский язык, данная проблема привлекает все большее внимание таджикских лингвистов и самих переводчиков. В этой связи были написаны ряд научных статей и учебно-методических пособий (31,78,114,119,121,154,166,169). Вместе с тем, следует признать, что в таджиковедении переводология как наука еще не сформировалась и отсутствие основополагающих теоретических работ в области перевода вызывает некоторую обеспокоенность, поскольку лингвистические аспекты перевода художественных произведений с таджикского языка на другие языки до сих пор не нашли должного научного освещения. Более того, до сих пор не разработаны научные

концепции перевода художественных произведений с таджикского языка и наоборот. В научных статьях по проблемам перевода, авторы в большинстве случаев ставят перед собой задачу раскрыть типовые особенности создания и выбора соответствий тексту оригинала, или же выявить нарушения правила использования таджикского литературного языка.

Известно, что богатство и образность языка во многом связано с аллегорией, иносказаниями, устойчивыми оборотами речи и другими художественными приёмами, характеризующимися переносным значением, посредством которых автор в изящной форме выражает свою мысль. Аллегория пронизывает всю художественную ткань как поэтических, так и прозаических произведений таджикских литераторов. Не случайно известный таджикский ученый М.Шакури назвал таджикский язык «языком аллегорий» (161,с.150). Несомненно, от способов передачи аллегоричных выражений, устойчивых оборотов и предикативных фразеологических единиц во многом зависит качество перевода, поскольку перевод должен исчерпывающим образом воспроизводить оригинал.

В течение последних двадцати лет в исследовании различных аспектов таджикской фразеологии внесен достойный вклад, убедительно доказавших возможность и перспективность создания научного направления для выявления сущности перевода как процесса межъязыковой и межкультурной коммуникации. В этой связи в данной диссертационной работе проблема способов передачи фразеологических единиц (ФЕ) на русский язык решается с опорой на достижения зарубежных и отечественных ученых в области фразеологии. Предлагаемая работа по полноте рассматриваемых вопросов, является первым опытом монографического исследования особенностей и способов передачи ФЕ и призвана содействовать в

дальнейшем научным поискам ученых, желающих внести свое слово в области таджикского переводоведения.

В настоящей диссертации способы перевода ФЕ рассматриваются на примере романа Народного писателя Таджикистана Рахима Джалила «Шураб» в трёх книгах, который был удостоен Государственной премии имени Абуабдуллоха Рудаки. Выбор данного произведения в качестве источника исследования обосновывается тем, что язык произведений этого известного писателя отличается своей колоритностью и обилием ФЕ. Как отмечает известный таджикский лингвист Р. Гаффаров «Таджикский язык является одним из богатых и древних языков индоевропейской группы, изобилует фразеологическими словосочетаниями и предложениями. Наши писатели, используя эти «цветы народного творчества», по мере своих знаний и творческого мастерства усиливают национальную окраску своих произведений. В этом плане в советской таджикской литературе после С. Айни видное место занимает Рахим Джалил. Важнейшие компоненты фразеологических единиц (ФЕ) – поговорки, пословицы и афоризмы наших классиков, вошедшие как народные изречения, наряду с лексикой живого народного языка, придав произведениям Р. Джалила свежесть и национальный колорит, создали народный стиль его изложения» (29,с.67-68).

Статистический анализ собранного фактологического материала показал, что в романе «Шураб» использованы более 500 ФЕ, что соответствует принципам творчества народного писателя. «Войти в сердцевину народа, в ее гущу, – писал Рахим Джалил, – сметливо наблюдать за ним, внимательно прислушиваться к его словам является главным условием создания произведения и основным фактором совершенствования художественного мастерства. Это показывает сам опыт… Для создания романа «Бессмертные люди» («Одамони ҷовид» - С.М.) почти два месяца я провел в местах, где произошли события,

описанные в произведении. А для создания романа «Шураб» кроме множества однодневных поездок в этот угольный бассейн страны, ставший, по сути, моим вторым домом, я там провел большое количество времени и сейчас для создания второй части намереваюсь побывать там еще много раз. Так как в создании произведения никто не сможет помочь так, как сам народ. В создании романа «Шураб» большую помощь мне оказали престарелые шахтеры, люди различных профессий, у каждого из которых своя интересная история и подобно учителю языка, как и свойственно нашему народу, *не могут изъясняться без мудрых пословиц и поговорок*» (наш курсив – С.М.) (29,с.68). Как известно, ценность фразеологического материала для демонстрации фактов национальной культуры несомненна. С этой точки зрения можно утверждать, что роман «Шураб» является настоящим кладезем устойчивых словесных единиц и может послужить ценным источником исследования способов передачи ФЕ на русский язык. Перевод исследуемого произведения осуществлен известными переводчиками с таджикского на русский Ю. Смирновым (1-24 и 30 главы первого тома) и Л. Кандиновым (другие части произведения).

Актуальность научного исследования. Лингвистика перевода относится к числу актуальных, малоизученных отраслей современного таджиковедения. Несмотря на то, что данное научное направление сформировалось как одна из ветвей лингвистики, многие вопросы, связанные с переводом категориальных признаков лексических единиц, в частности эквивалентного воспроизведения значений образных фразеологических единиц, до сих пор не нашли своего полного освещения. Актуальность настоящего исследования объясняется и тем, что в нем впервые на примере романа Рахима Джалила «Шураб» представлено комплексное многоаспектное исследование: 1) всей системы ФЕ; 2) способы передачи разговорных фразеологических единиц, представляющих собой константы идиостиля писателя.

Постановка проблемы в таком плане может оказаться весьма плодотворной, как для теории, так и для практики перевода, так как перевод разговорных ФЕ, представляющих собой один из наиболее ярких средств выражения национального колорита, в силу своей ярко выраженной экспрессивно - эмоциональной окраски и метафоричности вызывают ряд проблем для переводчика, решение которых способствуют успешному выполнению переводчиком своих функций.

С другой стороны, в современном информационном обществе, в условиях глобализации и развития диалога культур, растет потребность в переводе литературных произведений, знакомство с которыми помогает инокультурному реципиенту проникнуть в другую культуру и тем самым дополнить для себя образ мира. Тем самым, следует подчеркнуть, что интерес лингвистов к проблеме передачи труднопереводимых элементов языка все больше возрастает.

Степень разработанности темы. Основы теории перевода стали разрабатываться в 40-50 гг. XX века, когда переводческая проблематика все больше стала привлекать внимание словесников. Процесс перевода, как вида языкового посредничества, осуществляется в основном в двух направлениях: 1) перевод художественных произведений с русского на таджикский язык; 2) перевод художественных произведений с таджикского на русский язык. Несмотря на то, что таджикская переводология как научное направление не нашла еще своего полного развития, некоторые аспекты перевода с русского на таджикский язык рассмотрены в статьях известных таджикских ученых, писателей занимающихся переводческим делом и самих переводчиков, таких как С. Айни, С. Улугзаде, Х. Юсуфи, Дж. Икроми, М. Мухаммадиев, Л. Шерали, М. Каноат, Э. Муллокандов и Х. Ахрори. Однако большое количество вопросов перевода с таджикского на русский язык, составляющее второе направление переводческой деятельности, к сожалению, еще к настоящему времени не стали объектом достаточного

внимания лингвистов, как ученых, так и самих переводчиков, профессионально занимающихся этим делом.

Следует отметить, что в начале 70-ых годов прошлого века в диссертационном исследовании З.А.Муллоджановой на тему «Стиль Садриддина Айни и его произведения на русский язык», на основании разработок которого позднее (в 1976 году) была издана монография ученого «Стиль оригинала и перевод», переизданное в переработке и дополнении в 2014 году (76) были рассмотрены некоторые аспекты перевода ФЕ книги «Воспоминаний» С.Айни. Однако за последние десять лет за исключением работы М.М.Мирзоевой «Фразеологические единицы С.Айни и способы их перевода на русский язык», посвященной способам перевода фразеологических словосочетаний произведений С.Айни «Смерть ростовщика» и «Воспоминания», другие исследования в этом направлении не были проведены. Таким образом, краткое освещение истории вопроса и анализ работ по таджикскому переводоведению убеждает в том, что при всем положительном, что имеется в таджикской переводологии, сейчас назрела острая необходимость проанализировать вопросы, связанные с переводом ФЕ, поскольку отсутствие достаточной теоретической базы, негативно сказывается на качестве перевода художественных произведений и в целом на весь переводческий процесс.

Цели и задачи диссертации. Под многоаспектным исследованием переводных ФЕ подразумевается выявление структурно – семантических и стилистических особенностей, прежде всего, исходящего (таджикского) языка (ИЯ). Следует отметить, что, не взирая на множество научных исследований в области таджикской фразеологии, многие аспекты данного вопроса не стали предметом пристального внимания. Здесь имеется в виду недостаточность комплексных исследований ФЕ мастеров художественного слова

современной таджикской литературы, в том числе творческого наследия Рахима Джалила.

Многоаспектность исследования переводных ФЕ также предполагает рассмотрение комплекса вопросов переводящего (русского) языка в подобном многогранном плане. И, конечно же, обстоятельный сопоставительно – типологический анализ свыше 500 фразеологизмов позволяет выявить, с одной стороны, общие и отличительные черты фразеологизмов родственных языков, какими являются таджикский и русский языки. С другой стороны, сравнительно – типологический аспект, в свою очередь способствует выявлению правил и закономерностей теории и практики перевода ФЕ в художественном контексте. Каждые из вышеназванных аспектов исследования находят свои научно – практические интерпретации в разделах и подразделах настоящей диссертационной работы. Реализация многоаспектного плана исследования в диссертации осуществляется путём решения следующих конкретных задач:

– установление структурно-семантических особенностей таджикских ФЕ произведений Рахима Джалила на материале трёхтомного романа «Шураб»;

– разработка принципов сопоставительного анализа ФЕ таджикского и русского языков;

– сопоставительно-типологическое исследование ФЕ таджикского языка с соотносительными ФЕ русского языка;

– исследование способов и приемов передачи ФЕ романа «Шураб» на русский язык;

– определение структурно – семантических и стилистических общностей и различий ФЕ таджикского и русского языков;

– выявление ошибок при переводе ФЕ исследуемого произведения и разъяснение их причин.

Научная новизна исследования. Настоящее диссертационное исследование в истории таджикской переводологии является первой попыткой наиболее подробной научной интерпретации способов передачи ФЕ таджикского языка на русский язык, поскольку в рамках лингвистической теории перевода данная проблема до сих пор не нашла своего решения.

В работе при описании принципов переводческого процесса за основу берётся шесть способов передачи фразеологизмов:

1. Способ эквивалентности
2. Способ аналогии
3. Описательный способ
4. Лексический способ перевода
5. Дословный перевод (калькирование)
6. Однословный способ.

Каждый из названных способов передачи сопровождается комментариями в теоретической части диссертации (глава 1). Для выполнения задач, поставленных перед диссертационной работой, впервые изучена фразеологическая система романа «Шураб» Рахима Джалила, признанного учёными – словесниками поправу весомым кладом таджикских ФЕ, в частности, разговорного типа.

Методология исследования. Теоретической базой исследования послужили труды зарубежных и отечественных ученых по фразеологии и переводоведению, таких как В.В.Виноградова, Н.М.Шанского, В.Д.Ушакова, Н.Маъсуми, М.Фозилова, Х.Маджидова, Р.Гаффарова, Б.Камолиддинова, Г.Джураева, З.А.Муллоджоновой, М.Мирзоевой и других.

Основными методами исследования избраны описательно-сравнительный и структурно-семантический способы анализа, на основе которого были выявлены общность и различия фразеологической системы сопоставляемых языков. В необходимых

случаях пользовались также методами стилистического и контекстуального анализа, приемами статистического подсчета.

Теоретическая значимость исследования обоснована тем, что выбор данной темы диссертационной работы способствовал исследованию ФЕ творчества Рахима Джалила на материале романа «Шураб» и его художественного перевода на русский язык. Результаты и выводы диссертации могут быть использованы в дальнейшем исследовании проблем фразеологии, сопоставительной фразеологии, стилистики, анализа художественного текста, а также в подготовке монографических работ по этим отраслям науки.

Материалы диссертации могут служить теоретической основой в подготовке учебной литературы для изучения таджикского и русского языков в условиях ощутимой жизненной необходимости всестороннего партнёрства, в том числе в области лингвистики и изучения языков.

Практическая значимость исследования. Материалы диссертации и её рекомендации могут оказать помощь в изучении программных курсов по «Фразеологии», «Стилистики», «Лингвистический анализ текста», «Сопоставительная типология», «Теория и практика перевода». Также материалы диссертации могут быть использованы при составлении учебных пособий по вышеназванным дисциплинам и в составлении различных словарей в области фразеологии.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования были доложены на научных конференциях профессорско-преподавательского состава Худжандского государственного университета имени академика Б.Гафурова (2012-2016гг.). Основные положения диссертации отражены в 12 опубликованных научных статьях, 4 из которых изданы в научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ.

Диссертационная работа обсуждена на совместном заседании кафедр таджикского языка, методики преподавания таджикского языка

и литературы Худжандского государственного университета имени академика Б.Гафурова и кафедры таджикского и русского языков Института экономики и торговли Таджикского государственного университета коммерции (протокол № 2 от 05.05.2019 г.) и рекомендована к защите.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Научное обоснование темы исследования и показ спектра таджикских фразеологических единиц трёхтомного романа Рахима Джалила «Шураб» и их общих и отличительных особенностей путём структурно – семантического анализа в сопоставимых языках.

2. Выбор вариантов относительно основных терминов, выражающих пути и способы передачи фразеологических единиц в русском и таджикском языках и их методологическое обоснование.

3. Фразеологические единицы, транслирующие специфические черты языка и стиля романа Рахима Джалила, представляют наибольшее число фразеологизмов, исследуемого произведения.

Особую трудность при переводе разговорных фразеологических единиц (РФЕ), характеризующихся выраженной экспрессивной окрашенностью и образностью, вызывает передача национально – этнического колорита.

4. Фразеологические конструкции, фразеологические словосочетания и фразеологические предложения отличаются друг от друга не только с точки зрения структурно - семантической

организации, но и выбора способа передачи на ПЯ.

5. Критерии выбора одного из способов передачи ФЕ – аналогии, эквивалентности, калькирование, описание, лексический перевод, однословный способы передачи, различаются в зависимости от характера переводимой единицы, поскольку стандартного подхода при

переводе фразеологизмов быть не может.

6. Освещение опыта работы переводчиков путём структурно – семантического и стилистического анализа около 500 фразеологических единиц с комментарием удачных образцов, а также типичных упущений значимых для дальнейшего использования в практике переводоведения.

7. Передача ФЕ представляет собой сложный процесс, в котором важную роль играет не только совокупность отраслевых знаний реципиента, но и национальных факторов, необходимых учесть при передаче ФЕ исходного языка на ПЯ.

Объём и структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения и списка литературы. Общий объем научной работы составляет 160 страниц компьютерного набора.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ И ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ТАДЖИКСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

1.1.Краткие теоретические сведения о сопоставительных фразеологических исследованиях

Сопоставительное изучение разносистемных языков осуществляется на основе выделения актуальных проблем, сформулированных в качестве приоритетов и целей и задач конкретных исследовательских работ.

В последние десятилетия мы наблюдаем глубокое и всестороннее сопоставительное изучение языковых явлений таджикского и русского языков, и стремление установить основные различия между этими двумя индоевропейскими языками заставило исследователей расширить базу своих наблюдений.

Отмечая важность сопоставительно-типологического метода изучения языков, Б.А.Серебренников писал: «Изучение взаимовлияний является одной из важнейших задач лингвистической науки. Важность этой задачи обусловливается тем, что взаимовлияние языков является вполне реальным и объективным фактом действительности, мимо которого не может пройти лингвистическая наука» (112,с. 6).

Повышенный интерес к проблемам сопоставительного изучения языков обусловлен тем, что в период духовного возрождения народов и роста национального самосознания выработался такой подход к научным исследованиям в области языкознания, когда именно язык рассматривается как форма духовности нации, а слово – как феномен, созданный человечеством в течение тысячелетий своего существования. Под изучением языков в типологическом аспекте понимается и

выявляется то своеобразие и те глубинные различия, которые существуют между сопоставляемыми языками. В этом плане особый интерес представляет исследование двух разносистемных языков – русского и таджикского.

Сопоставительное изучение русского и таджикского языков, начатое профессором Л.В. Успенской с её статьи «Основные структурные особенности современного литературного таджикского языка по сравнению с русским языком», получило размах в диссертациях, монографиях, статьях. Сейчас можно смело сказать, что в республике уже сформировалась и плодотворно функционирует школа сопоставительно-типологического исследования русского и таджикского языков, представителями которой являются ведущие типологи И.Б.Мошеев, М.Н.Абдуллаева, М.Т.Джабборова, Р.А.Самадова, М.Б.Нагзибекова, А.И.Королева, Р.Д.Салимов, А.Саймамадов и др.

Что касается фразеологических единиц рассматриваемых языков, они частично исследованы, как отмечалось выше, в рамках трехъязычных работ. Отрадно, что мы также наблюдаем специальные исследования в области различных аспектов фразеологии русского и таджикского языков (Н.Рахмонова и др.).

Достаточно продуктивно исследованы фразеологические единицы таджикского языка и в сопоставлении с английским и немецким языками (М. Азимова, М. Раджабова, Т. Талабов и др.).

Следует отметить, что фразеологические единицы представляют собой вполне комплексный и универсальный материал, как для сопоставительных, так и для одноязычных исследований и их потенциал далеко не исчерпывается указанными выше и другими уже выполненными работами. Кроме того, к ним могут обратиться в качестве объектов исследований и представители других смежных наук,

таких как лингвокультурология, социолингвистика, психолингвистика, сопоставительная стилистика и т.д.

К фразеологическим единицам имеют специальный подход и ученые в области теории и практики перевода. Исследования в области теории перевода и сопоставительного, типологического и сравнительно-исторического языкознания настолько взаимосвязаны, что без обращения к переводу трудно представить успешные исследования в области типологии, компаративистики и сопоставительной лингвистики.

«Переводческий аспект на стыке исследований типологических особенностей языков является важным научным направлением и характеризуется повышенным интересом анализа и интерпретации лексических и грамматических единиц в целях выявления изоморфных и алломорфных черт в системе исследования сопоставляемых языков» (127,с. 4).

Уместно здесь также упомянуть, что перевод обоснованно может рассматриваться как прикладная лингвистическая дисциплина, связанная с выявлением проблем несоответствия между лексическими и грамматическими системами различных языков.

Проблема сопоставления языков на материалах переводческой литературы занимает центральное место в современной лингвистической науке, где сложным также представляется вопрос отражения языком своеобразных понятий в области культуры, быта и социальной среды отдельно взятого сообщества людей.

Следуя этим закономерностям, многие ученые-лингвисты и исследователи в области теории перевода и сопоставительного языкознания проводят свои исследования в рамках так называемого системного подхода, где рассматриваются данные вопросы, как с учетом сопоставительного анализа, так и с учетом концепций и постулатов теории перевода.

Так, современный подход к сопоставительному изучению и решению важнейших вопросов теории и практики перевода приобретает особую актуальность в современных условиях, когда носители русского и таджикского языков имеют возможность непосредственного общения в самых различных отраслях жизни и профессиональной деятельности.

В теории коммуникации и истории социальных взаимоотношений человеческий язык всегда остается ведущим и главным средством трансформации и сохранения информации, а также основным способом коммуникативных процессов. Человеческий язык также является средством образования новых сообщений, новой информации, которые могут трансформироваться, опять-таки, посредством этого же языка. Следовательно, разнообразие языка, как национальных языков, так и языков разных народов, также можно считать несравнимой возможностью человеческого языка. Таким образом, преобразование определенного объема сообщений, которое происходит посредством перевода с одного языка на другой, является особым атрибутом нашего языка.

Лексика и фразеология как отдельная и значительная система в любом языке образует такую среду, что каждому слову и соответственно каждому понятию отводится определенное место, которое очерчено определенными отношениями к другим словам и понятиям данного языка. Поэтому характер очертания конкретных частей реального мира, их классификации и передачи в другом языке полностью зависит от того, имеются ли в той языковой и лингвокультурной среде соответствующее понятие и, соответственно, в том языке соответствующие наименования и лексическо – фразеологические единицы.

Современные процессы глобализации, взаимоотношения представителей различных культур и цивилизаций, взаимоотношения

представителей разных языков как необходимая закономерность создают такие условия, которые способствуют взаимовлиянию языков и культур. В настоящее время, общаясь даже в среде своего родного языка, мы не можем обходиться без применения терминов и лексики, заимствованных из других языков. Кроме того, определенная категория заимствованной лексики и фразеологии представляет собой динамичный пласт языкового фонда. Развитие такого рода языковых явлений способствует процессу соответствующего и рационального перевода и надлежащей переводимости.

Следует констатировать и тот факт, что в теории и практике перевода фразеологические единицы отнесены к категории так называемых «непереводимых» единиц языка. Однако «теорию непереводимости опровергла живая переводческая практика, превосходные работы плеяды талантливых переводчиков, и доказывать ее несостоятельность значило бы ломиться в открытую дверь» (19,с.3).

Поэтому при переводе ФЕ наряду с тем, что мы изучаем, распознаем, постигаем культуру, быт и уклад социальной жизни отдельного народа, очень важно и необходимо учитывать особенности типологического строя языка. Относительно данной проблематики уместно отмечает Н.А. Кобрина, которая считает, что: «несмотря на четкую референтную отнесенность, соотношение языковых форм и понятийных категорий далеко не однозначно. Точнее эта соотнесенность очень сильно зависит от типа языка. В языках синтетических понятийная категория и форма выражения часто соотнесены по типу закрепления: одно понятие – одна или несколько форм. Особенно это четко в системе классов слов – слова данного класса имеют четкие признаки их принадлежности к нему. В языках изолирующего типа соотношение иное: несколько понятий – одна языковая форма (так называемая полистатутность)» (43,с.43).

Таким образом, универсальность мыслительных и познавательных категорий указывает на тот факт, что в человеческом языке всегда можно находить возможности перевода и трансформации сообщения с одного языка на другой.

Известный ученый в области теории перевода В.С. Виноградов считает, что основным и важным в переводе является «передача смысловой информации текста. Все остальные ее виды и характеристики, функциональные, стилистические (эмоциональные), стилевые, социальные не могут быть переданы без воспроизведения смысловой информации, так как все остальное содержание компонентов сообщения наслаивается на смысловую информацию, извлекается из нее, подсказывается ею, трансформируется в образные ассоциации» (18,с.19).

Отсюда, «непереводимость» фразеологических единиц имеет условный характер и в практике перевода существуют вполне действенные средства их передачи с одного языка на другой, о которых речь пойдет ниже. При этом, следует также иметь ввиду, что вслед за сопоставительным и переводческим изучением на лексическом и фразеологическом уровнях, правомерными и закономерными являются исследования сопоставительного и переводческого характера на всех языковых уровнях: не только в лексике и фразеологии, текстолингвистике, дискурсе и многих направлениях науки. В область интересов наших исследований входят разговорные фразеологические конструкции, разговорные фразеологические словосочетания и разговорные фразеологические предложения таджикского языка, способы их передачи на русский язык.

Способы, обеспечивающие адекватность передачи фразеологических единиц. В современных условиях сопоставительное изучение фразеологизмов языка разноструктурных языков актуально и для «понимания интегрированного обучения как соизучения языка и

культуры, в соответствии с которым язык нельзя изучать в отрыве от культуры, его взрастившей» (5,с.14), и для решения ряда важных переводческих задач.

Перевод фразеологических единиц представляет собой особую проблему, так как они тесно связаны с культурной спецификой и особенностью восприятия мира носителем языка.

Фразеологические вопросы и общая проблема разной сочетаемости слов в различных языках чрезвычайно существенны как для практики, так и для теории перевода.

С точки зрения перевода исключительно важны такие черты фразеологических единиц, как степень смысловой слитности или раздельности их элементов, степень ясности или неясности мотивировки (наличие или утрата внутренней формы, образности), стилистическая окрашенность (135,с.161).

Как на один из признаков ФЕ нередко указывают на их «непереводимость» или непереводимость их в буквальном смысле.

Проблема перевода эквивалентных ФЕ решается подбором готовых соответствий, которых можно разделить на эквиваленты и аналоги. Эквиваленты ФЕ также делятся на полные и частичные эквиваленты, примеры которых подробно рассмотрим ниже. Здесь только упомянем, что вообще в силу специфики фразеологических эквивалентов у них сравнительно немного. Чаще всего они обнаруживаются у так называемых интернациональных фразеологизмов, заимствованных обоими языками из третьего языка, главным образом, латинского или греческого.

В случае отсутствия фразеологического эквивалента, полного или частичного, делается попытка подобрать фразеологические аналоги.

Использование соответствия этого типа обеспечивает достаточно высокую степень эквивалентности. Однако и здесь существуют некоторые ограничения.

Во-первых, по мнению В.Н. Комиссарова, необходимо сохранить эмоциональные и стилистические значения фразеологизма. Английское *Jack of the trades* и русское «*мастер на все руки*», таджикское «*панҷ панҷааш ҳунар*» - все эти идиомы на трёх языках относятся к человеку, который может заниматься самыми разными делами. Однако русская и таджикская идиомы не являются фразеологическим аналогом английскому, поскольку у них не совпадают эмоциональные значения. И в русском, и в таджикском языках – это, действительно, мастер, умелец в положительном смысле, а по английский это – *master of none*, то есть *неумеха, портящий все, за что берется*, что соответствует таджикской пословице «*холаи ҳамакора ҳама кораш нимкора*».

Во-вторых, следует учитывать два фактора: стилистическую неравноценность некоторых аналоговых фразеологизмов (литературное английское *can the leopard change his spots* нельзя переводить русскими и таджикскими разговорными выражениями *«черного кобеля не отмоешь добела»*, *«горбатого могила исправит»* и «*зангӣ бо шустан сафед намегардад*»).

В отношении безэквивалентных ФЕ в основном используется описательный перевод, осуществляемый путем передачи смысла оборота свободным словосочетанием. Описательный перевод применяется в тех случаях, когда в ПЯ отсутствуют эквиваленты и аналоги.

В отношении безэквивалентных ФЕ также используется калькирование или дословный перевод. Калькирование фразеологических единиц может быть применено лишь в том случае, когда в результате перевода появляется выражение, образность которого легко воспринимается читателем и не создает впечатления неестественности общепринятым нормам языка.

Калькирование обладает определенными достоинствами и достаточно широко используется в переводческой практике: оно

позволяет сохранить образный строй оригинала и даёт возможность преодолеть трудности, которые возникают, когда в оригинале образ обыгрывается для создания развернутой метафоры.

При переводе переводчику в первую очередь необходимо уметь распознавать фразеологизм в тексте оригинала. В противном случае существует риск его буквального перевода, что может привести к искажению смысла или полному его отсутствию в переводе. Здесь на помощь переводчику приходят специализированные фразеологические словари, а также общая языковая эрудиция и «чувство языка».

В зависимости от того, что является приоритетной задачей (или совокупностью задач) переводчика, – передача содержания, стиля или эмоциональной окраски текста и т.п., а также от характера самой идиомы, могут быть использованы различные способы из числа вышеприведенных. Ниже рассмотрим примеры переводов ФЕ с таджикского языка на русский.

Эквивалентный способ передачи: полные и частичные эквиваленты.

Полные эквиваленты – это эквиваленты, в большинстве своём являющиеся моноэквивалентами фразеологизмов языков, совпадающие по значению, по лексическому составу, образности стилистической направленности и грамматической структуре (Ср.: *дасту остин барзадан – засучить рукава*).

Частичные эквиваленты – это не означает какой-либо неполноты в передаче значения, а лишь содержат лексические, грамматические или лексико-грамматические расхождения при наличии одинакового значения одной и той же стилистической направленности. Поэтому частичный эквивалент по степени адекватности перевода следует считать равноценным полному эквиваленту (98). (Ср.: *бо дасти чап бархостан – встать с левой ноги*).

Способ аналогии. Как выше было упомянуто, второй тип фразеологических соответствий представляют так называемые фразеологические аналоги, под которыми подразумеваются фразеологизмы, совпадающие по семантике и стилистической направленности, но различающиеся по структуре, лексико – грамматическому составу и образности. Аналоги передают уникальные образы и понятия, которые составляют национальное своеобразие сравниваемых языков. (Ср.: *аз гунҷишк тарсӣ, арзан накор* (*воробья боишься, просо не сей*) – *волков бояться, в лес не ходить*).

Выбор использования фразеологического аналога как способ передачи имеет свои плюсы и минусы. Положительной стороной является то, что не все ФЕ оригинала могут быть переведены, поэтому использование аналога позволяет сохранить фразеологичность речи. Отрицательной стороной является высокая частотность использования аналога, это может нивелировать национальный оттенок текста. Поэтому переводчик при переводе фразеологических единиц способом фразеологического аналога должен соблюдать сбалансированное равновесие.

Описательный способ передачи фразеологической единицы сводится, по существу дела, к переводу не самого фразеологизма, а его толкования, как это часто бывает с единицами, не имеющими эквивалентов в ПЯ. Это могут быть объяснения, сравнения, описания, толкования – все средства, передающие в максимально ясной и краткой форме содержание ФЕ. В различных вариантах описательного способа наиболее полно отражается творческий подход автора к предлагаемому материалу (Ср.: *Шумо улфат не, кулфат ҳастед* (*Вы не друг, а горе*) – *Вы, ублюдки, трусы проклятые*) (199,с.60).

Описательный способ перевода очень помогает переводчикам, как говорится, перевести не «переводимое», т.е., когда переводчик не находит ни эквивалента, ни аналога какой-либо фразеологической

единицы, он смело может прибегнуть к описанию, но следует отметить, что использовать этот метод необходимо умело, соблюдая определенное равновесие, чтобы данные единицы не потеряли свою специфичность.

Действительно, нередки случаи, когда переводчики обращаются к такому нефразеологическому способу перевода, как описательный. Причиной подобного обращения можно считать определённую цель, преследуемую переводчиком в том или ином конкретном случае: при помощи описательного перевода, как правило, предпринимается попытка сохранить в переводном тексте те или иные национально-специфические образы, особенности категории мышления народа – носителя языка оригинала.

Дословный перевод (калькирование) при наличии полного или частичного эквивалента. Несмотря на наличие полного или частичного эквивалента фразеологизмов иногда приходится переводить дословно. Такой перевод особенно важен, когда образ, заключающийся во фразеологизме, небезразличен для понимания текста, а замена его другим образом не дает достаточного эффекта (Ср.: *чашми касеро кушодан – открыть чьи - то глаза*).

Способ калькирования больше применяется по отношению к безэквивалентным фразеологическим единицам, не заключающим в себе особые образы, иносказания. Используя его, переводчик должен проявлять осторожность, чтобы не исказить смысл отдельных слов и единицы в целом. Безэквивалентные ФЕ легко поддаются калькированию, когда совпадают их стилистические и грамматические функции в двух языках. Если калькирование верно и выполнено качественно, оно способствует обогащению ПЯ новыми единицами путём заимствования. Преимущество калькирования подтверждает и тот факт, что оно выступает как один из способов формирования полных эквивалентов и интернациональных единиц, которые вначале

формируются в одном языке, а затем вследствие социально-экономических и культурных и технологических взаимодействий постепенно распространяются в другие языки, обычно из крупных, мировых языков, в том числе русского языка, в малые и нераспространённые языки.

Способ лексического перевода применяется при отсутствии других, более образных способов передачи, таких как аналогия, эквивалентность, так как применение данного способа приводит к ослаблению степени образности высказывания, порой и вовсе его теории эмоционального эффекта фразеологизма. Лексический перевод не ограничивается устойчивыми нормами, не нормируется количеством слов, а также грамматическими средствами. Во главу угла ставится полнота переводимого фразеологизма. Частое прибегание к данному способу приводит к обеднению фразеологического потенциала переводящего языка (Ср.: *сарфаи сари оташдон савдогари Хиндустон – сберегая у очага можно стать купцом в Индии*).

Однословный способ передачи сравнительно мало встречается в практике опытных переводчиков. Это случай когда смысл ФЕ передаётся посредством одного слова, в результате читатель обретает лишь общее понятие о предмете переводимого, тем самым фразеологизм теряет всех художественных качеств. Однословный перевод близок к такому серьёзному пробелу как опущение фразеологизма при переводе (Ср.: *чашми дидан надоштан – недолюбливать*).

Таким образом, перевод ФЕ является сложной переводческой задачей, и выбор наиболее удачного решения зависит от совокупности множества лингвистических и экстралингвистических факторов, а также от мастерства переводчика. В теоретической литературе по проблемам перевода имеется достаточно большое количество материалов по каждому из вышеперечисленных и других способов перевода.

Следует отметить, что рассмотренные способы передачи оставили свой след в общей теории перевода и очень важно и нужно использовать их относительно исследуемых таджикского и русского языков. Как справились с этой задачей переводчики выбранных нами для анализа текстов, рассмотрим на конкретных примерах в соответствующих разделах настоящей диссертационной работы.

1.2. О степени изученности таджикских фразеологических единиц и проблемах их перевода

Несмотря на то, что в современном таджикском языкознании фразеология как научное направление сформировалась сравнительно недавно, однако большое количество научных работ, выполненных в этом направлении, свидетельствует о степени развития интереса научного сообщества к изучению этой проблемы. Таджикская фразеология в основном получила свое развитие во второй половине XX века. Вместе с тем, сведения о научных достижениях в этой области в исследованиях многих языковедов приведены в основном в связи с изучением степени разработанности темы. Так, в кандидатской диссертации Ш.А.Рахматова «Стилистические особенности фразеологических единиц в современном таджикском языке» (96) научные работы по проблемам фразеологии классифицированы по следующим группам: 1) научные работы литературоведов, в которых, в связи с исследованием различных аспектов художественных произведений, затрагиваются вопросы фразеологии (А.Мирзаев, М.Шакури, А.Сайфуллаев); 2) исследования стилистов (Р.Гаффаров, Б.Камолиддинов, Х.Хусейнов, М.Курбанов); 3) исследования, посвященные языковым и стилистическим особенностям произведений современных таджикских литераторов (Н.Масуми, Р.Гаффаров, Б.Камолиддинов, Х.Хусейнов); 4) исследования лингвистов (С.В.Хушенова, Р.Эгамбердиев, Х.Джалилов, Р.Саидов, Х.Маджидов,

Н.Джураев); 5) научные статьи по фразеологии (Р.Гаффаров, А.Турсунов, Б.Махсумова, С.Сабзаев, М.Фозилов, Ф.Джураев); 6) типологические исследования (Х. Турсунова, Э. Бобоев, М. Азимова, Б.Авезова, А.Ахмаджанов); 7) фразеологические словари (с комментариями А.Мирзоева, Г.Джураева, Р.Абдуллозоды, Б.Тилавова, М.Фозилова, Б.Осимовой, А.Абдукадырова, Б.Махкамовой); 8) научные труды, посвященные исследованию диалектных фразеологизмов (А. Турсунов, П. Холов, Х. Талбакова, Т. Максудов, Б.Осимова).

Вместе с тем, за последние годы в этой области были проведены ряд новых научных работ, посвященных исследованию малоизученных аспектов фразеологии, в числе которых можно назвать диссертационное исследование М.Азимовой «Сопоставительно–типологический анализ фразеологической системы таджикского и английского языков» (4), М.Назировой «Фразеологические единицы с компонентом цветообозначения английского, русского и таджикского языков» (83), Г.А.Шариповой «Фразеологические единицы в «Самаке айяр» (163).

Исследование М.Назировой направлено на раскрытие тождественных и различающихся признаков изучаемых фактов языка с компонентами цветообозначения в английском, русском и таджикском языках, а также структурно-семантических особенностей именных, глагольных, адъективных, адвербиальных и модальных ФЕ. После диссертационной работы М.Атоевой (7) названная работа является вторым научным исследованием, выполненным в сопоставительном плане.

Современное состояние таджикской фразеологии как научного направления более подробно отражено в диссертации Г.А.Шариповой «Фразеологические единицы в «Самаке айяр», посвящённой анализу языковых и стилистических особенностей сказочной прозы персидско-

таджикской литературы. В названной работе в качестве источника исследования рассмотрены работы нового направления, в том числе докторские диссертации В.Д.Ушакова «Фразеология Корана: Опыт сопоставления фразеречения Корана и арабского классического языка» (131) и В.С.Прокофьева «Текстообразующие функции фразеологических единиц в песенно–поэтическом произведении В.С. Высоцкого» (92).

За последние десять лет в области таджикской фразеологии возникли также направления, основанные на изучении структурно – грамматических особенностей ФЕ. До сих пор в таджикской лингвистике вопросы грамматического строя фразеологизмов таджикского языка оставались недостаточно разработанными. На наш взгляд, устойчивость состава ФЕ, являющихся одним из определяющих признаков фразеологизмов как особой языковой единицы, стала причиной малоизученности данного вопроса, в то время как исследование данного аспекта ФЕ позволяет выявить специфику лексико – грамматического содержания, морфологических категорий различных типов фразеологизмов. Следует отметить, что в монографическом исследовании А.А Хуснутдинова «Грамматика фразеологических единиц» (147), проведенном еще в 1996 году, рассмотрен целый комплекс проблем, связанных с грамматической структурой ФЕ, однако, несмотря на значительную работу, проделанную таджикским лингвистом, многие основополагающие вопросы, связанные со структурно – смысловой и грамматической организацией фразеологизмов до сих пор остаются нерешенными.

Особого внимания во фразеологии заслуживают коммуникативные ФЕ, делимые, как правило, на две группы оборотов: поговорки и пословицы. Несмотря на то, что изучением пословиц и поговорок специально занимается такой раздел науки как паремиология, в силу константной зависимости компонентов, многие

вопросы, связанные с категориальными признаками пословиц и поговорок рассматриваются во фразеологии. К примеру, первая глава диссертационного исследования Б.И.Караджева («Коммуникативно-прагматический потенциал русских пословиц»), названная «Общие вопросы теории и исследования пословиц» состоит из таких разделов, как «Пословица как коммуникативная фразеологическая единица», «Отношение предложения, речи и пословиц» и «Толкование пословицы как коммуникативной фразеологической единицы» (42) и т.д.

Докторская диссертация Е.И.Селивестровой «Русская пословица в паремиологическом пространстве» также посвящена проблемам фразеологии, во вступительной части которой исследователь, обобщив достижения лингвистов в данной области, приводит 20 научных работ и статей, выполненных в лингвистическом аспекте (111,с.10).

Вопрос об изучении пословиц и поговорок как коммуникативных ФЕ впервые был освещен в работах известного русского фразеолога А.В.Кунина (47). В своей работе он отмечал, что «среди коммуникативных фразеологических единиц следует различать поговорки, т.е. коммуникативные фразеологические единицы непословичного характера, пословицы, т.е. коммуникативные единицы, являющиеся краткими изречениями обобщённого и назидательного характера» (47,с.240).

Анализ и исследование перечисленных выше произведений свидетельствуют о том, что коммуникативные единицы считаются одной из важнейших составных фразеологии. Под этим понятием понимаются пословицы и поговорки.

Начиная с разъяснения понятия «Что такое фразеологическая единица?» и заканчивая другими вопросами, связанными с ФЕ ведутся научные споры. Одним из таких древних спорных вопросов является то, следует ли включать или не включать в ФЕ пословицы и поговорки. Большинство ученых придерживаются положительного решения

данного вопроса. Анализ научных источников доказывает, что к числу известных фразеологов относятся В.В.Виноградов, А.И.Ефимов, А.Н.Кожин, В.И.Жуков, М.А.Рыбникова, В.И.Ушаков и таджикские лингвисты Р.Гаффаров, К.Джураев, А.Абдукадыров, К.Тахирова, Т.Максудов, Ф.Зикрияев, Х.Джалилов, Ш.Рахматов, М.Н.Азимова, Г.Шарипова и другие. В последние годы были написаны диссертации, полностью посвященные этой проблеме. Примером тому может послужить кандидатская диссертация М.М. Раджабовой «Структурно – семантические особенности коммуникативных фразеологических единиц в таджикском и английском языках» (93). Работа состоит из трёх глав, в каждой из которых, соответственно, рассмотрены теоретические (глава 1), морфолого – синтаксические (глава 2) и семантические особенности (глава 3) фразеологических единиц таджикского и английского языков на примере пословиц и поговорок. Диссертант на основе исследования приходит к выводу о том, что «Пословицы и поговорки можно по праву считать фразеологическими единицами, так как у них есть все основные признаки ФЕ:

1. Имеют переосмысленное значение;
2. Состав компонентов в них остаётся неизменным и постоянным;
3. Выдаются в речи в готовом виде, а не создаются каждый раз заново;
4. Имеют устойчивый состав компонентов;
5. По структуре соответствуют предложениям» (93,с. 24).

Поддерживая мысль о том, что пословицы и поговорки должны войти в состав ФЕ, мы добавим, что их вхождение в фольклор (паремиологию) не может быть причиной препятствия их исследования лингвистикой. Пословицы и поговорки в данном случае служат как текст (как и все литературные или художественные тексты). Поэтому их исследование с точки зрения языкознания, и в частности фразеологии,

будет способствовать всестороннему изучению столь важной единицы национального языка.

К тому же в таджикском языке не мало примеров, соответствующих по всем семантико – стилистическим параметрам фразеологичности, отличающихся лишь по грамматической (синтаксической) оформленности. К примеру фразеологизм *«Пеш аз тӯй нагора задан»* (букв. *бить барабан до свадьбы*, т.е. делать что – то раньше времени) выражено в структуре словосочетания, а *«Пеш аз тӯй нагора назан»* (букв. *не бей барабан до свадьбы*, т.е. не делай что – то раньше времени) в структуре предложения – поговорки. Таких примеров не мало. Исходя из изложенных выше соображений, мы также придерживаемся мнения о включении пословиц и поговорок в состав ФЕ.

Следует отметить, что одно время «непереводимость» являлась одной из основных особенностей ФЕ. В настоящее время принято считать, что ФЕ переводима. Также было время, как отметили выше, когда с учетом устойчивости ФЕ они не подвергались синтаксическому анализу. Теперь же на основе научных работ, упомянутых в нашей работе, можно полагать, что без грамматического анализа исследование ФЕ, особенно фразеологических предложений, к которым относятся и пословицы и поговорки, остаются недостаточно полными.

Широкий взгляд на проблему фразеологии, а не узкое или ограниченное ее понимание в последние десятилетия способствовал расширению фразеологии, как науки. В рамках одной диссертации, которая посвящена локальной теме этой науки (в нашем случае – переводу), невозможно подробно говорить о всех заслугах таджикских учёных, в том числе и профессора Х.Маджидова. Мы обратились к относительно новым работам «старой» проблемы.

На самом деле проблема сходства и различия ФЕ, в том числе персидско – таджикских пословиц с их русскими аналогами уже давно – более ста лет привлекала к себе внимание учёных. Так, русский

востоковед Вл.Гордлевский, который в начале XX века собирал и давал толкование персидско – таджикским пословицам, показал близость таджикского и русского языков на примере множества аналогичных пословиц таджикского и русского народов. Например, «*То бача нагиряд, модараш шир намедиҳад*» - «*пока дитя не заплачет, мать не даст ему грудь*» - «*Дитя не плачет, мать не разумеет*» - «*Сытый голодного не разумеет*» (25,с.6). Или «*Ҳар куҷо санг ояд, бар пои ланг ояд*» - «*Всегда камень попадает в ногу хромого*» - «*На бедного Макара все шишки валятся*» (25,с.16).

В качестве примера можно назвать также сборник «Пословицы и поговорки» Х.Г.Короглы, в котором приведены таджикские пословицы с их русскими аналогами (89,с.10).

Также в 50-е годы прошлого века были написаны труды о диалектных и литературно – книжных пословицах и поговорках, в приложениях которых приведены их аналоги с русскими. К ним можно отнести работы Д.Г.Резника «Пословицы и поговорки таджиков Кулябской области как диалектологический материал» (97,с.11) и А.Маджи «Пословицы и поговорки Рудаки с их русскими соответствиями» (51,с.11). Научная работа известного таджикского фальклориста Б.Тилавова «О пословицах и поговорках и их переводах» (123,с.13) также была написана в этот период.

Практическое значение сопоставительного анализа ФЕ, в том числе пословиц и поговорок таджикского и русского языков доказывается и тем, что они составляют важную часть таджикско – русских словарей. Свидетельством этому могут послужить все переводческие словари с таджикского на русский язык. Так, один из ранних словарей «Персидско - русский словарь», составителем которого был Мирзо Абдулло Гаффаров (1927), в котором при толковании слов, если приводится пословица или поговорка даётся их эквиваленты на русском языке, например, **сих** – «*Коре бикун, ки на сих сӯзаду на кабоб*» // *Сделай*

так, чтобы ни вертел, ни жаркое не сгорели (*т.е., чтобы никому не было обидно, чтобы волки были сыты и овцы целы* (посл.) (23,с.12).

Также в других последующих одноименных русско – таджикских словарях, изданных под редакцией академика Е.Н.Павловского, члена корреспондента АН СССР Е.Э.Бертельса, таджикских писателей Джалола Икроми и Рахима Джалила (Ташкент,1946), а также под редакцией Л.В.Успенской (Москва,1954) и под редакцией Д.Саймиддинова, С.Д.Холматовой, С.Каримова (Душанбе, 2006) для полного объяснения смысла и значения слов использован метод привлечения перевода и эквивалента пословиц и поговорок. Становится очевидным, что такой принцип необходим для полного разъяснения смысла и стиля слова. В вышеупомянутом последнем словаре под словом **дил** комментированы около 40 таджикских ФЕ, которые имеют разные значения и часть которых составляют пословицы и поговорки типа: *«дили нохоҳаму узри бисёр», «дили одаткарда – балои ҷон», «дилро ба дил раҳест»* и другие (23,с.119).

При исследовании связей устойчивых единиц русского и таджикского языков работа Я.И.Калонтарова «Таджикские пословицы и поговорки и их аналоги» (37) считается наиболее значительным достижением в области сопоставительной фразеологии русского и таджикского языков. Во вступительной части работы говорится: «Данная книга является опытом систематического собрания пословиц и поговорок, а также крылатых изречений и афоризмов таджикского народа в параллелях и соответствиях пословицам и поговоркам русского народа… Из всего богатого русского и таджикского фольклора нами зафиксировано около трёх тысяч аналогий с вариантами» (37,с.6).

В монографическом плане сопоставительное исследование фразеологических единиц таджикского и русского языков в 70-е годы прошлого столетия было начато в кандидатских диссертациях. Так,

темой кандидатской диссертации Муллоджановой З.А. является «Стиль Садриддина Айни и перевод его произведений на русский язык», которая была защищена в 1973 году (75,с.54). Несмотря на то, что диссертация написана по литературоведению, однако весь её материал основан на сопоставлении текстов оригинала и перевода. На материале названной диссертационной работы была опубликована книга под названием «Стиль оригинала и перевод» (76), одна из больших глав которой называется «Переводы пословиц, поговорок и идиом, способы передачи» (76,с.125-157). В ней приведены достоинства и недостатки перевода 86 фразеологических единиц, большую часть которых составляют пословицы и поговорки. Исследователь с сожалением отмечает, что преобладающее большинство недостатков относится к передаче ФЕ устода С.Айни: «И легко представить, чему может привести беспричинно упущенная или нечто нечётко сформулированная пословица или поговорка в переводе его (Айни – С.М.) произведений на русский язык… Как ни досадно, но до сих пор нам приходилось говорить больше о недостатках, чем о достоинствах переводов. А ведь факты говорят сами о себе, нам не приходится считаться с фактами» (76, с.128-129).

Проблемные исследования взаимовлияний ФЕ таджикского и русского языков усилились с начала XXI века. Так, в 2009 году была написана кандидатская диссертация Назировой М. «Фразеологические единицы с компонентами цветообозначения английского, русского и таджикского языков» (83) на основе сопоставления трёх языков. Работа состоит из двух глав, в первой главе речь идет об общих и отличительных семантических особенностях ФЕ, во второй главе обращается внимание на определение структурных особенностей ФЕ с компонентами цветообозначения в названных языках. Диссертация написана на основе фразеологических словосочетаний. В конце диссертации приведен раздел «Некоторые практические рекомендации

при переводе фразеологических единиц», не лишенный значения в изучении проблем перевода ФЕ, а именно:

1. Оптимальным переводческим решением, несомненно, является поиск идентичной ФЕ. Однако, следует признать, что чисто подобных соответствий в английском и русском языках крайне ограничено.
2. При отсутствии непосредственных фразеологизмов, употреблённых в языке оригинала, можно перевести с помощью аналогичной фразеологической единицы, хотя он и будет построен на иной словесно–образной основе. Следует также учитывать, что стилистическая и эмоциональная окраска не всегда совпадают. В этом случае взаимозамена не возможна.
3. Калькирование или пословный перевод иногда допустимы, хотя этот метод не всегда является эффективным. Интересно, что порой переводчикам удаётся внедрить в язык перевода и даже культуру новую ФЕ. Чаще всего этот путь применим к фразеологизмам, имеющим библейские, античные или мифологические источники.
4. При переводе текстов культурно–исторической тематики применяют калькирование наряду с объяснением в возможно более кратком виде. Такой вид перевода называется двойным или параллельным.
5. Если в языке перевода нет фразеологизмов, в большом или меньшем объёме эквивалентных исходной фразеологической единице, нужно искать соответствующие по значению и окраске слова, так называемые однословные частичные эквиваленты фразеологизмов.
6. При переводе ФЕ с одного на другой (язык) рекомендуется пользоваться наиболее полными фразеологическими двуязычными словарями.

Конкретной проблеме передачи таджикских фразеологических единиц на русский язык посвящена диссертационная работа М.М. Мирзоевой «Фразеологические единицы произведений С. Айни и способы их перевода на русский язык», изданную позже в форме

монографического исследования под аналогичным названием (70). Автором выбран несколько иной подход к постановке вопроса: если раньше исследователи исходили от актуальности решения задач проблем перевода в ракурсе ряда проблем, в названной работе во главу угла ставятся один вопрос - пути и способы перевода таджикских фразеологических единиц на русский язык. Автор ставит задачу о необходимости исследования перевода художественных произведений и на примере произведений «Смерть ростовщика» и «Воспоминания» и в этой связи рассматривает некоторые аспекты перевода ФЕ. Монография как диссертационная работа, выполнена под руководством известного таджикского ученого Б. Камолиддинова. Работа состоит из двух глав: первая глава посвящена изучению семантико - стилистических особенностей ФЕ произведений С.Айни на материале повести «Смерть ростовщика» и «Воспоминания», а во второй главе рассматриваются вопросы передачи таджикских ФЕ на русский язык.

В начале второй главы приводятся мнения исследователей относительно, так называемых способов перевода лексико-фразеологических единиц, которые по верному утверждению автора, делятся на два вида: 1 нахождение соответствующего аналога во втором языке; что называется «фразеологическим переводом»; 2 нефразеологический перевод, когда смысл ФЕ передаётся тремя путями: лексическим (посредством одного обобщающего слова); пословным переводом (т.е., переводом по словесным компонентам ФЕ); описательным способом (когда ввиду полной семантической идиоматизации национальных ФЕ трудно вообразить смысл устойчивых единиц, возникает необходимость кратких комментарий).

Исследование М. Мирзоевой, несомненно, внесло определенный вклад в таджикскую лингвистику перевода, однако оно не может

претендовать на полноту охвата избранного нами направления исследования.

Настоящее диссертационное исследование по сравнению с вышеназванной работой имеет некоторые структурно-содержательные отличия, которые сводятся к следующему:

– в нашей диссертации подвергаются всестороннему анализу все три структурно – семантических категорий фразеологизмов: фразеологические конструкции, фразеологические словосочетания и фразеологические предложения, а работа Мирзоевой М. основана на материале одного из видов ФЕ, т.е. фразеологических словосочетаний;

– исследование посвящено рассмотрению способов и приемов передачи широкого диапазона фразеологизмов, более 500 таджикских ФЕ, основным видовым категориям (ФС, ФП) из которых посвящены отдельные главы диссертации;

– языковым материалом в диссертации послужили больше разговорных фразеологизмов исследуемого произведения, что труднее поддается переводу в связи с высоким национально – бытовым колоритом;

– материалы в главах диссертации анализируются с точки зрения всех способов передачи ФЕ;

- настоящая работа (все главы) полностью посвящена проблемам передачи ФЕ на русский язык, когда в сопоставляемой диссертации лишь одна глава (из двух) касается исследуемой темы.

Итак, перед настоящей диссертационной работой главным образом ставится задача показать в комплексе способы передачи всех семантико – структурных категорий таджикских ФЕ на русский язык, а также на конкретных примерах отметить наиболее удачные моменты, а в отдельных случаях допущенные неточности, даже искажения в передаче смысла оригинала.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ТАДЖИКСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ И СЛОВОСОЧЕТАНИЯ И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕДАЧИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

1. Таджикские фразеологические конструкции и способы их передачи на русский язык

Фразеологические конструкции (ФК) представляют собой наименьшую фразеологическую единицу, как по семантическому, так и по структурному признаку. По форме ФК (как синтаксические, так и фразеологические) больше слова, но меньше словосочетания, поскольку в словосочетании наличие двух полнозначных слова является необходимым условием, в то время как ФК может состоять из полнозначного и неполнозначного слова. «Меньшая форма» ФК по отношению к словосочетанию объясняется именно этой особенностью данных фразеологических единиц. Как отмечает известный таджикский ученый Н.Масуми: «Составные глаголы и глагольные конструкции состоят из двух частей: основной части (смыслообразующей), обозначающей основное значение и вспомогательной части, служащей для выполнения грамматических функций и выражения смысловых оттенков» (68,с.193). Эти слова можно отнести как к синтаксическим, так и к фразеологическим конструкциям. Примером тому могут послужить, синтаксическая конструкция *«ба чашм»* (*на глаз*) и фразеологическое сочетание *«ба чашм»* (*охотно!, с удовольствием!*), находящиеся в омонимичных отношениях и состоящие из двух элементов: главного слова, выраженного именной частью речи – существительным *«чашм»* (*глаз*) и вспомогательного, выраженного служебной частью речи – предлогом *«ба»* (*в, к, на*).

Или же конструкция *«сӯян кардан»,* состоящая из двух компонентов – именной части (*«сӯян»* - *напильник*) и вспомогательного глагола (*«кардан»* - *делать*), также используется в двух значениях – в прямом *«сӯян кардан»* (*точить напильником*) и переносном (*изводить, донимать беспрерывными попреками, придирками*).

Следует отметить, что теоретические основы таджикских фразеологических конструкций разработаны видным профессором Х.Маджидовым.

Фразеологические конструкции романа «Шураб» делятся и соответственно передаются на русский язык в следующих группах:

парные фразеологические конструкции с союзами;

фразеологические конструкции со вспомогательными глаголами;

предложные фразеологические словосочетания.

В настоящем исследовании при анализе способов передачи ФК романа «Шураб» Рахима Джалила на русский язык, считая правомерным, мы придерживаемся данной классификации.

1.1. Фразеологические конструкции с союзами и способы их передачи на русский язык

Среди ФК наиболее употребительными являются союзные фразеологические конструкции (СФК), наибольшая часть которых образована посредством соединительных союзов *«-ву», «-ю»* (*«и»*) 2-х и более компонентов, выраженных преимущественно существительными. По семантике соединительные союзы *«-ву», «-ю»* тождественны соединительному союзу *«ва»* (*«и»*), однако в образовании ФК данный союз характеризуется малоупотребительностью. Это обусловлено, на наш взгляд, неустойчивой семантической спаянностью компонентов, связанных посредством союза *«ва»,* в силу которого они сохраняют семантическую самостоятельность, что не характерно фразеологическим конструкциям.

В данной главе подвергаются исследованию способы передачи СФК, образованных посредством соединительных союзов *«-ву», «-ю»* и именных компонентов, выраженных существительными, с точки зрения их структурно-семантических и стилистических особенностей. В СФК, употребляемых, преимущественно, в разговорной речи, смысловую нагрузку в основном несут компоненты, относящиеся к живой народной речи. Например, в СФК *«чӯбу чахс»* (*«хворост»*) один из компонентов - *«чахс»,* который в толковом словаре таджикского языка (ТСТЯ) передается как *«щепка, стружка, лучина»* (192,с.542). В произведении эта устойчивая конструкция переводится словом *«отходы»:* Ман аввалҳо гумон мекардам, ки деворҳо пур аз *чӯбу чахси* ношоям (201,с.405). // Сперва думал, что, наверно, из *отходов* ставят заборы (199,с.520).

В другом случае этот же фразеологизм в зависимости от контекста приобретает общее значение и в предложении семантически указывает на *пирамидальный тополь*, из чего собираются в будущем построить дом: Тоҷикони деҳот дар хонадон писар, ки ба дунё омад, як бӯрё ҷойи холӣ дошта бошанд ҳам, бист бех ниҳол ё қаламчаи ар-ару сафедор мешинонанд, ки барои хона сохтан ба ӯ *чӯбу чахс* шавад (201,с.177). // В таджикских селах по случаю рождения мальчика высаживают двадцать молодых пирамидальных тополько в, чтобы было *из чего* ставить сыну к свадьбе дом… (199,с.338).

В тексте перевода в четырех случаях ФК *«лоқу пар»* (в одном случае употреблено в форме *«лоқупар»* - 200,с.30), комментируемый в ТСТЯ как *пожитки, всякие домашние вещи* (191,с.68) на русский язык передается эквивалентным словом *«скарб»:* Ҳамаи *лоқу пари* зиндагиат ба як хар бор мешавад (200,с.135). // Весь твой *скарб* уместится на одном осле (199,с.309).

В другом месте переводчик для передачи общего лексического значения данной ФК использует лексему *«все»:* Ҳамаи *лоқу пари*

хонаатон ҷо ба ҷо истодааст (200,с.167). // *Всё* у вас в целости и сохранности.

В нижеследующих примерах при передаче ФК используется прием опущения. Данный прием используется в случаях, когда опущение лексической единицы, значение которой оказывается нерелевантным или легко восстанавливается в контексте, не помешает реализации главной задачи: Аз байни *лоқу парҳои* рӯи ҳавлӣ гузаронида, рост ба хона даровард (201,с.15). // Он сразу провел в комнату, в которой пахло тухлым мясом - кислым квасом (199,с.215). Или же: Мусофирон, ки якдигарро фишурда меомаданд, сандуқҳо, ҷомадонҳои калони пахтаву фанерӣ, наволаву бандҳои кӯрпаву палос, бӯғчаҳои гунбазвори либос, халтаҳои пури *лоқу пари* рӯзгорро бардошта мефаромаданд (201,с.30). // Давясь и бранясь, застревая в приходе, цепляясь друг за друга дощатыми сундуками, фанерными чемоданами, огромными тюками, узлами, корзинами и мешками, пассажиры повалили на перрон (199,с.224). Представляется, что в обоих случаях упущена фразеологическая конструкция «*лоқу пар*» без заметного ущерба на художественное достоинство текста оригинала, поскольку «*лоқу пар*» как название предмета не носит эмоциональной нагрузки.

В передаче ФК *«лаққу луқ»* синонимичной по семантике фразеологизму «*лоқу пар*» (разг. *старьё, ветошь, хлам, скарб, домашний скарб*) переводчик также, отдавая предпочтение по стилистическим причинам более общему значению фразеологизма, использует выражение *«все это»*: Ин қадар *лақу луқро* барои чӣ ба миён овехтӣ? – пурсид ӯ аз Пётр хандаи Давлатро оварда (200,с.53). // - Зачем носите с собой *всё это*, дедушка? – спросил Пётр (199,с.31).

В таджикском языке также присутствуют фразеологизмы *«луту пут»* и *«лату пут»*, относящиеся к устаревшим фразеологизмам. Первое, комментируемое в толковых словарях как *«вкусные кушанья с напитками: пища и напитки»* (191,с.130) вышло из употребления, а

второе, аналогичное по семантике ФК *«лоқу пар»,* широко употребляется в разговорной речи в значении «*тряпки* (*женская одежда*)». В оригинале данная ФК, в передаче которой переводчику удалось достичь эквивалентности, употреблена в значении «*тряпья, лоскутья заплатанного халата»*: Ӯ бо вуҷуди муътадилии ҳаво чакмани ғафси пашмина (илова бар ин сар то по пур аз *дарбеҳҳои бо латтаву путтаи* ранг ба ранг дӯхташуда) ба тан, чоруқи кӯҳна дар пой, саллаи калони алочаи дилу бедилон–бетартиб печонидашуда дар сар дошт (200,с.52). // Несмотря на тёплую погоду, он был в толстом из домашнего сукна *латаном-перелатанном* чекмене, обут в старые чоруки из коровьей шкуры, голова покрыта платком из выцветшей алычи (199,с.31). В данном случае перевод выражения «дарбеҳҳои бо *латтаву путта…* дӯхташуда» - словами «*латаном – перелатанном*» соответствует художественному замыслу автора, однако в переводе слова «*салла*» переводчик допускает семантическую ошибку, поскольку данной лексеме в ПЯ соответствует слово *«чалма»,* а не *«платок»,* эквивалентом которого в таджикском языке является «*рӯймол»*.

Полного эквивалентного соответствия переводчик достигает при передаче ФК *«нону намак»,* которому в русском языке соответствует фразеологизм *«хлеб – соль»:* Ман беодобӣ кардам, бобоҷон, – гуфт Давлат калонона. – Ман ба *нону намаки* худ яке ба ҳазор розӣ (200,с.42). // Успокойся, дедушка, я за свой *хлеб-соль* тысячу раз доволен тобой (199,с.23); Ба қавли худатон, онҳо ба ту ҳаққи *нону намак* доранд, чӣ гуфтӣ? (200,с.40) // – Не только за *хлеб–соль* обязан я вам, вы мне вместо отца родного… рыдания перехватили горло мальчика (199,с.23).

Частичное семантическое соответствие можно проследить и в передаче соматической ФК *«сару рӯ»* (досл. *голова и лицо*), употребляемой в сочетании с лексической единицей «*арақ*» (*«пот»*) для выражения переносного значения «трудиться *в поте лица*» или же

«обливаться *потом* от смущения, страха». В оригинале данная ФК, используемая в исследуемом произведении из уст персонажа Идрисенко, переводится посредством устойчивого словосочетания «*испарина* на лбу», которая не может в полной мере передать значение исходного фразеологизма: …- Шумо чаро ин қадар суханро кашол медиҳед? – фарёд зад ӯ ва рӯ-рӯи кабинети майда калон-калон қадам зада, арақи *сару рӯяшро* пок карду худро як қадар ба даст гирифт (200,с.94). // Походив так некоторое время, волостной вытер выступавшую на лбу *испарину* и сел на место (199,с.64).

Или же в передаче ФК «*сарашу равғанаш*» (*вольному воля*) переводчику удается подобрать в ПЯ фразеологизм с таким же переносным значением, основанным на ином образе «*пропади всё пропадом*»: – *Сарашу равғанаш*, – мегӯию партофта ба ин ҷо мегурезӣ. Дунё – дунёи кӯтур, гурба ба болои шутур, гӯсола ба болои нордбон таранно! – гуфтаанд (200,с.74). // Подумаешь: *пропади всё пропадом*, и бежишь сюда отдохнуть душой от этой жизни проклятой (199,с.48).

В переводном тексте некоторые ФК передаются посредством однословного перевода, то есть когда фразеологическая единица передается в ПЯ — одним словом. Примером тому может послужить фразеологизм *«доруву дармон»* (букв. *лекарство и лечение*)*:* Падару модар ҳарчанд *доруву дармонҳои* хасакӣ мекарданд, ҷароҳат бо тезӣ намекафид (200,с.33). // Сколько ни старались отец с матерью домашними *средствами* вылечить сына, нарыв не прорывался (199,с.17). Таким же способом в ПЯ передается и парная ФК *«хешу табор»* (букв. *родственники и близкие*), семантическое поле которого шире лексической единицы «*родственники*»: Оре, рӯзи сахт, – таъкид ва ҳамдардӣ кард Пётр,– магар *хешу табор* надорад, ки бачагони ӯро ба парастории худ гиранд, ҳеҷ набошад, ақаллан то боз хонадор шудани ӯ (200,с.90). // Да, не повезло бедняге, - сочувственно вздохнул Пётр.

- А разве у него нет *родственников* каких-нибудь, которые бы ухаживали за детьми? (199,с.61). – Кӣ медонад? *Хешу табораш* бошад ҳам, дар қишлоқи Ворух будагистанд (200,с.90). // - А кто знает? Может, и *есть,* там такие бедняки, как он, да и то, видимо в кишлаке живут, не близко. В Ворухе верно, он ведь оттуда… (199,с.60) .

В таджикском языке заимствованное слово *«аёл»* (*«иёл»*) используется в значении «*супруг, супруга*», однако в составе ФК *«аҳлу аёл»* в сочетании с лексемой *«аҳл»,* приобретая смысловую общность, употребляется в значении *«семья»:* Ҳай, ту бӯқаламун, ин тавр бошад, ҷогаҳи гарми худро хунук карда, *аҳлу аёлатро* дар Исфара монда худат дар ин ҷо дар мусофирӣ чӣ кор мекунӣ? (201,с.109). // Эй ты, хамелеон, если грешно оставлять теплую постель, то почему же ты оставил свою? Почему ты покинул *семью* в Исфаре, за какими деньгами пошёл? (199,с.285)

Прием опущения используется переводчиком и в передаче ФК, не имеющих аналогов в ПЯ. Примером тому может послужить выражение «ғазали *шаҳду ширу шакар*»: Ҳофизи соҳир, ки акнун ба қувваю қудрати афсуни худ бар шунавандагони мафтунаш қаноат ҳосил намуд, баъди хондани банди чоруми ин *ғазали шаҳду ширу шакар* дам нагирифта аз қассоб ва Мушфиқӣ ду ғазали дигар хонд (201,с.190).*[1]

Вместе с тем анализ переводческих соответствий оригинала и переводного текста показывает, что в ходе передачи большинства ФК, в частности, фразеологизмов, относящихся к разговорной речи, переводчику удается сохранить народно-разговорный компонент ФК: Ҳамаи ин *Машаву паша, Малоҳату палоҳат* ба як тори мӯи ту намеарзанд (201,с.340). // Да пойми ты, дурень, что все твои *машки-пашки, малоҳат-палохат* не стоят ни одно твоего волоска (199,с.464).

[1*] - означает отсутствие (опущение) перевода

В исследуемом произведении наряду с СФК, фразеобразующими компонентами которого являются конкретные или же вещественные существительные, наблюдается большое количество СФК, компоненты которых выражены абстрактными существительными. Следует отметить, что СФК, образованные от абстрактных существительных, обладают большей семантической возможностью для передачи образного значения, однако перевод таких фразеологизмов в силу отсутствия эквивалентов и словарного перевода в ПЯ вызывает ряд сложностей у переводчика. Анализ соответствий такого рода ФК в исходном и переводном тексте показал, что в передаче 12 фразеологизмов, таких как «*тобу тоқат*» – *терпение, выносливость* (200,с.386), «*ҳавову ҳавас*» – а) *любовь, увлечение*, б) *стремление, желание* (200,с.116), *«дахмасаву дардисар*» – *лишняя обуза* (200,с.173), «*қурбу қудрат*» – *цена, стоимость* (201,с.72), *«дӯғу дурушт*ӣ» – *гневный окрик, грубость* (201,с.8), *«туҳмату шилтоқ*» – *клевета, промокший насквозь* (201,с.242), «*ҳазлу ханда*» – *шутки и насмешки* (200,с.73), *«дӯғу пӯписа*» – *запугивание, острастка* (201,с.283) переводчиком был использован прием опущения.

При передаче ФК *«маҳву мот»* (*изумление*) переводчиком использован частичный фразеологический эквивалент *«застыл в изумлении»*: Нигоҳи дилошӯбе ӯро *маҳву мот карда* буд (201,с.163). //… Но Давлату было достаточно того мига, чтобы поразиться её красоте. Он *застыл в изумлении* (199,с.328).

Такой же прием использован переводчиком при передаче ФК *«нағмаю дутор»* (*хитрость, уловки*) посредством фразеологического соответствия – «*песни заведет»,* совпадающей с исходной единицей по значению, образности и стилистической окраске: Фақат калла ҷунбонда гапат маъқул гуфта ист, ин шайтон боз чӣ хел *нағмаю дутор* сар

мекунад (201,с.68). // Кивая головой, будто согласен, послушай, какие еще *песни заведет* этот шайтан(199,с.252).

В исследуемом романе также наблюдается 16 СФК, ядерный компонент которых выражен прилагательным. При передаче данных СФК переводчиком использованы различные приемы и способы передачи. В трех случаях используется прием опущения. В остальных же случаях переводчиком используются способы фразеологического эквивалента, перевода и описательный способ передачи фразеологизма. Например, при передаче выражения «*баҳудаву беҳуда*» ба кӯча баромадан», образное значение которого достигается посредством ФК «*баҳудаву беҳуда*» (*по всякому поводу, по делу и без дела*), переводчик с целью стилистического соответствия оригиналу использует способ частичного фразеологического эквивалента. Дословный же перевод употреблен при передаче СФК «*бе ресмон…баста мемонд*» – «*привязала меня без верёвки*», используемый в случаях, когда переводчику необходимо сохранить образный строй оригинала, что чаще всего важно при переводе художественных текстов: Худатон медонед, маро *бе ресмон* ба хона *баста мемонду* ба қавли худаш, *«баҳудаю беҳуда»* ба кӯча баромадан ҳам намегузошт, яку якбора чанд рӯз боз мӯнису меҳрубон шуд (201,с.388). // Сами ведь знаете, *привязала меня без верёвки* к дому, «нечего, – говорила ведьма, – *понапрасну шляться*», даже лишний раз высунуться на улицу не позволяла (199,с.505).

Так, например, при переводе ФК «*бечоракушу бойпарвар*» (досл. *губящий бедных и оберегающий богатых*), компоненты которого находятся в антонимичных отношениях, использование дословного способа оправдано «прозрачностью» переносного значения исходной ФЕ, пословное воспроизведение которого не вызывает трудности для понимания реципиента: – Онаи зорашро… Ин дунё *бечоракушу бойпарвар* аст (200,с.74). // И так этот мир устроен! *Бедняков убивает, а богатеев голубит!* (199,с.48) Вместе с тем, на наш взгляд, употреблением

в передаче данной СФК слова *«губит»* вместо «*убивает*» можно было добиться большей эквивалентности с точки зрения образности и художественности: «*Бедняков губит, а богатеев голубит!*».

В первом томе романа, в конце одиннадцатой главы, названной *«хонаи ҷин вайрон шуд»* (*«дом черта разрушен»*), размещен монолог главного героя по имени Хол, в котором он выражает свое недовольство миром, где «*бедняков убивают, а богатеев голубят*»* (199,с.106-107). В переводе данный монолог не переведен, что привело к ослаблению экспрессивности речи героя.

На наш взгляд, использование дословного перевода при передаче ФК «*сафедрӯю сиёҳбахт*» – «*с белым лицом и чёрным счастьем*» не способствует решению переводческой задачи, поскольку использование пословного способа перевода может быть правомерным только в случаях, когда данным способом передачи ФК можно довести до читателя не только первоначальное содержание всей фразеологической единицы ИЯ, но и обеспечить лаконичность высказывания: – Хез духтари *сафедрӯю сиёҳбахт* (200,с.157) // …вставай, вставай девушка *с белым лицом и чёрным счастьем* (199,с.109).

Интересным решением переводческой задачи можно считать передачу ФК *«лаванду кафанкашола»* нестем (досл. *мы не лодыри и не волочим саван*) фразеологической аналогией «*не лыком шиты»,* так как в этом случае переводчику удалось в определенной степени сохранить образность, экспрессивность и афористичность исходной ФК: Ҳамаи қувваю захираю имкониятҳоро сафарбар намуда, исбот мекунем, ки *лаванду кафанкашола нестему* аз ӯҳдаи кор мебароем (201,с.432). // Мобилизуем на его решение все резервы и возможности, отдадим все силы и энергию, докажем, что *мы не лыком шиты* (199,с.512).

Во многих случаях значение ФК передается посредством лексического перевода, с некоторыми изменениями в компонентах. Так, употребление приложения *«искуситель»* к слову *«дьявол»* для передачи

ФК «одамони *одамсурату шайтонсират*» – «*дьяволы-искусители в человеческом облике*» способствует сохранению экспрессивности и стилистической окраски: Онҳое, ки мардумро аз роҳ бароварда, ба Шӯроб, ба ангиштканӣ бурданӣ мешаванд, аз тоифаи ҳамон *одамони одамсурату шайтонсират* ҳастанд, ки ҷояшон, бешак, ҷаҳаннам аст (201,с.108). // Сбивающие людей с пути истинного, соблазняющие им копать в Шурабе уголь, никто иные, как *дьяволы–искусители в человеческом облике*, и место их, несомненно, в преисподней (199,с.284).

Примером лексического перевода является передача ФК «*кулӯху карахт*» (*истодан*), обозначающей *состояние полного оцепенения.* В русском языке данную ФК в зависимости от контекста можно перевести тремя лексическими единицами «*оцепенеть, ошеломить и застывать*». В тексте перевода для достижения большей экспрессии переводчиком используются два значения: Акнун *кулӯху карахт, ноҷунбон* меистод (200,с.132). // Он *оцепенел, ошеломненный* застыл (199,с.305).

Таджикскому языку также присущи парные ФК с повторяющимися компонентами, в которых повтор синонимичных или близких по значению слов способствуют интенсификации экспрессивной окраски фразеологизма. Примером тому может послужить исходная ФК «*муҳибу махуф*», состоящая из двух синонимичных по значению арабских заимствований «*муҳиб*» и «*махуф*». Лексема «*муҳиб*» в толковых словарях комментируется как «*ужасный, страшный, внушающий страх*» (197,с.860), а «*махуф*» – «*страшный, ужасный, устрашающий*» (197,с.774). Используя однословный способ передачи ФЕ, переводчик для передачи данного фразеологизма употребляет эквивалентное слово – «*страшный*», что, на наш взгляд, является правильным соответствием: Ҳамчунин дар он ҷо сангеро аз куллае тела додан кифоя аст, то гулдурроси *муҳибу махуф* сар шуда, ҳазорон сангҳои майдаву калон бо ҳам хӯрда поён ҷаҳанд ва

ҳар чӣ дар сари роҳ вохӯрд, шикананд ва нобуд созанд (201,с.14). // … достаточно сомкнуть один небольшой камешек, чтобы со *страшным* гулом, сметая все на своем пути, понеслись вниз тысяча других (199,с.312).

Явления, когда компоненты ФК встречаются в форме парных прилагательных, в таджикском языке достаточно распространены. Таких примеров в исследуемом произведении большое количество. К этой модели фразеологизмов относится и исходная ФК «*рӯдағафсу кундапих*», компоненты которого выражены разговорной лексической единицей. Лексическим соответствием данной ФК в ПЯ является слово «*лентяй»,* однако переводчику удалось найти правильное решение переводческой задачи и передать это устойчивое словосочетание посредством разговорной лексики «*чурбак чурбаком*», адекватной исходной ФК по стилистическому признаку: Ҳасани *рӯдағафсу кундапих* дере сари ҳунареро нагирифта, гирди номи падар гашт (201,с.115). // Пузатый Хасан, *чурбак чурбаком*, долго не знал никакого ремесла, жил за отцовской спиной, как за каменной стеной (199,с.291).

Однако не всегда переводчику удается найти точное соответствие разговорным фразеологическим конструкциям оригинала. Например, для передачи СФК «*ламсу фаҳӯл*», употребляемой для характеристики человека ленивого и бездеятельного, в тексте перевода вместо именной ФК использована глагольная ФК «*сидеть, сложа руки*»: Бандагонаш ландаҳурони «диҳӣ, мехӯраму надиҳӣ, мемурам»-и Худоёрхон барин «*ламсу фаҳӯл*» шуда шиштан гиранд, худи Худо кори онҳоро буд намекардагист…– гуфт як ҷавони рангзарди косибнамо (200,с.199). // -А рабы божьи обленились, – «дашь – съем, не дашь – умру с голоду». … Если будем *сидеть, сложа руки,* аллах не спустится с небес, чтобы выполнить за нами работу, – произнёс молодой парень, с виду ремесленник (199,с.136). Более того в переводе этого отрезка

наблюдается дополнительное разъяснение – «*аллах не спустится с небес*» без которого, на наш взгляд, переводчик мог вполне обойтись.

В нижеследующем предложении переводчик для воссоздания художественного эффекта оригинала прибегает к окказиональному соответствию, подходящему в данном конкретном случае по стилистическому признаку: Мо ҳарду *як сурху сафед шуда гирифтем* (201,с.320). // Мы с ним *крупно поговорили* (199,с.451). Однако в передаче ФК «*ҳарому ҳариш»,* принадлежащей к разговорным фразеологическим единицам способ контекстуальной замены был применен не совсем удачно, так как не может передать в полной мере значение ФК, употребленной в предложении «панҷ вақт намоз тарк не, *ҳарому ҳариш* фарқ не» с целью описания негодования Акбара (художественный персонаж) по поводу нерадивости своей жены: Панҷ вақт намоз тарк нею *ҳарому ҳариш фарқ не*. Кулакдухтар зӯр зада дар рӯйи ҷойнамоз афтида мехезаду рӯйи ношустаю Оллоҳи бадард чунон оҳ кашида «ё Оллох» мегӯяд, ки рости гап, кофир шавам ҳам, аз дину оини мусулмонӣ одам безор мешавад (200,с.295). … И намаз, проклятая, совершает пять раз на дню расстилает молитвенный коврик (199,с.433).

Сопоставление перевода с оригиналом позволяет вычленить и единицы несоответствия, то есть неправильно переведенные ФК, допускающие нарушения семантико – коммуникативной равноценности сопоставляемых произведений. В качестве иллюстрации рассмотрим способы передачи следующих ФК:

- ФК «*пуру пимон*» – лексическое значение: «*бодрый, крепкого сложения*», а лексическое соответствие в тексте перевода – *«знатный»:* Ин хел *пуру пимон* надорад (200,с.113). // Ни у одного Курбаши нет такого *знатного* йигита! (199,с.289)

- ФК «*куҷошинаму куҷобарам*» лексическое значение: «*очень красивый, бесподобный*». Лексическое соответствие в тексте перевода–

«новенький»: Хол ногаҳон духтарашро дида монд, – ту патолапаттӣ, ин сару либос, ин дура, кафши ғарчи *куҷошинаму куҷобарамро* аз куҷо ёфтӣ? (200,с.181) // Ах, трепа–растрепа, а платье, а платок–то шелковый… господи, и кафши на тебе *новенькие.* Где ты все это нашла? (199,с.341)

- ФК «*худхӯраму худнӯшам, худбошаму худҷӯшам*»– иносказательно *об эгоистичном человеке, стремящемся извлечь выгоду; себялюб.* Лексическое соответствие в тексте перевода – *«единоличники»* (188,с.249): Маълум мешавад, ки аз ин *худхӯраму худнӯшам худбошаму худҷӯшамҳо* дар Қарағанда, дар ин шахтаи пешқадами он ҳам будаанд,– мегуфт худ ба худ Назаров (200,с.405). // Значит, эти несчастные *единоличники* водятся не только у нас в Шурабе, но и тут, в Караганде, на такой передовой шахте, – думал Назаров, продолжая разглядывать стенгазету (199,с.521).

В исследуемом произведении наблюдаются и авторские обороты, такие как «*қашшоқу муҳточ*», «*бадқавоқу бадҳайбат*» (200,с.79), не нашедшие адекватного соответствия в тексте перевода, что негативно сказывается на коммуникативную равноценность переводного произведения.

В романе «Шураб» также встречаются союзные глагольные фразеологические конструкции, которые, несмотря на малочисленность, играют важную роль в образной системе произведения. Ядерные компоненты таких ФК связываются посредством глагольных связок. Примером таких фразеологических конструкций являются фразеологизм «*буду шуд*», переведенный посредством выражения «*что ни есть*»: Мо *буду шудамонро* ба пеши меҳмон бароварда мемонему чимхӯрӣ кунад, хафа мешавем (200,с.120). // Мы всё равно ставим перед ним *что ни есть* в доме и огорчаемся, если он мало ест (199,с.83).

Примером эквивалентного перевода можно считать передачу ФК «*ҳастему мешавем*», переведенной посредством устойчивого словосочетания «мы *есть и будем*»: Донад, ки бо зиндону шаллоқ маро тарсонда наметавонанд. *Ҳастему мешавем* (200,с.248). // Пусть знает, что побоями и зинданами нас не попугать. *Мы есть и будем* (199,с.165).

Изучение и анализ ФЕ романа «Шураб» доказывает красочность мозаики ГФК, более половины которых составляют фразеологизмы, присущие живой народной речи, однако не все разговорные фразеологизмы произведения Рахима Джалила нашли свое адекватное соответствие в тексте перевода. Примером тому может послужить ФК *«хӯрондану газондан»*, служащая для характеристики героя, умеющего своей красноречивостью убедить всех окружающих: Устоди азиз, хубам *хӯрондеду газондед*, – аҳсант хонд Хол ба Содирхон тантеҳона (200,с.190).

ФК «*даргирифтану хокистар шудан*» синонимичная фразеологизму «*даргирифтану хокистар нашудан*» обозначает *состояние тоски и безутешной печали,* а в нижеследующем предложении она употреблена писателем для обозначения *щемящей боли от невосполнимой утраты,* однако в переводе для передачи данной ФК использовано неадекватное выражение *«без того тошно»:* Эй чӯра, аз мӯи вай гап накушо, ки *дармегираму хокистар мешавам*, – оҳ кашид даст ба зону зада дуюмӣ. – Ҳайфи мӯй! Мӯе буд, ки ба хами зонуяш мезад (200,с.412). // Эх приятель, и не напоминай, *без того тошно*,– вздохнул второй, – жаль волосы! Ведь ниже колен были они у неё, одно загляденье (199,с.526).

В передаче глагольной фразеологической конструкции «*тасаддуқу қурбон* (*шудан*)» использование пословного способа передачи фразеологизма привело к снижению образности повествования: Хоҳар ӯро *тасаддуқу қурбон шуда* истиқбол намуд. Аз

хоки поятон гардаму тасаддуқатон шавам, акоҷон,- мегуфт хоҳар,- парпарон баромадаву ба гардани Хол часпида (200,с.116). // Сестра бросилась на шею, прижимая к груди, готовая *стать жертвой за него и прахом у его ног* (199,с.291).

Искажение содержания оригинала прослеживается и в передаче ФК «*аспу қамчин (будан)*», обозначающей абсолютную готовность к выполнению того или иного действия. Подобранное переводчиком соответствие «*точно погоняемые плетью–камчином*» указывает на совсем другую ситуацию и фактически дезинформирует реципиента: Акнун ҳама чиз ба хаёлаш омодаву *аспу қамчин* буда, лекин чӣ тавре ки мегӯянд, дар як гӯшаи дили ӯ изтироби калоне ҷой дошт… (201,с.258). // Мысли неслись вскачь, точно *погонямые плетью–камчином*, и только одна засела в голове прочно, сверлило сердце тревогой… (199,с.402).

Одним из принципов переводческой стратегии является прием дополнением лексических единиц, обеспечивающий достижение более высокого уровня эквивалентности. Использование этого приема при передаче ФК «*ҷегу ҷарангос (задан)*» позволило переводчику создать естественную русскую фразу: – Ман гуфтам-а, гӯшҳои ман ин қадар *ҷегу ҷарангос* мезананд (201,с.43). То-то у меня так *звенело в ушах*, умеет наш друг позлословить! – шутливо воскликнул Хол (199,с.235).

Правильный выбор способа передачи фразеологизма наблюдается и в переводе ФК «*силаю сипа кардан*», для которого в переводе переводчиком был подобран точный лексический эквивалент – «*гладить*»: Давлат ҳам, ки сабру тоқатро аз даст дода буду аз дилгирӣ мехост ба ҷои аз одам дуртар рафта гириста гирад, ба *силаю сипа* кардани бузғола худро машғул месохт (200,с.165). // Давлат с трудом сдерживался, чтобы не расплакаться от обуревающей его тоски. Стараясь успокоиться, он *гладил* козленка (199,с.114).

Однословным способом передачи ФЕ переданы и устойчивые словосочетания, выраженные причастным оборотом, такие как *«маъюбу маслуқ шудагиҳо»* и «*маъюбу маслуқшуда*»: *Маъюбу маслуқ шудагиҳоро* намегӯед? – аз тарафи дигар ҳам овозе баланд шуд (200,с.69). // О *покалеченных* скажи! – расслышался чей-то возглас (199,с.45); Ҳама баробар талаб кунем, ки ба оилаҳои одамони дар кон ҳалокшуда, ба коргарони *маъюбу маслуқшуда* ёрӣ расонанд (200,с.70). // Надо требовать у хозяина, чтобы он позаботился о безопасности в шахте, требовать помощи семьям погибших и *покалеченным* (199,с.45).

Нефразеологический перевод, при использовании которого ФЕ передается при помощи лексических, а не фразеологических средств, использован и в нижеследующем примере: Боре бригадаи зарбдори хошокғундоре, ки комсомол ташкил карда буд ва бори дигар аз институт ба партияи *ҷӯяндаю ёбандагони* сарвати зеризаминӣ ва бори сеюму чорум бо ин ва ё он сабабу муносибат ба ин тарафҳо омадааст… (201,с.394). // Ему приходилось бывать тут, по комсомольской путёвке, добровольскими кормозаготавливающими бригадами, потом с *геологоразведочной* партией, с которой во время студенческих каникул работал коллектором (199,с.511).

В трех случаях в предложениях СФК выступают в роли обстоятельства образа действия, в передаче которых переводчиком был использован способ частичного фразеологического эквивалента, позволяющий подобрать переводчику фразеологизм с такими же коннотативными признаками. В качестве иллюстрации рассмотрим следующие примеры. В предложении «Хоҳӣ, ки ҷон ба саломат барӣ, гуфтам, хезу худатро афшону ба ифоқа оварда *ҷиму им* ба роҳат рав» фразеологическая конструкция «*ҷиму им*» переведена посредством фразеологизма «по добру, по здорову» (196,с.242), совпадающей с исходной единицей по семантике и образности – «Если хочешь душу

живой сохранить, говорю – вставай, отряхнись и иди себе *по добру, по здорову* (199,с.161).

Таким же способом, переведена ФК «*шарту парт*», семантическим значением которого является «*впопыхах*» или «*необдуманно*». Употребление устойчивого словосочетания «*абы как*», на наш взгляд, является правильным решением переводческой задачи, так как данный оборот соответствует первоначальному фразеологизму по смысловому и стилистическому признаку: Аммо расми ҳамин хел одами табаррукро кадом як каси, ба гумонам, беҳунаракак *шарту парт* бо қариндош кашидааст (200,с.96). // А вот этот портрет, такого святого, всем народам почитаемого человека, сдаётся мне, нарисовали *абы как!*

В другом месте эта же ФК переводится посредством лексического способа перевода: …Сурати ҳамин одами бузугворро, ба хаёлам, *шарту шурт* кашидагӣ барин, – тотор, ки аз эродгираш пушаймон мешуд, мулзамона хайрухуш намуд (200,с.97). В русском варианте отсутствует данное понятие (*впопыхах*).

Правильно переведен и следующий разговорный фразеологизм «*юҳ ё валло*», обозначающий «*проявление настойчивости*» в том или ином деле. В этом случае также наблюдается стремление переводчика подобрать аналог, подходящий по семантике и стилистике: Падару модар бошанд, ғоибона аз вай хафаю бача *юҳ ё валло* меравам гуфта нишастааст (201,с.459). // Мать и отец в трауре, парень *стоит на своём* (199,с.567).

Компоненты СФК могут соединяться посредством аффиксов. Такой пример можно увидеть в следующем предложении: Арслоналӣ бо Давлат вохӯрикунон *бесабруқаророна* мехост бипурсад, ки Холи Даша чӣ гуна аст (200,с.123). Однако в тексте перевода это предложение не присутствует, что не соответствует принципам полноценного перевода.

1.2. Фразеологические конструкции со вспомогательными глаголами и способы их передачи на русский язык

Роман «Шураб» характеризуется обилием ФК со вспомогательными глаголами, «*сохтан», «намудан», «кардан»*, которые в современном таджикском литературном языке употребляются как самостоятельные и как вспомогательные глаголы. Они синонимичны, но в семантико–стилистическом отношении имеют определённые различия: *«сохтан»* и *«намудан»* параллельно употребляются в качестве самостоятельных и вспомогательных глаголов. *«Сохтан»* означает *создать, строить, «намудан»* - *показывать, указывать*. Однако эти слова в контексте, теряя лексический смысл, выступают как вспомогательные глаголы, создавая одну из форм ФК. В синонимическом ряду с *«кардан»* - *«делать, производить»* они также заметно отличаются по стилистическим окраскам: как составной компонент фразеологическим конструкциям придают литературно – книжный оттенок, в то время, как посредством *«кардан»* создаются ГФК народно – разговорного стилистического пласта, что продуктивно использовано Рахимом Джалилом в романе «Шураб». Например: Тӯпиатро гирифта монда *андеша кун* (201,с.132). Аз занон, пирон ва бачагон ҳам *истиҳола накарда*, ҳар чӣ ба даҳонаш ояд, гуфтан мегирад (201,с.6) [1].

В исследуемом романе присутствуют ФК, основные компоненты которых в толковых словарях отмечены как книжные, однако в настоящее время эти слова перешли в разряд разговорных. К ним относятся «*пӯла*» и его аналог «*фӯла*»:Зада *пӯла (фӯла)кардан.**

В романе встречаются более двадцати разговорных ФК со вспомогательным глаголом «*кардан*», для передачи которых с целью

---

[1] - о переводах см. ниже

достижения семантической и стилистической эквивалентности переводчик использует различные способы передачи. Например:

- разговорная ГФК «*синча кардан*» (*пристально рассматривать, вглядываться*) (192,с.247) переведена способом фразеологического аналога, применяемая при отсутствии фразеологического эквивалента – «*не сводя глаз*»: Давлат худро ба хамгашти деворе гирифта, то чашм медиду метавонист, *синча кард* (201,с.173). // Он прилип к стене, *не сводя глаз* с Хидоят, веря и не веря в совершившееся чудо (199,с.334);

- разговорная ГФК «*нӯлпоккунӣ кардан*» (*показная скромность; совершив что-либо, оправдываться*) переведена способом описания – *«деланно запротестовал»*: – Не–е … ҳоҷат не, – *нӯлпоккунӣ мекард* пристав, ки «чанд гул монда бошад», гӯён худ аз худ мепурсид (200,с.146). - Что вы, что вы, не нужно,- *деланно запротестовал* пристав, думая, при этом: «интересно, сколько он мне отводил?» (199,с.101)

- разговорная ГФК «*эб кардан*» (*справляться с каким-либо делом*) также переведена способом экспликации – «справлюсь как – нибудь»: – Парво накунед, тӯрам. *Эб мекунам* (200,с.134). // Не беспокойтесь, почтеннейший, *справлюсь, как – нибудь* (191,94);

- разговорная ГФК «*истиҳола кардан*» (*стесняться, сдержаться*) переведена посредством частичного эквивалента, совпадающего с исходной фразеологической единицей по значению, образности и лексическому составу – «*ни стыда, ни совести*»: Намедонам ба одамон чӣ ҷин задааст. Аз занон, пирон ва бачагон ҳам *истиҳола накарда* ҳарчи ба даҳонашон ояд, гуфтан мегиранд (201,с.6). // Какой бес, прости господи, вселился в людей! *Ни стыда, ни совести*, что старый, что малый… (199,с.208).

Некоторые разговорные фразеологические конструкции романа характеризуются ярко выраженной национально - этнической окраской.

Примером тому может послужить фразеологическая конструкция «*обу такфин кардан*», обозначающий похоронный обряд, связанный с обмыванием тела. Данный фразеологизм был переведен описательным способом перевода, однако в переводе данной фразы наблюдаются текстуальные пояснения – «*достали из подушки кисею для савана, положенную покойницей вместо хлопка*», обусловленные, на наш взгляд, прагматическими факторами: Аҳли қишлоқ ҷамъ омаданду мурдаро *обу такфин карда*, ба хокаш супурданд (200,с.23). // Соседи достали из подушки кисею для савана, положенную туда покойницей вместо хлопка, *обмыли тело, завернули в саван* и предали земле (199,с.9).

Анализ ФК романа показывает наличие фразеологических единиц, относящихся к религиозным понятиям, для которых в ПЯ нет прямых соответствий. К таким ФК можно отнести «*суф кардан»,* обозначающий заклинание, при котором читают молитву и дуют, в передаче которой был использован прием опущения: Чанд пул, ки дошта бошӣ, додан гир,– мактабдор чанголи сергӯшту пурпашмро ба сӯи Ҳакимшоҳ дароз карда, аз вай ду танга гирифту ба пеши чашмонаш оварда, пушту пеши онҳоро аз назар гузаронда пичирросзанон *суф карда** ба ҷайбаш андохт (200,с.33). // Сколько есть, столько давай, – учитель взял из рук кузнеца два таньга, поднес их к глазам, внимательно осмотрел со всех сторон, что–то прошептал и сунул в карман (199,с.16).

В некоторых случаях при переводе фразеологизмов, вследствие неправильного понимания переводчиком значения ФК, допускается грубая смысловая ошибка. Например, лексическим значением ФК «*қитиқ кардан*» является «*щекотать*», однако в тексте перевода эта ФЕ переведена выражением «*гулко стучало сердце*», не совпадающее с исходной единицей по семантике и смысловым оттенкам: Насим нарм–нарм мевазид. Дилро *қитиқ мекард* (201,с.8-9). // Настоенный на травах ветерок, нежно ласкал лицо. *Гулко стучало сердце* (199,с.210).

В передаче 10 глагольных ФК со вспомогательным глаголом «*кардан*» использован лексический перевод, то есть лексико-грамматическая трансформация переводимой единицы. Однако данным способом перевода не всегда удается передать все семантические и стилистические оттенки объекта. Например, при передаче разговорной фразеологической конструкции «*ҳаял кард*» путём однословного перевода – «*задержался*» и «*пропадал*» - теряется экспрессивный оттенок исходной единицы: Эҳтимол молаш ба фурӯш нарафта, барои ҳамин *ҳаял карда* бошад (200,с.166). // *Задержался*, верно, не сумел продать свой товар, вот и не заехал к нам (190,с.115); – Чаро ин қадар *ҳаял кардед?* (200,с.166). // – Где вы *пропадали* так долго? (199,с.115)

Анализ ГФК романа со вспомогательным глаголом «*кардан*» показывает, что не всегда переводчику удается подобрать для единиц перевода эквивалентные фразеологизмы. Например, в нижеследующем примере РФК «*мағақ кардан*» переведена посредством словосочетания «свалить насмерть»: …ҳашт нафар босмачиро зада ғалтонда баъзеи онҳоро *мағақ,* баъзеашонро сахт мағрӯҳ *кардааст* (201,с.146). // …восьмерых басмачей *свалил* камнепад, иных *насмерть*, других покалечил (199,с.316).

А в другом случае переводчику удалось сохранить образность данной переводной единицы: Вале ҳанӯз вай гирехи қасдан маҳкам кардашударо накушода буд, ки кӯҳе гӯё ба болояш афтод ва ӯро чун ғуки ба зери по монда *мағақ кард* (200,с.140). // – А …– тихо выругал бандит, прислонил винтовку к колонке, взялся за узел двумя руками – и тут на него словно обрушилась гора, *покрыла, как лягушку* … (199,с.312).

Или же в нижеследующем предложении точно передан переносный смысл ФК «*сӯян кардан*» – «*пилить*» (*изводить, донимать беспрерывными попреками, придирками*): Зани ҷонвар парешаб тоза ҳам

сӯян кард (201,с.415). // Как раз позавчера жена весь вечер *пилила* (199,с.529).

Лексико-грамматическая трансформация наблюдается и в передаче ФК «*қир кардан*» - «*уничтожать*», «*ширинакбозӣ кардан*» - «*спорить*», «*шамма кардан*» - «*сказать*»: Мегӯянд, ки акнун асокири оқподшоҳ бо фатҳу нусрат душманро мӯру малах барин *қир карда* истодаанд, оё ин гап рост аст, тақсирам? (200,с.201) // А правильно говорят, что войска белого царя победоносно продвигаются вперед, *уничтожая* врагов, словно саранчу? (199,с.137) Мо, чӯраҷон, даҳ харбузаро ба миён монда *ширинакбозӣ карда истодаем* (200,с.275). // Мы, приятель, тут *спорим*, поставили десять дынь, выясняем, чья слаще… (199,с.275); - Ҳа, ҳамин қадар *шамма карда буд*, ки аз заводи пахтаи Хуҷанд ҳастеду шуморо роҳиоҳанчӣ Сергей пеш аз ин ба Санто фиристода будааст (200,с.282). // –Да, *сказал*, что вы из Ходжента, с хлопкового завода, и что железнодорожник Сергей посылал вас до этого в Санто (199,с.188).

Вместе с тем некоторые ФК такие как «*ғидӣ–ғидӣ кардан*» – «*перечить*» (200,с.144) и «*мазза кардан*» – «*получить удовольствие от чего-либо*» (201,с.168) в переводе опускаются, что, несомненно, снижает уровень коммуникативной равноценности оригинала и текста перевода.

1.3. Предложные фразеологические конструкции и способы их передачи на русский язык

В романе также присутствуют предложные фразеологические конструкции, состоящие из повторяющейся именной части соединенной предлогами. Данные ФК выступают в составе предложно-именных глагольных фразеологизмов. Например:

- «*гӯр ба гӯр гаштан*»: - Ҳу, илоҳӣ *гӯр ба гӯр гардад!* – пиразан ҳар ду мушташро ба замин зер карда, ангуштонашро шақаррос занонда, ба дуои бадкунӣ даромад (200,с.169);
- «*шир болои шир* таваллуд шудан»: Аксар бачаву кӯдакон тақрибан якхелӣ фарқ доштанд ва маълум буд, ки *шир болои шир таваллуд шудаанд* (201,с.400);
- *«баҳс ба баҳс омадан* (*омада тавонистан*)»: Аз тарафҳои шумо ба ангури мо фақат ангури Қистақӯз ба хаёлам, *баҳс ба баҳс омада метавонанд* (201,с.281).

В романе «Шураб» встречаются 6 предложно-именных глагольных фразеологизмов, состоящих из повторяющихся компонентов, связанных посредством предлогов «*болои», «ба», «андар*». Все предложно-именные глагольные фразеологизмы за исключением одного относятся к разговорному стилю и переводятся в основном описательным способом. Например, ФК «*шир болои шир»* (досл. *молоко на молоке*) переведена посредством словосочетания «*рожать одного за другим*»: Аксари бачаву кӯдакон тақрибан яксолӣ фарқ доштанд ва маълум буд, ки *шир болои шир* таваллуд шудаанд (201,с.400). // Разница в возрасте между детьми примерно в год-полтора: *рожают*, знать, *одного за другим* (199,с.516).

Предложная ФК «*баҳс ба баҳс* (*омада тавонистан*)» – «*тягаться»* переводится однословным способом: Аз тарафҳои шумо ба ангури мо фақат ангури Қистақӯз, ба хаёлам, *баҳс ба баҳс омада метавонад* (201с.,281). // В вашей стороне с нашим может *тягаться*, по-моему, только Костакозский виноград (199,с.188).

ФК «*қир ба қир*» употребляется в значении унести незаметно ноги, возникшая вероятнее всего, на основе первоначального значения выражения «*қир ба қир гурехтан*» (*убегать от хребта к хребту*): На фақат паррандагон, балки галаи оҳувони зираку боэҳтиёт, харгӯшҳои

тарсончак, рӯбоҳҳои айёри аз одам *қир ба қир* гурезандаи ин ҷойҳо, ки махлуқҳои дупоро кам дидаанд, ҳайрон–ҳайрон ба ҷониби онҳо нигоҳ карда меистоданд (200,с.52). // Не только пернатые удивленно разглядывали путников, вторгшихся в их владение, но быстрые, пугливые газели, трусливые зайцы и жуликоватые лисы, старавшиеся *не попадать на глаза* человеку (199,с.30).

В некоторых случаях в передаче предложно-именных глагольных фразеологизмов наблюдаются ошибки, искажающие подлинный смысл оригинала. Например, ФК «*гӯр ба гӯр*» обычно встречается в речи людей, проклинающих кого-то за подлые и гнусные проступки. Среди таджиков существует поверье, что плохого человека после смерти и могила не принимает, и его тело мается из могилы в могилу. В данном случае употребление выражения «*дважды побывать в могиле*» не соответствует подлинному значению ФК: Ҳу, илоҳӣ *гӯр ба гӯр гардад!* – пиразан ҳар ду муштро ба замин зер карда ангуштонашро шақаррос занонда, ба дуоибадкунӣ даромад (200,с.169). // Дай бог ему *дважды побывать в могиле!* - воскликнула старая женщина (199,с.117).

В тексте перевода не находит своего соответствия и ФК «*лак андар лак*»,* обозначающее *большое количество, множество*: *Лак андар лак* мардумро тӯъмаи тӯпу лукмаи сӯхтор, гирифтори ҷанги берахму шафқат мекунанд (200,с.285). // Они выжимают *из людей* все соки (199,с.191).

2.2. Таджикские фразеологические словосочетания и способы их передачи на русский язык

2.1. Именные фразеологические словосочетания и способы их передачи на русский язык

В романе «Шураб» наблюдается большое количество фразеологических словосочетаний, среди которых количество

глагольных ФС преобладает над именными. Именных ФС в романе всего 16. Именные ФС могут образоваться в основном по модели существительное + прилагательное, однако в романе встречаются и ФС модели существительное + существительное. Именные ФС, компоненты которых связаны изафетной подчинительной связью, служат для выражения различных чувств и отношений говорящего к объекту. Анализ эквивалентных отношений именных ФС исходного и конечного текстов показывает, что при их передаче переводчик применил различные способы перевода. Например, при передаче ФС «*дасти рост*» – «*правая рука*» использован полный фразеологический эквивалент, совпадающий с исходным фразеологизмом по значению, лексическому составу, образности, стилистической окраске и грамматической структуре: *Дасти рости* ман мешавед, Хол–ако. Ягон қӯрбошӣ шумо барин йигити ин хел пуру пимон надорад (200,с.113). // *Правой рукой* моей будете, Хол–ако. Ни у одного курбаши нет такого знатного йигита! – воскликнул куса… (199,с.289).

В процессе перевода перед переводчиком стоит сложная задача нахождения и правильного использования необходимых элементов системы соответствий, решение которой во многом зависит от его мастерства и знания экстралингвистических факторов. Удачное решение переводческой задачи можно увидеть на примере передачи ФС «*арақи ҷабин*» – «*не разгибая спины*», переведенное способом аналогии, благодаря которому переводчику удалось сохранить весь комплекс значений переводимой единицы: Наългар аз субҳ то шом мехнат карда *арақи ҷабин* рехта, аз масолеҳи мардум бароямон дегҳои чӯянӣ мерехт, дегу лаълӣ, чойчӯшҳои мисина, ки дар он маҳал чун чойник истифода мешуданд ва офтобаҳои зебо сохта, онҳоро бо кандакорихои нафис оро медод (200,с.22). // Хакимшах с утра до поздней ночи, *не разгибая спины*, мастерил чугунные котлы, выковывал подносы, медные кувшины,

заменявшие в те времена чайники, и красивые офтоба - сосуды с ручкой для омовений, подобие кувшинов (199,с.7).

При передаче ФС «*Салими садкора*» – «*мастера на все руки*» переводчиком был также применен способ фразеологического аналога: Моро, ки мегӯед ба қавли гапи дӯстам, *Салими садкора* ҳастем (201,с.459). // Мы, как говорится, *мастера на все руки* (199,с.567).

Некоторые ФС сохранили свой национально-этнический арсенал значения при переводе. Такие соответствия создаются путём дословного перевода или так называемого калькирования. Примером тому может послужить ФС «*шайтони дупо*» – «*шайтан двуногий*», *о хитром человеке, мошеннике*: Вай *шайтони дупо* васваса мекардагисту ту бошӣ, шиликқи фаромада ба доираю дунбақи вай шох партофта истодаӣ (201,с.58). // Он, *шайтан двуногий*, тебя подстрекает, а ты уши развесил, заплясал под его барабан, виляешь перед ним задом (199,с.244).

Для передачи ФС «*оҳуи рамончак*», употребляемой для характеристики *красивой, робкой девушки, похожей на лань*, в тексте перевода использовано выражение «*пугливая серна*». На наш взгляд, адекватным переводом данного фразеологического словосочетания является «*пугливая лань*», поскольку слово «*серна*», обозначающая «*горную козу*», ассоциируется с неприрученностью, а *лань* – именно со *стройностью и нежностью* и затем *пугливостью*: Баъд *оҳуи рамончак* ин дафъа тамоман ба доми ту меафтад ва дигар халос шуда наметавонад (200,с.100). // *Пугливая серна* останется одна без помощи и уже не выпутается из его сети (199,с.69).

Именные ФС обладают способностью выражать богатую палитру положительных и отрицательных эмоций. Один из отрицательных персонажей романа, будучи неграмотным, считает зазорным учиться уму разуму у деревенского парня и называет, его «*гӯли биёбон*» – «*злым духом пустыни*»: Ба одам қаҳт назадааст, ки

одобу одамгариро аз *гӯли биёбон* таълим гирам (201,с.32). // На достойных людей ещё мор не напал, чтобы мне учиться вежливости у *злого духа пустыни* (199,с.227).

Переводчику удалось найти правильный способ перевода и верно передать значение исходной единицы «*пирсаги беимон*» – «*старая собака*». Более того, использование этого приема позволило переводчику создать естественную русскую фразу: - Ҷиноятқорро руст карданат бас не, ки тарафашро ҳам мегирӣ, *пирсаги беимон?* – ба пиразан теғ кашида нигоҳ мекард Ҷӯрабошӣ (200,с.149). // Мало того, что ты скрываешь у себя преступников, так ещё и защищаешь их, *старая собака!* (199,с.104)

Этим же способом, то есть способом фразеологического аналога переводчику удалось при передаче ФС «*саги сакалту*» подобрать фразеологизм с таким же образным значением, но основанном на ином образе. В романе данное ФС встречается в речи положительного героя романа–Аверченко, который бранясь на начальника рудника Писина за его донос, называет его «*саги сакалту*» – «горбатая сука»: Охир ин *саги сакалту* чӣ хел ба минҷиқи ту даромада гирифт? (201,с.58) // Чем же эта *горбатая сука* тебя приворожила? (199,с.244)

Обычно среди таджиков человека знакомого всем называют «*аспи қашқа*» (досл. *лошадь с белым пятном на лбу*). Изменив лишь один из компонентов данного ФС «*қашқа*» на «*белый*», переводчик смог передать его значение и стилистические оттенки: – Дар гирду атрофи худамон бошад, маро бе шаҳодатнома ҳам медонанд. *Аспи қашқа,*– таъна кард Хол (201,с.101). // В нашем округе меня знают и без мандата. Приметен, как *белая лошадь*, – хохотнул Хол (199,с.279) .

В речи отрицательных героев романа можно встретить множество устойчивых словосочетаний, близких с точки зрения стилистических особенностей к разговорной речи. Например, в романе

пристав Акбара называет «*алавмони ҷаҳаннам*» (досл. *кочегаром преисподней*). В переводе данное выражение отсутствует. Вместо него переводчик использовал «*чёртов ублюдок*!»: Хӯш, гап зан, сарти чиркин, *алавмони ҷаҳаннам*!– боз овозашро баланд кард пристав аз гиребони куртаи ғафси қаламии Акбар гирифта (200,с.140). // Говори, сарт проклятый, *чёртов ублюдок*! – снова завопил пристав (199,с.97).

Вместе с тем, в передаче именных ФС наблюдаются искажения, возникшие вследствие непонимания подлинного смысла ФЕ. Например, устойчивое словосочетание «*дашти Алай*» обозначает «*огромную безлюдную, пустынную равнину, далекую от цивилизации*», однако переводчик неверно полагает, что здесь имеется в виду «Алтайский горный хребет»: – Ба *дашти Алай* кӯчида намеравем–ку, бегоҳӣ худам ҳам рафта хабар диҳам, мешудагист, охир (200,с.157). // Не за *Алтайский* же *хребет!* – улыбнулся Арслонали. – Я вечером извещу его (199,с.108).

Или же в таджикском языке ФС «*мусичаи уволак*» во фразеологическом словаре (195) комментируется как «*невинная, смиренная, тихая, беспомощная*» и в ПЯ данному фразеологизму соответствуют такие устойчивые словосочетания как «*безвинная горлинка*» и «*казанская сирота»,* а выражение *«глупая горлинка*», подобранное переводчиком в качестве фразеологического словосочетания, не соответствует по семантике и стилистическому признаку: Назар ба коргарони ҳаққу ҳукуқашонро шинохтаи рус мо тоҷику ӯзбекҳо *мусичаи уволак* (200,с.258). // Что мы таджики и узбеки по сравнению с русскими рабочими, знающими и свои права, и как эти права требовать, *глупые горлинки* (199,с.172).

В передаче некоторых именных ФС наблюдаются и случаи опущения. Например, при передаче ФС «*пӯсткандаи гап*» (*откровенно говоря…, говоря начистоту…*) (200,с.175) и *«каминаи камтарин*» (*ваш покорный слуга (о себе)* (201,с.173), что, несомненно, сказывается на качестве перевода.

2.2. Глагольные фразеологические словосочетания и способы их передачи на русский язык

Более 75 процентов ФС романа «Шураб» составляют глагольные фразеологические словосочетания (ГФС), служащие для обозначения действия и состояния. Сопоставительный анализ именных и глагольных ФС с точки зрения выражения чувств и эмоций автора показал, что ГФС обладают большей возможностью для передачи эмоционального и оценочного отношения к субъекту. Вместе с тем структурно-семантическая организация ГФС достаточно разнообразна и предполагает использование различных способов передачи на ПЯ.

В этой части работы исследование проводится с опорой на научные разработки М.М. Мирзоевой (70), проведенной под руководством профессора Б.Камолиддинова. Семантическую нагрузку в ГФС как ядерный компонент несет существительное, распространяемое зависимым существительным, связанным с ним изафетной подчинительной связью. В ГФС модели существительное+ существительное моделирующий компонент может быть выражен как конкретными так и абстрактными существительными. С этой точки зрения ГФС классифицируются на подгруппы:

1. ГФС, стержневой компонент которых выражен существительными, обозначающими части тела, то есть соматические глагольные фразеологические словосочетания:

- ГФС с соматическим словом ***чашм (глаз).*** В романе встречаются 7 соматических ГФС с именной частью *чашм*, служащие для обозначения положительных и отрицательных чувств: *аз чашм сурмаро задан* (*ловко обмануть*), *чашм сер нашудан* (*быть ненасытным*), *чашм малахак рафтан* (*проявление сильного желания и алчности к чему-либо*), *чашм ало–було шудан* (*ощущение ряби перед глазами*), *чашми касеро кушодан* (*открывать кому–то глаза*), *болои чашму нури дида* (*с охотой, с уважением*), *касеро чашми дидан надоштан* (*недолюбливать*). Для

передачи данных фразеологических словосочетаний в переводе были использованы преимущественно фразеологические эквиваленты и описательный способ перевода.

Следует отметить, что вид перевода, к которому относится способ фразеологического эквивалента, предполагающий использование при переводе устойчивых единиц различной степени близости между соответствующими единицами ИЯ и ПЯ, способствует обогащению фразеологического фонда переводящего языка. Например, для передачи соматического фразеологизма «*чашм сер нашудан*», обозначающего 1. *состояние человека, не получившего удовлетворения*; 2 *не насытиться чем-либо* был подобран фразеологический эквивалент, совпадающий с точки зрения метафоричности, эмоционально-экспрессивной окраски, смыслового содержания и стилистической отнесенности: *Чашмони* Давлат дар ин ҷо аз тамошои кӯчаҳо, саройҳо, чойхонаву ошхонаҳо, растаи пур аз одаму дӯконҳо *сер намешуданд* (200,с.56). // Его *глаза не могли насытиться* видом улиц, караван-сараев, чайхан, торговых рядов (199,с.34).

Другим примером полного эквивалентного перевода можно считать и передачу соматического фразеологизма «*чашмро кушодан*» – «*открыть глаза*». Данные ГФС обладают тождественными лексико-грамматическими характеристиками, с одной лишь разницей в категории числа вспомогательного глагола «*кушод*» (единств. число) – «*открыли*» (множеств. число): Антонов ҳам аз мухлисони ҳамон суратггир аст. Вай *чашми моро кушод* (200,с.284). // Фотограф оказался необычным человеком, был социал-демократом, то есть коммунистом. Они и *открыли мои глаз*а (199,с.190).

Использование лексического способа перевода при передаче соматического фразеологизма «*чашми касе ало–було шудан*», комментируемого в словаре как «*ощущение ряби перед глазами*», также, на наш взгляд, является удачным решением переводческой задачи:

Аммо вақте ки йигитчаи овезонқавоқ аз як чашми хурҷин се китобро берун оварда, ба одами политсия дароз кард ва ӯ номи дуи онҳоро хонд, *чашмҳои вай* якбора *ало-було шуда*, ҳар ду гӯшаи лабҳояш навбат ба навбат ҷунбида, буруташро раксондан гирифтанд (200,с.114). // Но когда хмурый парень вытащил из хурджина Петра одну за другой три книги и протянул их уряднику, у того сразу *зарябило в глазах*, уголки рта задёргались и кончики лихо закрученных усов принялись приплясывать от радости (199,с.79). В переводе данной фразы был также использован прием лексических добавлений «*от радости*», выполненный в прагматических целях.

С целью достижения равенства коммуникативного эффекта, производимого на реципиентов оригинального и переводного текстов, для передачи соматического фразеологизма «*аз чашм сурмаро задан*» (*об отъявленном мошеннике*) переводчиком был использован способ калькирования, используемый в случаях, когда другими приемами, в частности, фразеологическими, не передать фразеологическую единицу в целости ее семантико-стилистического и экспрессивно-этнического значения: – Ҳушёр нашавӣ, ин мутаҳамҳо *аз чашм сурмаро мезананд,* – гуфт ӯ ва ба дигаре рӯ овард (200,с.34). // Не будешь держать ухо востро и *сурьму с бровей слизнут* эти паразиты (199,с.228).

Способ аналогии был использован при передаче соматического фразеологизма *«касеро чашми дидан надоштан»* (в переносном смысле *кого - то ненавидеть, не переносить*). В нижеследующем предложении речь идет о фанатичном лавочнике, вынуждающего Хидоят сидеть дома: Риши ҷӯробмонанди баққол намоён шуд. Ҳидоят *чашми дидани ӯро надошт* (201,с.260). // Показалась широкая похожая на веник борода лавочника, Хидоят *терпеть не могла* этого человека (199,с.403).

– ГФС с соматическим словом ***даҳон*** (**рот**). В исследуемом романе встречается 4 соматических фразеологизма со стрежневым компонентом

даҳон (*рот*). Соматический фразеологизм «*даҳони касеро ловида мондан*» (*заткнуть рот кому-либо*), синонимом которому является устойчивое выражение «*даҳони касеро бастан*», характеризуется полисемантичностью: 1. *заткнуть рот кому-либо;* 2. *дать взятку, чтобы заставить молчать; выиграть в споре*. В нижеследующем тексте эта ФЕ употреблена, чтобы убедить Давлата в безопасности помыслов Маши:

Аз афташ, Маша даҳонпӯкӣ кардагӣ барин «Сарамро хам кардӣ» – мегӯяд дадом.

- Маша дар ҳеҷ ҷой арз намекунад. Ман *даҳони вайро ловида мондаам* (201,с.332).

- Старик, кажется, и про Машу знает, – сказал он.

- Ну и что?

- Пожаловалась, наверно …

- Ерунда! У Машки *рот на замке*. Я заставил её молчать.

Понятие «*заставить молчать*» в таджикском языке может быть выражено также фразеологизмом «*ба даҳон об гирифтан*», полным эквивалентом которого в русском языке является «*воду в рот набрать*»: – *Ба даҳонатон об гирифтед* магар? (200,с.67) // Что молчите, словно *воду в рот набрали*? (199,с.43)

В романе в речи нескольких персонажей наблюдается употребление выражения «*даҳон пӯк будан*» («*даҳонпӯкӣ*»), в переводе которого переводчик допускает ошибку :

- Оё Даша ҳам хабар надорад? – пурсид он мард аз Буров.

- Хабар дошту пинҳон кардааст. Ману ту барин *даҳонаш пӯк нест.* Ту бошӣ, ҳай такпурсию борикресӣ мекунӣ, ки мондан гир! – ҳам ҷиддию ҳам ҳазломез гуфт ба ӯ Буров (200,с.231).

- А разве Даша не знает? – тихо спросил шахтёр у Бурова.

- Знает, только скрывала от Давлата, чтобы не опечалить парня, у

неё не такой длинный язык, как у нас с тобой, брат,– полушутя полусерьёзно ответил Буров (199,с.155).

Разговорное фразеологическое словосочетание «*даҳон пӯк будан*» или «*набудан*» на первый взгляд, похоже по лексическому составу с фразеологизмами «*забони дароз доштан*» или «*забонкӯтоҳ будан*», однако по семантике данные фразеологизмы отличаются и выражают различные понятия. ГФС «*даҳон пӯк будан (ё набудан)*» служит для характеристики *человека, способного // неспособного сохранять тайну*, а ГФС «*забони дароз доштан*» обозначает *человека уверенного в своей правоте* и «*забонкӯтоҳ будан*» – *человека, у которого рыльце в пуху*.

Перевод образных фразеологических единиц - одна из наиболее сложных задач в переводческой практике. Это подтверждается и тем, что некоторые соматические фразеологизмы такие как «*даҳони касеро аз пушти гӯшаш кушода мондан*» и «*даҳони касе бо баногӯшаш ҳарифона хӯрдан*» в обоих случаях *широко разинуть рот* получает в переводе «нулевое соответствие», т.е. опускаются. Однако в другом месте в передаче соматического фразеологизма «*даҳони касе ба пушти баногӯш будан*» переводчику удалось найти способ передачи понятия путём перевода известных таджикских фразеологизмов: Ба қавли тоҷикон, *даҳонаш* аз *хурсандӣ ба пушти баногӯшашу ба пӯсти худ намеғунҷад* (201,с.444). // Он, как говорят таджики, *ходит растянув рот до ушей, и не влазит от счастья в рубаху* (199,с.552).

В романе с целью интенсификации экспрессивно-стилистической окраски повествования наблюдаются случаи употребления двух синонимичных фразеологизмов для выражения одного и того же значения, однако в переводе один из синонимичных фразеологимов опускается. Например, синонимичные фразеологические словосочетания «*гӯсолаҳо гов шаванду ҷигарҳо об шаванд*», созданные автором по аналогии «*гӯсолаҳо гов шаванду ҷигарҳо хун*»: – …гӯсолаҳо

гов шаванду ҷигарҳо об шаванд,– хандид Хол (120,с.44). // Э, *пока телята станут коровами, сердце кровью обольется*,– засмеялся Хол (199,с.236).

– ГФС с соматическим словом ***сар*** **(голова)**. В романе встречаются 3 соматических фразеологизма с именной частью *сар,* для передачи которых переводчик использует различные приемы. Например, аналогией соматического фразеологизма «*сари касеро хӯрдан»* в русском языке является «*сжить со света кого-либо*», однако переводчик, руководствуясь прагматическими целями, использует описательный способ передачи и употребляет выражение *«не досчитались бы»*: Ҳой Семён, канӣ як ба ин ҷо биё, ки ин сангро аз сари роҳ он тарафтар лағжонем, – овозе аз ҷонибе баланд шуд, – хайрият, дар вақти набудани одам афтодааст, вагарна ин ҳам *сари як шӯрбахтро мехӯрд* (200,с.75). // Эй, Семён! – послышался голос. – Помоги-ка сдвинуть с дороги камень. Хорошо, что не на людей упал, а то еще одного нашего брата *не досчитались бы*! (199,с.49)

Для передачи соматического фразеологического словосочетания «*сар дар гиребон фурӯ бурдан*» (*погрузиться в мысли*) использован лексический способ перевода: Аз паси подаи камшумор, аз пешу қафои шутури кӯч бар дӯш чор тан қадам зада мерафтанд, ки ҳамаашон хомӯш, чунон ки мегӯянд, *сар дар гиребон фурӯ бурда* буданд (200,с.158). // Следом за небольшим стадом, окружив навьючинного домашним скарбом верблюда, молча шагали четверо людей, *погруженные в горестные думы* (199,с.110).

В некоторых выражениях замена стержневого компонента, синонимичной лексемой стала причиной семантической трансформации словосочетания. Например, выражение «*сар кафондан*», на основе которого было создано ФП «*сар кафад, зери тоқӣ»* (*не выносить сор из избы*), употребляется в прямом смысле – *разбить голову*. В результате

замены основного компонента – *сар* на синонимичное слово – *калла,* образовывается устойчивое словосочетание «*калла кафондан*» («*ломать голову*»): – Ба шахта фаромада бо кори устои кӯҳӣ, челонгар ва инженери ҷавон, ки нишебшинони конвейерро аз ёд бароварда, бедарак *«калла мекафонданд»*, ки чаро чархзании агрегат мувофиқи табъ нест, мадад расонд (201,с.424). // Секретарь парткома стал *ломать голову* над регулировкой вместе с горным мастером, слесарем–наладчиком и молодым, только что со студенческой скамьи и поэтому ещё робким инженером (199,с.536). Более того в тексте перевода был применен прием добавления лексических единиц («только со студенческой скамьи и поэтому ещё робкий»), используемый для передачи имплицитных элементов смысла оригинала.

- ГФС с соматическим словом ***пой*** **(нога).** Соматический фразеологизм «*ду пойи касеро ба як мӯза ҷо кардан»* и его вариант «*ду пойи касеро ба як мӯза қава кардан*», отличающийся от первого фразеологизма употреблением разговорной лексики «*қава кардан*» (*втиснуть*) встречаются в двух местах исследуемого романа. Оба соматического фразеологизма близкие по смыслу точно переданы на русский язык – «*давить», «стоять не своем*»:

1.Охир роҳи оҳан *ду пои маро ба як мӯза ҷо карда* ҳадаҳа мегӯяду мо бошем, назар ба порина камтар ангишт медиҳем (201,с.61). // Железная дорога нас *давит*, а мы ничем помочь не можем, даем меньше, чем в прошлом году, и выработка с каждым днём снижается (199,с.246).

2. Эрмат, «ҳамин ҷавонро хоҳӣ - нахоҳӣ ба ман медиҳӣ» гуфта *ду пои* ӯро *ба як мӯза қава мекард*. Ӯ аз гиря бадтар, аз меҳмонӣ сад бор пушаймону лекин ноилоҷ розӣ шуд (200,с.247). // Хочешь–не хочешь, а парня отдашь, *стоял на своем* Эрмат–партизан. Пришлось Кадырову, скрепя сердцем, уступить (199,с.394).

В романе наблюдаются образования аналогий ГФС посредством замены одного или более компонентов фразеологизма разговорной лексикой. Например, соматический фразеологизм «*линги касеро аз осмон овардан*» был образован в результате замены двух компонетов фразеологизма «*пойи касеро аз ҳаво овардан*»: именной части – *пой* на разговорную лексику – *линг* и компонента – *ҳаво* на *осмон*. В нижеследующих примерах данный фразеологизм был передан способом лексического перевода: Калонҳои ин ҷо ҳам монанди бисёр шаҳриён ҳама фиребгару қаллоб. Аммо гапи ҳақро гӯю рӯз бин. *Поятро аз ҳаво меоранд* (200,с.86). // Ведь здешние господа – не хуже горожан– обманщики и жулики. Но только попробуй произнести это в слух– увидишь, что будешь *вздернут вверх ногами*! (199,с.58); Шаҳбози Ёлдор-полвон имрӯз *линги* ҳамаи полвонҳои Хуҷанду Қистакӯз, Унҷию Ёваро *аз осмон овард* (201,с.47). // Но Ёлдор-полвон, ах, сокол! - всех полвонов Ходжента, Костакоза, Унджи и Явы *положил на лопатки* (199,с.239). В другом, замена одного из компонентов данного фразеологизма – *ҳаво* на – *осмон,* приводит к изменению его семантики: - Кошки, *пояш аз осмон меомад* (200,с.199). // Чтоб такому отцу *провалиться*! (199,с.136)

- ГФС с соматическим словом ***лаб*** **(губа, губы).** В романе встречаются соматические фразеологизмы с именной частью *лаб*, для передачи которых переводчиком используется разные способы передачи. Например, для передачи соматического фразеологизма «*ба лаб кулӯх молидан*» используется лексический перевод – *«замазать рот глиной»*: Мераваму чуноне ки сартҳо мегӯянд, «*ба лаб кулӯх молида»* гаштан мегирам, чӣ гуфтед, оличоҳ?... (200,с.97) // В Шурабе я буду днём, как говорится, «*замажу рот глиной»* в ожидании мер, которые вы, ваше благородие, сочтёте нужным принять (199,с.67).

Однако соматическому фразеологизму «*лабу лунҷ овезон кардан*» (досл. *повесить губы*) в тексте перевода подобрана аналогия *«повесить*

нос»: - Даррав *лабу лунҷатро овезон накун* (201,с.335). // Что *нос повесил*? – Хусейн с маху опустился рядом с ним на траву … (191,460).

- ГФС с соматическим словом ***бинӣ*** **(нос).** Для передачи соматических фразеологизмов с именной частью – *бинӣ* использованы различные способы. ГФС «*аз бинӣ сим гузаронидан*», лексическим аналогом которого в ПЯ является «*сверлить кого-либо*», что употребляется в речи персонажа романа – Хола для характеристики женщины, изводившей своего мужа постоянными придирками. В этой же фразе автором для придания речи большей экспрессии наряду с ГФС «*аз бинӣ сим гузаронидан*» употребляются также синонимичные фразеологизмы «*рӯз нишон надодан*» («*не дать мужу житья*») «*ба ҷон расонидан*» («*сидеть в печенках*») «зиребаи зери нохун» («*заноза под ногтем*»): Аммо ин зан аз *бинии* марди бечора *сим мегузаронад*, *зиребаи зери нохун* барин шабу рӯз азоб медиҳад (201,с.25). // Но тогда жена *не даст мужу житья*, днём и ночью *сверлит* его, *сидит в печенках, как заноза под ногтем*, это же самый уважаемый товарищ (199,с.547).

ГФС «*бо бинӣ хат кашидан*», употребляемое по отношению к вьючным животным, а в некоторых случаях и по отношению к человеку, в переносном смысле обозначает «*с трудом тащить тяжелую ношу*». В нижеследующем примере этот пример передан способом описания смысла: Хари майдаи овезонгӯш хараробаи бедаи бисёре бор кардашударо дар кӯчаи нохамвор *бо бинӣ хат кашида* базӯр гирифта мебурд (201,с.259). // Маленький вислоухий ослик *с трудом* тянул тяжелогруженую арбу (199,с.403).

В следующем предложении этот же фразеологизм с учетом контекста, в котором употреблен, находит иное переводческое соответствие – *«словно бы прогнулась под его тяжестью»:* Асп *гӯё бо бинии худ хат кашида* вуҷуди вазнини саворашро гирифта меомад (201,с.193). // Лошадь *словно бы прогнулась под его тяжестью*. Её тянули за уздцы и подталкивали сзади (199,с.350).

Переносным значением устойчивого словосочетания «*бинӣ кашида* (*омадан*)» является «*сожалеть о сделаном, раскаиваться*». В романе названная ФЕ переводится – «*прийти со слезами*», что соответствует способу аналогии: – Ман гуфтам, ту бовар кун, умрат хазон шуда, *биниатро кашида* ба хона оби дида карда биёӣ, аз ин рӯзат бадтар шав! - мегӯям! (201,с.438) // Сейчас не послушаешься, потом *придёшь* ко мне *со слезами* – не пущу! (199,с.547)

- ГФС с соматическим словом ***дандон* (зуб).** В романе с целью усиления экспрессивной окраски повествования в одной фразе используются два близких по значению фразеологических словосочетания. Например, один из персонажей романа – Холи Ворухи в своей речи, уподобляя начальника рудника за его низость и жестокость – свинье и волку, посредством синонимичных фразеологизмов «*дандони хукро шикастану нохуни гургро буридан» // «кобану обламай клыки, волку ногти»* призывает расплатиться с ним: Ба кор қабул мекунанду халос. Хафа нашав … Зада бошад ҳам, ба кор медарорам. *Дандони хукро шикастану нохуни гургро буридан даркор*, додарҷон (200,с.255). // Возьмут тебя на работу не печалься некуда им деваться … надо будет и кулаки в ход пущу. Говорят же: *«кобану обламай клыки, волку - ногти»* (199,с.170).

Соматический фразеологизм «*дандон ба дандон мондан* (*шиштан*)» употребляется в значении «*стойко и безропотно переносить физические и моральные страдания и муки*». Употребление вышеназванного соматического фразеологизма с устойчивым словосочетанием соответствует фразеологическому предложению «*санги вазнинро об намебарад*» (*«тяжелый камень вода не уносит*), способствующему образному отображению чувств и состояния героя. Следует отметить, что соматический фразеологизм с именной частью *дандон,* переведен фразеологическим аналогом «*сидеть, стиснув зубы*», а фразеологическая единица «*санги вазнинро об намебарад*»

калькированием – «*тяжелый камень вода не уносит*»: – Шаб, Пӯлод Қодирович, *дандон ба дандон монда шиштам. Санги вазнинро об намебарад,* вазнинӣ кардам (201,с.449). // Вчера на собрании, Пулат Кадырович, я *сидел, стиснув зубы. Тяжелый камень*, говорят, *вода не уносит*, вот и держал себя в руках (199,с.557). В переводе данного предложения наблюдаются дополнительные разъяснения «*худро ба даст гирифтан*» («*держать себя в руках*»), уточняющие связи между высказываниями.

– ГФС с соматическим словом ***мижа*** **(ресницы).** Устойчивое словосочетание «*мижа таҳ кардан (накардан)*» - «*сомкнуть / не сомкнуть глаза*» в романе употреблено в нескольких случаях. Для передачи данного соматического фразеологизма переводчик в зависимости от контекста использует различные способы перевода. Например, в нижеследующих примерах применяются нефразеологические способы перевода, а именно однословный перевод – «*заснуть*» и путём словосочетания в отрицательной форме «*не мог вздремнуть*»:

- – Канӣ, рафтем акнун. Бисёр набошад ҳам, як *мижа таҳ карда гирем* (201,с.300). // Пошли, *заснем* перед обратной дорогой часок (199,с.437).
- – Напурс, Хол-абозӣ, тамоми шаб зириққас зада баромаданду *мижа таҳ карда наметавонистам*, – посбон вовайлокунон сар ҷунбонда даст аз қафо ба миён бурду худро ба як илоҷе рост намуд ва пойҳояшро зӯр зада бардошт (201,с.94). // Ох, и не спрашивай, Хол-абзӣ, всю ночь стреляло в проклятой, от боли *не мог вздремнуть*, – ответил татарин и, кряхтя и страдальчески морщась, встал на ноги (199,с.273).

В другом месте данный фразеологизм переводится способом аналога, то есть для него подбирается фразеологизм с таким же образным значением, но с другим лексическим составом – «*глаз не*

сомкнула»: – Дар вагон ягон ҳамроҳ ёфт мешавад – мӣ, ба Тошкент равему ягон кас баромада моро ба маҷлис гирифта набарад, чӣ мекунам гуфта, ҳамин шабаш катӣ *мижа таҳ накардам* (201,с.268). // Я сегодня ночью *глаз не сомкнула*, всё думала, найдётся ли в вагоне добрая душа и что делать, если приеду в Ташкент, а никто не встретит (199,с.411).

- ГФС со стержневым словом ***рӯй* (лицо)**. ГФС «*рӯйи худро ба таги к… мондан*» (*что-либо непристойное, циничное о словах, жестах, поступках*), употребляемое в разговорной речи в двух вариантах, относится к вульгаризмам. В романе употребляется в некоторой степени корректная форма данного фразеологизма «*рӯяшонро ба тагашон гирифта монда»,* переведённое выражением «Что им совесть и честь?»: Пайт мепоянду фурсат ки ёфтанд, *рӯяшонро ба тагашон гирифта монда* ба сандуқи дил мезананд, сӯхтаю пухта фарёд мебароранд, ки фақат онҳо софдилу дилсӯзанд (201,с.449). // Все ожидают случая, чтоб ударить в сердце, свалить и растоптать. *Что им совесть и честь?* Послушать, так нет никого честнее их, они одни только пекутся в нашем деле (199,с.457). Следует отметить, что в переводе этого отрезка наблюдаются семантические ошибки, искажающие подлинный смысл оригинала. Здесь выражению «*ба сандуқи дили худ зада»,* фразеологическим соответствием которого в ПЯ является «*бить себя кулаком в грудь*», подобрано словосочетание «ударить в сердце, растоптать», которое указывает на совсем другую ситуацию и приводит к неправильному восприятию реципиентом узкого контекста.

- ГФС со стержневым словом ***гардан* (шея).** Вместе с тем, во многих случаях переводчику удается добиться адекватного воспроизведения коммуникативного эффекта оригинала. В этом можно убедиться на примере перевода ГФС «*ба гардани касе савор шудан*» (досл. *сесть кому-то на шею*), которому в тексте перевода был подобран эквивалентный фразеологизм, совпадающий по всем лексико-грамматическим и стилистическим признакам: Набошад, чӯби

мулоимро кирм мехӯрад. Хап гардед, *ба гарданатон савор мешаванд* (200,с.284). // А будем молчать, *на шею сядут*. Безмолвное дерево, говорят, червь точит (199,с.190).

- ГФС со стержневым словом ***панҷа* (палец).** В передаче ГФС *«панҷаи касеро тоб дода натавонистан»* (иносказательно *о человеке, которого никто не может осилить*), переводчик, руководствуясь прагматическими целями, использует описательный способ: Аммо сӣ кас шуда гирем, ба Исфара зер карда медароем. Анбори милисаро холӣ мекунем. Он вақт, ако, *панҷаи моро ҳеҷ кас тоб дода наметавонад* (201,с.114). // Но как наберется человек тридцадь, проберемся в Исфару, отобьем склад милиции. Тогда Хол–ако, *никакой шайтан не будет нам страшен* (199,с.290).

В другом месте этот же фразеологизм был переведен выражением *«никто нас не сломит»*: Если мы все и в горе, и в радости будем, как один, – *никто нас не сломит* (199,с.45).

Во фразеологическом словаре (194) ГФС «*думро хода карда гурехтан*» (*бежать быстро, поспешно, во всю мочь*) комментируется на примере иллюстраций из романа Рахима Джалила «Одамони ҷовид» («Бессмертные люди» в русском переводе «Пулат и Гульру»). В этом значении оно употреблено и в романе «Шураб». В качестве переводческого соответствия вышеназванному фразеологизму подобрано устойчивое словосочетание «*бежать, поджав хвост*».

- ГФС со стержневым словом ***забон* (язык).** ГФС «*забонро хорондан* (*нахорондан*)» (досл. *Чесать / не чесать язык*) и «*манаҳ задан* (*назадан*)» (*болтать / не болтать*) с точки зрения семантико-стилистического компонента относятся к одной группе ФЕ. В тексте перевода фразеологизм в форме предложения - «*манаҳ назан*» переведен лексическим способом: – Исто, мӯсафед, як дам *манаҳ назан!* – хитоб намуд Александров (200,с.174). // *Помолчи* минутку, старик, дай письмо прочесть (199,с.120), а «*забонамро нахоронед*» (*не заставляйте говорить*

нелестные слова) не находит своего переводческого соответствия: *Забонамро нахоронед,* меҳмон, – огоҳ менамуд Хол–бобо акнун Усмоновро (201,с.316).

- ГФС со стержневым словом ***пӯст (*кожа).** В таджикском языке соматический фразеологизм «*ба пӯст нагунҷидан*», вариантом которого является ФЕ «*ба курта нагунҷидан*», употребляется в значении «*сильно обрадоваться*». Для передачи указанного фразеологизма переводчиком был использован дословный перевод – «*в рубаху не влазил*». В этом случае переводчик руководствовался тем, что образ в исходной единице достаточно «прозрачен», и его воспроизведение в переводе позволит реципиенту понять передаваемое переносное значение: Аверченко *ба пӯсти худ намегунҷиду* ба нӯги пояш истода аз лабу рӯяш бӯса мекард (201,с.244). // Аверченко от радости *в рубаху не влазил*, зацеловал меня … (199,с.392).

Способ дословного перевода был применен и при передаче ГФС «*пӯсти касеро ба чармгару гӯшташро ба совунгар пул кардан*», состоящего из двух синонимичных словосочетаний. Данное фразеологическое словосочетание отличается образностью, экспрессивностью, стилистической окрашенностью и употребляется в значении «*загубить кого-то*»: Кӯзапушт фаҳмида монад, *пӯсти худи туро канда ба чармгару гӯштатро ба совунгар пул мекунад* (201,с.95). // Только будь осторожен, братишка,– на полном серьёзе произнёс Хол,– горбун с тебя самого *может содрать шкуру,* да ещё *продать её кожевнику, а мясо – мыловару* (199,с.274).

- ГФС с соматическим словом ***устухон* (кость).** В романе с именной частью *устухон* встречается два фразеологических словосочетания. Соматический фразеологизм *«корд ба устухон расидан»* (пер. *терпение лопнуло, истощилось*) переведен способом аналогии – *сил нет терпеть*: *Корд ба устухон расид*! (200,с.298) // *Сил нет больше терпеть*! (199,с.201)

Перевод некоторых предложений сопровождается добавлением отдельных семантических признаков. В качестве иллюстрации приведем пример, в котором лексическое добавление – *«только скажу я вам»* преследуют цель обеспечения народно - разговорного уровня перевода: Албатта, домулло почо, шумо нағз медонед…,- мад кашид чавон, зохиран, аз гуфти худ пушаймон шуда, – лекин *корд ба устухони бечора рафта расид* (200,с.200). // Конечно, домулло, вам лучше знать, – смиренно протянул парень, делая вид, что раскаивается в своих словах, *только скажу я вам,* острие ножа уже дошло до печенки (199,с.136). Более того, замена одного из компонентов фразеологизма – *устухон* на лексему – *печень* способствовало правильной передаче цели коммуникации, поскольку в русском языке лексема «*печень*» нередко используется для выражения *мук* и *страданий*. (например: «*засесть в печенках», «влезть в печенки»*).

Примечательно, что в некоторых случаях переводчик в тексте перевода исправляет ошибки, допущенные писателем при употреблении фразеологизмов. Например, в оригинале приводится следующая фраза «*Як тора мӯям аз баданам кам шавад,* ҳаматон калимаатонро гардонида кафанатонро тайёр карда истодан гиред» (201,с.195). Здесь допускается ошибка в лексическом составе ГФС, так как данный фразеологизм в таджикском языке употребляется в форме «*як тори мӯйи сар*» (*волосок на голове*), а не «*як тори мӯйи бадан»* (*волосок на теле*). В переводе употреблен эквивалентный фразеологизм, схожий по всем коннотативным признакам: Если хоть *один волос упадёт* с моей *головы*, то все можете готовить себе саван, – спокойно сказал Хол (199,с.353).

Анализ способов передачи ФЕ романа Рахима Джалила «Шураб» доказывает богатство и красочность мозаики ГФС, для передачи которых переводчик использовал различные способы перевода. Более того, для воплощения своего творческого замысла писатель нередко прибегает к использованию соматических

фразеологизмов, принадлежащих к разным регистрам языка от возвышенно-книжного до разговорного. Несомненно, соматические фразеологизмы придают произведениям выразительность и образность, однако их перевод ставит перед переводчиком сложную задачу. Анализ большого фактологического материала показал, что более 200 лексических единиц, в качестве стрежневого слова участвовали в образовании соматических ГФС, среди которых можно выявить и другие семантические группы, состоящих из четырех и более ФЕ. В данном разделе нашли свое описание наиболее яркие соматические фразеологизмы.

ГФС со стрежневыми словами, обозначающими космические явления и названия планет

ГФС со стрежневым словом ***олам* (мир).** К ГФС со стрежневым словом *олам* (*мир*) относятся ФЕ «*чор тарафи олам кушода*» и его вариант «*чор тарафи касе қибла будан*», фразеологическим эквивалентом которых в русском языке является фразеологизм – «*отправляться на все четыре стороны*», равноценный по всем показателям переводимой единице: Акбар, аз афташ, бачаю, сарсон нашавад гуфта, ба поезд савор карда фиристоданду маро аз ҳабсхона ҳамту бароварда сарату равғанат, *чор тарафи олам кушода*, ба кучо, ки хоҳӣ, рав, - гуфтаанд (200,с.237). // Вытолкнули меня из тюрьмы, *иди на все четыре стороны*, говорят (199,с.158).

ГФС со стрежневым словом ***осмон* (небо).** ГФС «*ба осмони ҳафтум бардоштан*», полным и абсолютным эквивалентом которого в ПЯ является «*вознести до седьмого неба*»: – *Ба осмони ҳафтум бардоштӣ,* духтарам, болид Хол–бобо (201,с.250). // Ой, *на седьмое небо возносишь,* доченька! (199,с.396)

ГФС со стрежневым словом ***маҳ* (луна).** В романе встречается несколько случаев употребления ГФС с соматическим словом *маҳ*.

Например, в предложении «*Яктоашро маҳ карда будед, ки дуюмашро таҳ мекунед?* Бе дарди саре нишаста будам, пул додаму дарди сар харидам, маҷолхонӣ ҳам мекунанд» (201,с.237) использовано фразеологическое словосочетание «*Яктоашро маҳ карда будед, ки дуюмашро таҳ мекунед*», обозначающее *неуверенность в осуществлении такого или иного действия с чей-то стороны*, перевод которого осуществляется описательным способом – «*…но только заведешь речь о новом «Шурабе» – скептики отпихиваются руками и ногами*: «Какой ещё новый Шураб? Откуда пошли эти разговоры. У нас сердце болит …» (199,с.386).

В нижеследующем примере ГФС «*маҳ кардан*» переводится посредством контестуальной замены «*где я силы и здоровье возьму*», применимой лишь для данного контекста: - Ба мардикорӣ рафта *маҳ карда будам*, ки ба ангиштбарорӣ рафта таҳ мекунам,– шунида мешуд овози навмедонаи мард,- барои ангиштковӣ тани сиҳату зӯри бозу даркор (200,с.109). // – Да *где я силы и здоровье возьму*, чтобы в шахтёры идти?! Хоть бы господь за бедность нашу мне хорошее здоровье подарил, так и того нет… (199,с.176).

ГФС со стрежневыми словами, обозначающими четыре первоэлемента (вода, земля, воздух и огонь)

ГФС со стрежневым словом ***об*** **(вода).** Переносное значение ФЕ «*об ба лаби ҷӯй баробар шудан*» основано на подлинном смысле выражения, то есть *вода еще придет в опустошенную канаву и жизнь еще наладится* (200,с.168,741). Применен лексический способ перевода: Имрӯз, фардо Пётр ҳам омада мемонаду *об ба лаби ҷӯй баробар мешавад* (200,с.237). // Через день – другой заявится сюда твой Пётр, печали и заботы позади, *вода заполнит арыки по самые берега* (199,с.158).

Выражение «*об гирифтани пучак*», обозначающее сильное нагноение нарыва, переводится описательным способом – «*нарыв не*

прорывался»: Дар байни ду шонаи Давлатшоҳ *пучак баромада об гирифта* буду ӯро ниҳоят азоб медод. Падару модар ҳарчанд доруву дармони хасакӣ мекарданд, ҷароҳат бо тезӣ намекафид (200,с.33). // Между лопатками у мальчика сочил чирий, который мучил его. Сколько ни старались отец с матерью домашними средствами вылечить сына, *нарыв не прорывался* (199,с.17).

ФЕ «*обро дида мӯза кашидан*» переводчик воспринимает в подлинном смысле, в то время как иносказательно оно предостерегает от необдуманного поступка и напоминает, о необходимости хорошо подумать и проверить, перед тем как совершить то или иное действие. Во фразеологическом словаре данное фразеологическое словосочетание приводится в полной форме «*обро бину (дида) мӯза каш, ҳаворо бину ғӯза каш*» и комментируется посредством примеров из рассказов Рахима Джалила, однако в романе оно употреблено в сокращенной форме: Аввал ворухиҳои аз шахта рафтаро ёфта, гапатро маъқул карда тавонӣ, мефиристонӣ. Баъд *обро дида мӯза мекашӣ.* (200,с.115) // Сперва односельчан, ушедших с шахты, уговоришь вернуться, а уж потом, *найдя брод, сунешься в воду* (199,с.290) .

ГФС со стрежневым словом ***хок*** **(земля).** Фразеологическое словосочетание *«хоки пойи касеро сурма кардан»* и его вариант «*хоки пойи касеро тӯтиёи дида кардан*» употребляются в значении почитать, дорожить кем-либо. Для передачи этого фразеологизма переводчиком был использован способ фразеологического аналога: Ба куҷо ки равам, *хоки поямро сурма мекунанд* (201,с.58). Данное устойчивое словосочетание переведено аналогией в ПЯ *«брать за милую душу кого-либо»*: Ты чиновничай, а у меня на пути не стой.... Куда Матвеич ни придёт, *за милую душу возьмут* (199,с.244).

ГФС со стрежневым словом ***оташ*** **(огонь).** В романе ГФС со стержневым словом «*огонь*» служат для порицания и осуждения персонажей. Например, устойчивое словосочетание «*ба сад ғӯр оташ*

сар додан» характеризует байского сына Эргаша как человека лживого и бессовестного, обогатившегося обманным путем: Оби ҳавзро бо кафлес намекашонанд, – лабханд намуд Ҳофиз, - контрабутсияашон эҳтимол ягон ӯраи вайро холӣ карда бошад. Охир вай *ба сад гӯр оташ сар медод* (201,с.48). // - Воду из хауза ложкой же черпают, - улыбнулся Хафиз. – Он же *грабил, кого только мог*, сотни людей разорил, а вы с ним по-божески… (199,с.240). Здесь использован описательный способ перевода.

В нижеследующем примере употребление аналога анализируемого фразеологизма – «*ба сад гӯлах оташ задан*» в сочетании с фразеологизмом «*аз таги дор гурехтагӣ*» способствовало раскрытию идейно-художественного замысла писателя. В тексте перевода первый фразеологизм передается фразеологической единицей – «*прошли сукины дети через огонь и воду»,* а второй – посредством калькирования: Дуздону кисабурон, хиёнаткорони *ба сад гӯлах оташ задаю аз таги ҳафтод дор гурехтагӣ* баракҳо, кӯчаҳо, лаваю забойҳоро пур карда буданду Шӯробро ба сарашон мебардоштанд, - дар навбати худ ба сухан ҳамроҳ шуд Хол-бобо (201,с.251). // – А жулья сколько наехало! - подхватил Хол-бобо. // *Прошли сукины дети через огонь и воду, из–под семидесяти виселиц сбежали*, чуть не перевернули весь Шураб (199,с.397).

В приведенном ниже предложении ГФС со стержневым словом *оташ* «*ба сих кашидану ба оташ сӯхтан*», лексическим значением которого является – *мучить, изводить*, употребляется в речи чиновника, которого жена осыпает упреками за его незадачливость и бездействие: – Сабр кун! Як рӯз не, як рӯз навбати мо ҳам мерасаду медиҳанд гӯям, бас кунаду хап шавад-чӣ! Мурдаи ту ландаҳур мегӯяд, аз даруни ҳамин кулӯхдевор мебарояд. *Ба сих мекашаду ба оташ месӯзад* (201,с.416). Переводимая фразеологическая единица относится к национально

окрашенным фразеологизмам, переносный смысл которого передан в переводе с помощью иного образа – «*вынести ногами вперед кого-либо*»: Успокоить хотел, а она, да простит меня бог, как оглашённая, балдой на всю улицу называет, сдохнешь, кричит, лоботряс, из этой кибитки *вынесут тебя ногами вперёд* (199,с.529).

ГФС со стрежневыми словами, обозначающими понятия, связанные с помещением

В романе «Шураб» встречаются ряд фразеологизмов, стержневой компонент которых выражен словами, обозначающими понятия связанные с помещением.

ГФС со стрежневым словом ***хона* (дом).** ФЕ «*ба хонаи занбӯр чӯб халонидан*» и «*мори хобрафтаро хезонидан*» тождественны по семантическому и стилистическому признаку и употребляются в значении *будоражить, приводить в смятение*. В романе ГФС «*ба хонаи занбӯр чӯб халонидан*» служит для образной обрисовки злодеяний отрицательного героя романа – Петухова. В переводе использовано фразеологическое соответствие переводимой единицы – «*расковырять осиное гнездо*»: Ӯ кай хабар дошт, ки Петухови ошӯбангез *ба хонаи занбӯр чӯб халонида*, маҳкамаи волостной ва роҳзанону каллабуронро ба по хазондан буд (201,с.110). // Откуда мог знать Пётр, что Петухов, способный ради лишнего рубля превратить молоко в чернила, а мед - в яд, *расковырял осиное гнездо* и поднял на ноги всё волостное управление (199,с.77). Более того в переводе был применен прием добавления пословицы – «*превратить молоко в чернила, а мед - в яд»,* направленное на усиление экспрессивности художественного отображения.

ГФС со стрежневым словом ***бом* (крыша).** Фразеологическое словосочетание «*як бому ду ҳаво*» обозначает «*непостоянство и изменчивость мнения в решении проблемы; колеблющийся, неустойчивый в своих мнениях*» (190,с.469). Во фразеологическом словаре (196,с.154) в

качестве иллюстраций для комментирования этого фразеологизма были приведены примеры из сборника рассказов Рахима Джалила «Хамида». В романе «Шураб» вышеназванный фразеологизм использован с целью описания ситуации на производстве и переводится дословным способом «*на одной крыше две погоды*»: – *Як бому ду ҳаво*. Дар ин тараф комбайн доди ангиштро медиҳаду дар он тараф ангишт азоби ангиштканро, ки метини аз ҳазрати Довуд мондаро гум-гум зада параха мепарронад (201,с.356-357). // Как говорят таджики, *на одной крыше две погоды*. А по-русски сказать, так *из одних яслей, да не одни басни*. Тут комбайн уголь выдает, только поспевай, там ковыряем его допоным кайлом (199,с.476). Здесь фразеологическое предложение «*из одних яслей, да не одни басни*» употреблено с целью раскрытия ФЕ «*як бому ду ҳаво*», связанного с особенностями быта и жизни иноязычного народа.

Фразеологическим соответствием устойчивого словосочетания «*аз бом тароша афтодан*» является образное выражение «*ни с того ни с сего, с бухты-барахты*», однако в переводе оно передается описательным способом: – Ҳикояро аз як сар нагуфта, «*аз бом тароша афтод*» кардӣ,– гуфт Эсанбой ба Назаров (201,с.247). // – Но рассказал-то ты не сначала, а с чего пришлось, – сказал Эсанпай Назарову (199,с.393).

ГФС со стрежневыми словами, обозначающими предметы быта

Ряд ГФС романа образованы посредством слов, обозначающих предметы быта.

ГФС со стрежневым словом ***коса*** **(чаша).** Возникновение фразеологизма «*дар таги коса нимкоса будан*», лексическим значением которого является 1. *здесь что-то нечисто*; 2. *в деле есть обман*(195,с.476), связано с известным таджикским анекдотом: Мушфики покупает чашу нишалло. Когда чаша переполняется,

продавец нишалло спрашивает, куда положить остальное. Мушфики переворачивает чашу и говорит, что сюда тоже можно положить.

Это фразеологическое словосочетание в произведениях Рахима Джалила встречается довольно часто, в том числе и в романе «Шураб». Для передачи данного фразеологизма в переводе в зависимости от контекста использованы различные способы. В процессе перевода, выражвщего в структуре предложения был использован дословный перевод, однако в данном случае он не позволяет реципиенту перевода понять в полной мере передаваемое переносное значение: Худ ба худ мегуфтам: Ҳой, Акбар, ҳушёр шав, *дар таги коса нимкоса ҳаст* (201,с.388). // Не верил я в то, что взялся за ум, сказал сам себе: Ой, Акбар, гляди в оба, тут, как говорится, *под одной чашей спрятана другая*, что-то задумала она, но ты не дай провести себя (199,с.505).

В другом месте для передачи этой единицы использован описательный способ перевода: Ин буд, ки амалдорони аз доираи калон гирифтани воқеа сахт ба ташвиш афтода, ҳоло се рӯз боз *аз зери косаҳо нимкоса ёфтанӣ шуда*, зӯр мезананд (200,с.138). // Три дня и три ночи, не зная ни отдыха, ни покоя, они *пытались* всеми средствами *доискаться до корня событий* и распутать клубок (199,с.96).

Наблюдается опущение фразеологизма «*дар таги коса нимкоса доштан*», при переводе: *Косаи ҳар ду ҳам дар зер нимкоса дошт.** Онҳо ғайр аз духтархондашон Ҷамила Холова, ҳанӯз дар панҷ соли аввали хонадорӣ соҳиби ду духтар шуданд (201,с.448). // Трёх детей они вырастили: Джамилю, дочь Хола Ворухи, ставшую им названной дочерью, и двух родных дочерей, которых прижили с Дашей за пять первых лет после женитьбы (199,с.556).

ГФС со стрежневой конструкцией ***шона – фона* (гребень – клин).** Фразеологическое словосочетание «*аз рӯ шонаву аз таг фона (кардан)*» относится к образным фразеологизмам с ярко выраженной стилистической окраской, образованным посредством художественных

приемов – антитеза и каламбур, и употребляется в значении «*в лицо говорить одно, а за спиной другое*». В следующем предложении для передачи данной ФЕ переводчик, руководствуясь прагматическими целями, применяет описательный способ перевода: Лекин *аз рӯ шонаву аз таг - фона* – ба кӯча баромада мардумро гумроҳ мекунад (200,с.63). // *Тут божится искупить вину трудом, а за порогом людей с толку сбивает* (199,с.248).

ГФС со стрежневым словом ***табар*** **(топор).** Фразеологическое словосочетание «*дами табарро пахта гирифтан*» употребляется в значении *склонить на свою сторону подарками* и т.п. (195,с.275). В романе речь идет о воровстве цыганки, которую поймали с поличным и повели к кази за разбирательством. В данном случае переводчиком была подобрана фразеологическая аналогия с таким же образным значением: – «Казию ведь слова не скажи, а гроши покажи»: Имою ишорат карда як почаи эзорашро ба қозӣ медиҳам мегуфт, *дами табарро пахта мегирифту* чон ба саломат мебурд (200,с.72). Сам цыган, дурак. Посулил бы что, глядишь, и помиловал бы. *Казию ведь слова не скажи, а гроши покажи* (199,с.256).

ГФС со стрежневыми словами, обозначающими одежду и её части

ГФС со стрежневым словом ***пӯстин*** **(тулуп).** В романе фразеологическое словосочетание «*ба пӯстини касе кайк даромадан* (*афтодан*)» (досл. *попадание блохи в чей-то тулуп*), лексическим значением которого является забеспокоиться, взволноваться, встревожиться, употреблено по отношению к волостному и главе уезда. Лексический перевод, использованный для передачи данного фразеологизма – «*словно блоха, забравшись под нижнее бельё*» применен, на наш взгляд, с целью передачи ФЕ в целости ее семантико-стилистического и экспрессивно-эмоционального значения: Ба пӯстини волостной ва сардори уезд *кайк афтода буд* (200,с.102). // Словно *блоха,*

забравшись под нижнее бельё, они не давали покоя волостному и уездному начальству (199,с.701).

ГФС со стрежневым словом ***гиребон*** **(воротник).** В романе «Шураб» наблюдается употребление нескольких ГФС со стержневым компонентом *гиребон*. Например, *«гиребонро қапидан»* и его вариант *«гиребонро қапида мондан»* обозначающий *сильное удивление*: 1.Дар конференсияи мустақиломӯзон ӯро шунида, *гиребонамро қапида мондам* (201,с.428). // Слушая его выступление на конференции самостоятельно занимающихся, я как говорится, ужас, *схватился от изумления за ворот* (199,с.539). 2. Ман *гиребонамро қапида ҳайрон мешудам*, ки чӣ воқеа рӯй дод, худи гап чист? – Акбар-амак нафасе аз роҳравӣ бозистода: одаме, ки дар пеши гӯшаш пашшаи миғилмак барин ғиринғос зада, дар майнааш чоҳи бетаг мекофт, чӣ тавр хапу камгап шуд (201,с.388). // *Удивлялся* всему этому, что, думаю, случилось, чего вдруг нежданно-негаданно переменилось? То жужжала у уха, как комар, все мозги просверлила, а тут тихо, как трава, нежна и мягка, как шелк, слова лишнего не вымолвит…(199,с.505).

В первом случае в переводе фразеологического словосочетания *«гиребонамро қапида мондам»* наблюдается употребление – «*от изумления*», не отмеченного в оригинале, которое делает перевод более конкретным. Во втором случае этот же фразеологизм переведен лексическим – однословным способом – «*удивлялся*».

ГФС со стрежневыми словами, обозначающими пищу

В романе несколько слов, обозначающие пищу, выступают в качестве моделирующего компонента ГФС.

ГФС со стрежневым словом ***ош….ҷазза*** **(плов…шкварка).** Например, ФЕ «*ба ҳар ош қайлаю ба ҳар коса ҷазза шудан» - о человеке, который непрошено, назойливо вмешивается в различные разговоры*, дела

и т.п., возникшая на основе реального феномена, образована посредством рифмующихся фраз. В романе это фразеологическое словосочетание употреблено в трех аналогиях, отличающихся по степени участия компонентов, но тождественных по семантике, для передачи которых переводчиком использованы два способа перевода. В процессе перевода предложения: – Акнун худам барин чунон серкор карда мондааст, ки ба сархорӣ даст намерасад. Худи ман ҳам, додарҷон, *ба ҳар ош қайлаю ба ҳар коса ҷазза шудаам.* Аралаш нашавам, дилам ғаш мекунад (201,с.86). Для передачи указанного фразеологического словосочетания был использован лексический перевод, однако один из компонентов фразеологизма – *«ҷазза»* в переводе был заменен другой лексемой – *«ложка»,* однако *ложка* отличается от *шкварки* по степени мотивированности: Я занят, как он сам, затылок даже почесать некогда. *Каждому кушанью приправой, в каждой миске ложкой стал* (199,с.267).

В нижеследующем предложении употреблен вариант вышеназванного фразеологизма «*ба ҳар нон ҷаззаю ба ҳар коса қайла»*, для передачи которого также был использован лексический способ, однако в тексте перевода приведена лишь часть фразеологизма, с заменой в составе компонентов, *чаши* на *блюдо*: Баъзеҳо мо, пиронсолони Шӯробро айб мекарданд, шукри давлати пириро карда, дар хонаякамон намешинему *ба ҳар нон ҷаззаю ба ҳар коса қайла мешавем* (201,с.364). Есть ещё такие люди, которые упрекают нас, пенсионеров Шураба в том, что обеспеченные на старости лет государством, мы, тем не менее, не сидим спокойненько дома, а во всё лезем, становимся, как говорится, *приправой к каждому блюду* (199,с.483).

Третьим вариантом этого фразеологизма является *«ба ҳар ош қайлаю ба ҳар нон ҷазза будан»,* перевод которого был также

осуществлен лексическим способом, однако в тексте перевода находит соответствие лишь часть фразеологизма – «*приправа к каждому блюду*».

ГФС со стрежневым словом ***туппа*** **(лапша).** В романе фразеологическое словосочетание *«туппа барин пазондан»* в значении избить до полусмерти употребляется в двух местах. В первом случае данная единица перевода передается фразеологической аналогией – *«мокрого места от него не оставлю»:* Агар вай ҳозир ба дастам меафтид, зада *туппа барин мепазондам* (201,с.58). // Ну, погоди, попадется мне этот нечестивый горбун, *мокрого места от него не оставлю!* - произнёс Хол, всё ещё с дрожью в голосе (199,с.244).

В другом случае для передачи этого фразеологизма использован описательный способ передачи – *«все внутри поотбивал»:* Ба ҷойи хобаш зер кардему ҳамаро ба ҳар тараф ҳаво дода, то ҳаш - паш кардан қариб *зада туппа барин пазонд* (201,с.194). // Это же не человек-медведь! Мы на него сонного напали, и то кидал, как камешки. *Все внутри поотбивал*, пока связали (199,с.352).

ГФС *«Бакавули оши тайёр шудан»* в значении «*прийти на все готовое*» (189,с.63) на русский язык переведен лексическим способом, с той лишь разницей, что вспомогательный глагол исходной единицы выражен глаголом первого лица, множественного числа, а единицы соответствия – глаголом второго лица множественного числа: Не. *Бакавули оши тайёр мешавем*, дӯстам, - ҳазл намуд Эсанпай (201,с.180). Все. *Станете поваром на уже готовый плов*, - рассмеялся Эсанпай (199,с.340).

ГФС со стрежневым словом ***чалпак*** **(блины).** ГФС *«як чалпаку чил арвоҳ»,* фразеологическим соответствием которого в русском языке является «*на один зуб, кошке на лизок»,* как и в вышеуказанных случаях переведен лексическим способом: Магар *як чалпаку чил арвоҳ*

намешавад? (200,с.279) // –А не получится *одна лепёшка на сорок душ*?– пошутил караванщик, остановив верблюда (199,с.186).

ГФС со стрежневым словом ***равған*** **(масло).** Фразеологическое словосочетание *«ба деги мазор равған рехтан»* обозначает *пожертвования в знак признательности за избавление от земных бед.* В этом значении оно используется и в романе, когда речь идет о Рокие, дочки кулака, которая всех мучила и обижала: – Шумо ба ман гӯед, ки дар ин атроф ҷаноб ғайр аз Лангари Моҳиён ягон мазори дигар ҳаст-мӣ? – *Ба дегаш равған бурда рехтанӣ ҳастед*?- аз ҳазли Акбар-амак чӣ гуфтани ӯро фаҳмид Назаров (201,с.385). // Неужели вы переживаете за неё? - откликнулся ей в тон Акбар-амак. Вы мне лучше скажите, есть ли здесь поблизости какой-нибудь другой мазар кроме Лангари Мохиён? – Уж *не масло ли собрались пожертвовать?* – понял, что скрывает за шуткой друга Назаров (199,с.502). Здесь также наблюдается лексический способ перевода.

ГФС со стрежневым словом ***ҳасиб*** **(колбаса).** ГФС *«ҳасиби касеро халта кардан»* во фразеологическом словаре (189) комментируется как 1. отбить у кого-л. охоту, желание; 2. разочаровывать кого-л. в ком-л., чём-л. Фразеологическим аналогом данной единицы перевода является *«охладить пыл кого-либо»*, который был использован и в переводе: Арслоналӣ бо чолокии ҳайратангез аз ҳар ду дасти ӯ гирифта тела дода – тела дода, аз ӯтов берун бароварда. Қувваи панҷаи зӯрманди ҳариф, чӣ тавре ки мегӯянд, *ҳасиби Ҷӯрабоширо хеле халта карда* бошад ҳам, номус сахт гиребонгираш шуда буд (200,с.152). // Арслонали мигом скрутил ему за спиной руки и пинками вытолкнул из ворот. Джурабоши почувствовал силу рук пастуха, и это несколько *охладило его пыл* (199,с.106).

ГФС со стрежневым словом ***тушбера*** **(пельмени)**. Устойчивое словосочетание «*тушбераро хом шумурдан*», употребляемое в значении

1. недооценивать (кого-л., что-л.), считать незначительным, недостойным внимания; 2. ошибаться, допускать просчёт (190,с.209), в романе «Шураб» встречается в речи дяди Акбара. Описательный способ перевода, использованный переводчиком, в данном случае, на наш взгляд, является правильным решением переводческой задачи: Аз банди дасташ гирифтам, «ба ҳеҷ ҷо намеравӣ, вайро чӣ кардӣ»? - гуфтам. Вай бошад, дасти дигарашро ба кисаи пиджак зада истодааст, бинам, дудама дар ғилоф. Эй, ту сагбача, *тушбераро хом шумурдӣ*, Акбар Азимов, ки дар вақташ аз тӯда-тӯдаи босмачиҳо натарсида буд, акнун аз ту метарсад?! (201,с.389). // Схватил его за руку, велел стоять; спрашиваю, что сотворил с женщиной, а он, подлец, второй рукой в карман влез, смотрю, финку, скотина, достаёт. «Ах, щенок,– говорю я ему,– *не на таковского ты напал.* Акбар Азимов в свое время не боялся басмачей, чтоб теперь испугаться тебя», – и кулаком ему по морде (199,с.506).

Наряду с конкретными существительными в образовании ГФС активное участие принимают и абстрактные существительные, составляющие около 40 процентов всех фразеологических словосочетаний.

Фразеологические словосочетания с абстрактными существительными в качестве стержневого слова служат для выражения моральных и нравственных понятий, объединяющиеся в такие семантические группы как слово, знание, действие, состояние, душа, желание, чувства и т.д.

ГФС со стрежневым словом ***гап, сухан*** **(слово, речь)**

Общеупотребительным синонимом лексемы *«гап»* (*слово*) является *«сухан»* (*речь*), однако в романе в большинстве случаев употребляются разговорные фразеологические словосочетания со стержневым словом *«гап»,* к которым относится и устойчивое словосочетание *«ба гап ҷома*

пӯшондан», обозначающее говорить искусно, красноречие, переведенное в следующем отрывке образным выражением *«соловьем заливаться»:* Ба таърифи дигарҳо гузарад, булбули гӯёю аз худаш ки сухан шуд, мани бечора гунгам, ягон-ягон меғунгам. Ҳама хандиданд. - Ҳа *ба гап ҷома мепӯшонед,* амак! - хандид Пётр. - Ту ҷома напӯшонӣ, ман напӯшонам, бечора гап лучу урён монад? - боз ҳазл намуд Хол-бобо (201,с.234). Характером свой народ: других похвалить - *соловьем заливается*, о себе сказать да послушать - нем, бедняга, и глух (199,с.584).

В передаче фразеологического словосочетания, с фразеобразующим компонетом *«гап»* – «*ба миёни гап лағат задан» // вмешиваться в чей-либо разговор,* использован лексический способ перевода: *Ба миёни гап лағад назану* аввал гӯш кун, ки ман чӣ мегӯям! - Ҳасан Холро ба ҷавобгардонӣ нагузошт ва ба йигитҳояш як ишора намуд, ки ба ҷойҳои худ раванд (201,с.195). // Погоди, *не перебивай*, слушай, что я говорю! - нахмурился куса и жестом велел босмачам разойтись по местам (199,с.352).

В романе встречаются и ГФС со стержневым словом *«сухан»,* относящееся к литературно-книжному стилю – «*сухан гуфтану дур суфтан»:* – Ана вай, додарҷони ман, суҳбат буд! - суханашро ба анҷом мерасонд Хол-бобо. - Ба қавли Хоҷа Ҳофиз, *сухан гуфтанду дур суфтанд* (201,с.243). // По словам нашего поэта Хаджи Хафиза, «*речь держали – жемчуг метали»* (199,с.391).

В некоторых устойчивых выражениях вместо лексемы *«гап»* используется *«сура»* – кораническая сура. Например, «*сураро дароз кардан» – разглагольствовать, тянуть разговор.* В данном случае подобран его однословный способ перевода – *заговорить*, семантическими оттенками которого является «утомить многословными разговорами, не дать возможности собеседнику сказать что-либо»: *Заговорил* я тебя? (199,с.506)

В романе встречаются и ГФС со стержневым словом ***«ҷон»*** **(душа),** используемое в двух вариантах – *«аз ҷон сер шудан»* и *«аз ҷон сер кардани касе»*. Первый фразеологизм – *«аз ҷон сер шудан»* обозначает *дойти до крайней степени изнеможения,* а второй – *«аз ҷон сер кардани касе»- довести кого-то до изнеможения.* Соответствием в тексте перевода подобраны частичные свободные и фразеологические варианты *«отравить кому-то жизнь»* и *«сыт по горло»:* – Ҷанг *аз ҷонамон сер* кард, - гуфт аввал ӯ оҳиста ва оромона (200,с.296). // Война *отравила* нашу *жизнь*, - говорил Эсанпай (199,с.199); Ташвиқот *аз ҷонам сер кард* (201,с.144). // *Сыт* пропагандой *по горло* (199,с.527).

Устойчивое словосочетание *«то рамақ аз ҷон дар бадан будан»* в значении *до тех пор, пока душа в теле, до последнего дыхания* в романе употребляется в речи главнокомандующего Красной Армией Михаила Фрунзе и носит несколько официально–книжный характер, переводится частичным фразеологическим аналогом: Ташаккур, рафиқ Фрунзе. *То рамақе аз ҷон дар баданам ҳаст*, хизмати Ватанро, халқро мекунам (201,с.84). // - Спасибо, товарищ Фрунзе! До конца… *пока бьётся сердце*, буду служить трудовому народу (199,с.264).

ГФС со стрежневым словом ***қаҳр*** **(гнев)** «*Қаҳр дар нӯги бинӣ будан*» - в «Словаре фразеологизмов» (194) комментируется примерами из романа «Шураб» (1. о *человеке, который быстро обижается*; 2. *быть нервным*) переводится фразеологизмом «*закипеть гневом*»: Сабр кун, боча, сабр кун, тафсида рафт Шукуров, ки *қаҳраш дар нӯги биниаш* будани вайро Назаров медонист ва ба зарбаи ҷавобӣ нигарон буд (201,с.308). Подожди, свояк, подожди! - побледнел Шукуров, подняв руку, его бесцветные губы задрожали, и это было первым признаком того, что он *закипает гневом* (199,с.442).

ГФС со стрежневым словом ***сархорӣ*** **(чесание головы)** в романе встречается в форме «*ба сархорӣ вақт надоштан»,* в значении *не иметь*

времени для передышки, не иметь свободного времени, соответствием которого в тексте перевода является «*некогда и затылок почесать»:* Аверченко *ба сархорӣ вақт надошт* (201,с.87). // Аверченко вздыхал: попал, как кур в ощупь. *Некогда и затылок почесать* (199,с.243).

В романе используется также созданный писателем вариант этого фразеологизма *«ба сархорӣ нохун наёфтан»,* для которого в тексте перевода было то же фразеологическое соответствие: Аз Қӯқанд бошад, ё маро фаромӯш кардаанд, дар он ҷо ҳам *ба сархорӣ нохун намеёбанд*, ки ғайр аз ду каси як сари қадам омада рафта дигар хабару асаре нест (201,с.43). // А в Коканде, то ли про нас забыли, то ли *не найдут времени почесать собственный затылок:* кроме двух представителей, заезжавших к нам на день или на два, никого мы больше не видели и не слышали (199,с.236).

Анализ способов передачи ГФС романа показал, что перевод фразеологических словосочетаний с абстрактными существительными в качестве стержневого компонента в отличие от перевода ГФС со стержневыми компонентами, выраженными конкретными существительными представляют большие трудности, поскольку им свойственен широкий диапазон семантических оттенков, а также национально-этнический компонент. Этим объясняется и частое использование приема опущения для передачи ГФС с абстрактными существительными в именной части: *оруғ туруш шудан // почувствовать себя плохо, затошнить* (201,с.110), *орзу ҷомаи амал пӯшидан // осуществление мечты в жизнь* (201,с.178), *зафт набардоштан // презирать* (201,с.60), *дам ба дарун афтодан // перехватить дыхание* (201,с.197) *таги даъво чӯбкорӣ будан // подделка в чем-то* (200,с.252), *як рӯз шудану як рӯз мурдан // день родиться, день умереть, т.е., жизнь человека не вечна* (201,с.199), *шаба шаб, рӯза рӯз нагуфтан // днём и ночью* (200,с.206) *и т.п.*

Таким образом, анализ фактологического материала показал, что в романе «Шураб» наблюдаются три вида фразеологических конструкций: 1) союзные ФК; 2) ФК со вспомогательным глаголом «кардан»; 3) предложные ФК.

Союзные ФК образуются при помощи сочинительных союзов «-у» («-ю»,«-ву») и более двух именных компонентов, выраженных преимущественно существительными, прилагательными и в некоторых случаях глаголами. В переводе данных ФЕ в основном употребляется лексический способ, при котором переводчику не удается сохранить национальный колорит выражения. Фразеобразующие компоненты большинства СФК исследуемого произведения в основном выражены абстрактными существительными, так как абстрактные существительные обладают большей семантической возможностью для передачи образного значения. СФК, компоненты которого выражены прилагательными, обладают большей экспрессией и семантическими оттенками и используются для обозначения как положительного, так и отрицательного отношения к объекту.

ГФК в основном образуются при помощи вспомогательного глагола «кардан», присущего разговорной речи, где весьма высока национальная черта, потому они передаются на русский язык описательным способом.

Предложно-именные глагольные фразеологизмы романа, состоящие из повторяющейся именной части, соединенной предлогами «болои», «ба» и «андар» в основном переводятся лексическим и в некоторых случаях описательным способами. В тексте перевода наблюдаются и примеры несоответствия, опущения и случаи искажения семантики исходной единицы.

Анализ фразеологических конфигураций показывает, что в романе «Шураб» глагольные фразеологические словосочетания в отличие от именных представляют наибольшее число фразеологизмов и

тем самым демонстрируют валентность данной части речи в образовании фразеологических словосочетаний. Их процентное соотношение составляет 15 / 85.

Анализ способов передачи ГФС романа «Шураб» показал, что для передачи данных ФЕ переводчиком в зависимости от контекста были использованы такие способы передачи как фразеологический аналог, фразеологические эквиваленты, калькирование (дословный перевод), лексический, однословный, и описательный способы перевода, а в некоторых случаях наблюдаются и примеры контекстуальной замены. Во многих случаях переводчику удавалось выработать правильную переводческую стратегию и выбрать наиболее подходящий способ перевода, обеспечивающий достижение более высокого уровня соответствия. Особое внимание переводчиком уделяется передаче в переводе экспрессивных и модальных аспектов содержания оригинала.

В некоторых случаях контекст заставляет переводчика отказаться от выбора одного и того же варианта соответствия и подыскать подходящую по стилистическому и семантическому компоненту контекстуальную замену. Вместе с тем наблюдаются и случаи искажения смысла оригинала, возникшие вследствие непонимания переводчиком подлинного смысла переводимой ФЕ, ведущие, несомненно, к снижению уровня коммуникативной и художественной равноценности соотносимых единиц.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ТАДЖИКСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕДАЧИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

На начальных этапах развития общей теории фразеологии как лингвистической дисциплины учеными уделялось внимание в основном исследованию фразеологических оборотов, одним из признаков которых является возможность идентифицироваться с одним простым словом. На наш взгляд, исследование ФЕ в рамках лексикографии также обусловлено именно этой характерной особенностью фразеологизмов. Однако с возрастанием степени интереса к различным аспектам данной проблемы, фразеология как лингвистическая наука стала охватывать более широкий круг ФЕ т.е., «все устойчивые сочетания слов: и единицы, эквивалентные слову, и единицы в семантическом и структурном отношении соответствующие предложению» (163,с. 4).

По словам известного таджикского фразеолога Х. Маджидова: «Фразеологические предложения, как и другие типы ФЕ, представляют собой семантически неделимое целое, выраженное в форме идиоматичного словосочетания. То есть, с точки зрения выражения семантики фразеологические предложения схожи с другими ФЕ. Например, фразеологическое предложение *«дили касе пур шуд»* употребляется в значении *«стать уверенным», «димоғи касе сӯхт»* - *«обидеться», «чашми касе бечо»* - *злонамеренный, «шарташ рафта, фарташ мондагӣ»* - *стать дряхлым стариком, «имрузро ёбад, фардоро намеёбад»* - *быстротечность человеческой жизни* (186;189). Об особенностях фразеологических предложений, в силу которого их относят к ФЕ этот же ученый отзывается следующим образом:

«Поскольку важнейшей особенностью ФЕ, в том числе фразеологических предложений является их семантическая целостность, автор или же писатель не обращает внимание на их построение, которое в некоторых случаях может быть достаточно сложным. Именно по этой причине фразеологические предложения вне контекста обозначают отдельное понятие. Как только такого рода ФЕ употребляются с другими предложениями, их в некоторой степени сложная структура, как будто заново восстанавливается. В этом случае ФП отличается от других предложений контекста не только с точки зрения структуры, но и выражения мысли и интонации» (65,с.44). Из чего можно прийти к двум важным заключениям: 1) во фразеологических предложениях, как и в отношении других ФЕ, учитывается их семантическая целостность; 2) фразеологические предложения по структуре «отличаются от других предложений контекста».

Общеизвестно, что фразеологические предложения произошли в основном следующими способами:

1) многие фразеологизмы уже первоначально были созданы в живой речи народа, а затем посредством художественных произведений вошли в литературный язык;

2) определенное количество фразеологизмов сформировались на базе словосочетаний, в результате обретения коммуникативного содержания, присущим предложению;

Сюда же относятся фразеологизмы, созданные на базе цитат из литературных произведений. По словам известного таджикского ученого Б. Камолиддинова «источником возникновения ФЕ являются образные выражения и словосочетания, получившие широкое распространение среди масс и ставшие устойчивыми в результате многократного их воспроизведения в речи» (39,с.6).

Фразеологические предложения (ФП), подчиняясь общим критериям фразеологичности, не взирая на разные способы

происхождения, от фразеологических конструкций и фразеологических словосочетаний отличаются тремя следующими грамматическими особенностями: 1) коммуникативностью; 2) наличием субъектно–предикативных компонентов; 3) выражением предикативных составляющих (сказуемых) в спрягаемых формах. Итак, пословицы и поговорки также относятся к числу ФЕ, именуемые коммуникативными фразеологическими единицами.

С точки зрения структурной организации фразеологические предложения можно подразделить на два общепринятых вида: простые и сложные.

3.1. Простые фразеологические предложения и способы их передачи на русский язык

Известно, что основным источником возникновения ФЕ, в том числе фразеологических предложений (ФП), является живой народный язык.

В романе «Шураб» (200;201), известном в истории современной таджикской литературы своей народностью, язык персонажей изобилует народными словами и изречениями. Эта особенность, несомненно, придает художественному произведению особенный колорит и национальную окраску, но вместе с тем вызывает ряд трудностей для переводчика. В переводческой практике одной из наиболее сложных задач является перевод фразеологических предложений, поскольку при переводе ФЕ необходимо передать не только ее смысл, но и стилистическую окраску, экспрессию, которая в значительной степени зависит от контекста художественного произведения и идиостиля писателя и сохранение национального колорита оригинала, который может препятствовать достижению эквивалентности, так как реципиент может не обладать фоновыми знаниями рецептора оригинала.

Простые ФП романа «Шураб» с точки зрения выражения положительных и отрицательных чувств можно подразделить на две группы.

3.1.1.Простые ФП, выражающие положительные чувства

Простые ФП, относящиеся к разговорному стилю, обладают широкими семантико – стилистическими возможностями, и используются преимущественно для выражения чувств и субъективного отношения говорящего или писателя. Более того одно и то же ФП в зависимости от контекста может выражать различные чувства. Например, в нижеследующих примерах в первом случае простое ФП «*аз қудратат гардам, Худо (Парвардигор)*» выражает удивление, а в другом случае – радость:

1. Ба чилу панҷ даромада, рафиқ Назаров, то ҳамин вақт як шабу як рӯз ҳиқчоқ гирифтани одамро нашунида будам, *аз қудратат гардам, Парвардигор*, худам гирифтор шуда донистам,- мегуфт баҳоначӯй (201с.,415). // Сорок пять стукнуло, товарищ Назаров, и ни разу никогда не слышал, чтоб икота мучила человека день и ночь, а на меня, да *простит меня бог,* налетела проклятая, – заливался прогульщик (199,с.528).

2. -*Аз қудратат гардам, Худо*! – гуфт Хол хурсандона ва гӯё аз гуфта пушаймон шуд, ки онро ислоҳ намуд.- Аз қудратат гардам, Ҳуррият! (201,с.46) // -*О господи, велика твоя сила!* - радостно воскликнул Хол и тут же смущённо поправился: - Я хотел сказать - велика твоя сила, революция!... Да, велика! (199,с.238).

Разговорные ФП зачастую носят ярко выраженный экспрессивный и национальный характер. В этом можно убедиться и на примере ФП исследуемого романа, для передачи которого были использованы преимущественно лексический и аналогические способы перевода. Примером эквивалентного перевода ФП можно назвать

следующие предложения: *Илоҳӣ ба ҳазор дароед,* мулло! - аҳсан гуфт Холи ворухӣ, ки дар ин дам Шӯроб, кор, гӯштингирии фардоина ва ҳатто дар кучо будани худро фаромӯш карда буд (200,с.51). // *Дай бог прожить вам тысячу лет*, мулло! - восторженно воскликнул Хол.- Дай бог, чтобы всегда сбывались ваши мечты и надежды (199,с.242); *Чашми бад нарасад*, чӣ ҳусне! - аҳсант хонд ҳофиз дар ҷавоби нигоҳи Хол, ки маънии «духтархонди ман чӣ тавр аст?»- ро дошт (201,с.184). // *Не сглазить бы*, очень красива! - ответил Содирхан на безмолвный вопрос Хола (199,с.343).

В следующем примере переводчик для передачи национально-этнического компонента ФП, а именно образного отображения доброжелательного отношения героя персонажа – Хола по отношению к собеседнику, использует дословный способ перевода: Хол *«сафар бехатар шавад»* - гӯён даст ба рӯй кашид (201,с.112). // *Да будет спокойным ваш путь!* - Хол молитвенно поднял руки к лицу (199,с.288).

С этой же целью дословный способ перевода был использован и для передачи предложения с некоторым различием компонентов: – Хайр, хуш бошед, одамони нек, *сафаратон бехатар шавад,* омин (200,с.54). // -Будьте здоровы, люди хорошие, и *пусть ваше путешествие будет безопасным* (199,с.33).

Благожелательность и благосклонность выражаются и в других предложениях романа, передача которых осуществляется лексическим способом перевода: *«Ба муродатон расед»* (201,49). // «*Да сбудутся все ваши мечты и желания»* (191,241); *«Дасташон дардро набинад»* (201,с.415). // *«Пусть не болят у него никогда руки»* (199,с.528).

Разговорные ФП исследуемого романа, служащие для выражения *восхищения, ликования и радости*, характеризуются пафосной интонацией, для передачи которых в переводе используются междометные лексические единицы, такие как *«молодец», «браво»* и т.д.: *Намур, қандата зан!* (201,с.108) // *Молодец*!...(199,с.355); *Қанд зан!*

(200,с.22) // *Ай да молодец…* (191,8); *Кам нашав, ҷигарам…* (201,с.385) // *«молодец…»* (199,с.502); – *Эй, ҳалолат бод,* Холако! (200,с.282) // – *Браво,* Хол-ака!.. (199,с.189).

Определенная часть простых ФП служат для выражения чувства радости и умиления. В романе такого рода ФП звучат в речи матерей, добрых сестер для выражения любви и благодарности. Например, в простом ФП *«садқаи ту шавам»* (досл. *да стану я за тебя жертвой!*) проявляется любовь матери, готовой всем пожертвовать ради сына. Для передачи этого ФП переводчик с целью интенсификации экспрессивного компонента использует как лексический перевод «*радость моя*», так и пословный *«да стать мне за тебя жертвой»:* - *Вай онат садқа шавад, онат аз сарат гардад,* Арслони ман! - гӯён аз ҳаво дастгиру дастаке ҷуст (201,с.124). // Сын мой, *радость моя, да стать мне за тебя жертвой,* Арслон мой, – запричитала она, протягивая руки (199,с.298). В этом предложении наблюдается также авторское выражение *«аз ҳаво дастгиру дастаке ҷуст»* (досл. *искать в небе некую помощь и руку*), употребленное, на наш взгляд, из идеологических соображений в качестве синонима к слову *Всевышний,* а использование синонимичного ФП *«онаат аз сарат гардад»* обусловлено стремлением автора усилить значение первого ФП.

В этом же значении в романе употребляется и ФП *«тасаддуқ шавам»,* для передачи которого в переводе использована одна и та же лексическая трансформация: *Тасаддуқатон шавам,* акаҷон, ҳоло пир нашуда бошед, - ин дафъа далертар шуда гуфт хоҳар (201,с.117). // Теперь сестра заговорила смело - *Да стать мне жертвой за вас*, акаджон, ведь вы не стары, слава богу, здоровы (199,с.292).

В нижеследующем примере выражению *«да стать мне жертвой за вас»* добавляется не отмеченный в оригинале эпитет *«искупительный»,* придающий выражению религиозный оттенок: -

Тасаддуқатон шавам, уко, - ба зорӣ даромад тамошогари ҷазбманди гӯштингирӣ, - ҳар чӣ қадар ки хоҳед, боз лаънат гуфтан мегирем (201,с.48). // *Да стать мне вашей искупительной жертвой* ука, сколько угодно будем ещё проклинать этого бессовестного бойбачу, - живо откликнулся страстный любитель борьбы (199,с.240).

Сопоставительный анализ переводов показывает наличие в романе наряду с ФЕ, имеющими единичные или множественные соответствия в ПЯ, и таких специфичных понятий, для которых в ПЯ прямых соответствий нет. Несомненно, перевод таких лексем вызывает трудности для переводчика. В этом случае переводчику приходится прибегнуть к лексическому переводу, то есть подыскать ближайшую по значению единицу. Примером может послужить лексема *«худоҷӯён»,* для передачи которого переводчик использовал слово *«сердобольный»:* Барои рафиқонат ҳам *худоҷӯёни дигар ёфт мешудагистанд,* - дилдорӣ дод Саломатшоҳ, - замини Худо аз одамони нек кам нест (200,с.28). // - Что же, и для твоих друзей *найдутся сердобольные души*, приютят, - успокоил мальчика мельник (199,с.12).

3.1.2.Простые ФП, выражающие отрицательные чувства

Часть простых ФП, относящихся к разговорному пласту языка, служат для выражения отрицательного чувства говорящего к объекту. Следует отметить, что и в данном случае национально-этническая характеристика ФП обуславливает использование лексического перевода предложения. В качестве иллюстраций приведем следующие примеры: - *Вой ман мурам*! – гуфт пиразан, ниҳоят ба худ омада…(200,с.119). // - *Ох, умереть мне на этом самом месте!* - воскликнула старуха (199,с.82); – Гуфтанӣ ҳастам, ки бало ба паси оқподшоҳ, *гӯр ба гӯр гардаду* аммо сурататаш аҷоиб кашида шуда буд (201,с.96). // Хочу сказать, что проклят был окпадшох, *пусть не знает покоя в могиле,* но рисовали его красиво…(199,с.275); *Хонааш сӯзад* таъриф карда, ба осмони ҳафтум бардошт (201,с.65). // *Да сгорит* дом

обманщика, так расхваливал жениха, на седьмое небо вознес. А он, хваленый, теперь живьем в могилу её кладет… (199,с.250).

Уяснение значения ФП в контексте дает возможность отыскать переводчику необходимое вариантное соответствие. Вместе с тем в отдельных случаях встречаются ошибки, искажающие действительный характер переводческих отношений между соответствующими единицами ФП оригинала и перевода. Например, в следующем предложении неправильное понимание значения ФП *«худо нахоҳад!..» // «сохрани, упаси бог!»* привело к нелепой ошибке в переводе: *Худо нахоҳад!..*- ришханд намуд қорӣ (201,с.32). *// Господь не позволит…* (199,с.226).

В живой народной речи встречаются и такие ФП, семантический оттенок которых в зависимости от контекста может меняться. Например, ФП «*гӯр* (*ба касе, ба чизе*) *шавад* (*нашавад*)», комментируемое во фразеологическом словаре, как 1. *смерть чему-либо*, 2. *пусть сгинет, исчезнет, пропадет*, обозначает отрицательное отношение к кому-либо, к чему-либо, однако в следующих предложениях оно употребляется для обозначения сожаления от возникшей ситуации: *Гӯр ман нашавам* (201,с.378). Оббо, *гӯр ҳуши ман нашавад!* - ногоҳ пушаймон шуд Хол (201,с.74). // Вдруг Хол стукнул себя по лбу: – *Забыл*! Закружился с этим кори и забыл (199,с.257). *Гӯр дасттанҳоию бе мардинагӣ нашавад* (201,с.426). // Нет мужчины в доме, одна я осталась (199,с.538).

Сопоставление перевода с оригиналом позволяет вычленить и другие единицы несоответствия в плане смыслового содержания и семантических оттенков. Так ФП – *«гӯр ин ташвишҳо шаванд»,* обозначающего *досаду, чувство огорчения, вызванное хлопотами,* переводится предложением *«Пусть пропадут в могилу все волнения»* (199.,с113), которое не соответствует по смыслу. Эту же ошибку можно увидеть в переводе предложения - *Гӯр домодам нашавад*. Мо аз ин ҷо рафта монем, вай моро чӣ тавр меёбад? (200,с.157). Здесь осуждающий

тон переходит в переводе в оскорбительную интонацию: - *Чтоб ему провалиться!* (199,с.108) Другим примером семантического несоответствия можно назвать перевод ФП: - *Рӯяш хушк нашавад*. Вай бачаи баандешаю истиҳола бошад, дар чойхона қиқир-қиқир хандида бо духтар мешинад? - ва пас аз сонияи сукут илова намуд модар. - Ба қавли ту, аввал фаҳмидан даркор аст… (201,с.382) поговоркой *Э, пропади он пропадом* (195,с.500), комментируемом в «Толковом словаре русского языка» как «*выражение сильного раздражения, досады по поводу кого-либо, чего-либо*» (191,с.172).

В некоторых случаях условия употребления ФП в контексте вынуждают переводчика отказаться от использования регулярного соответствия и найти вариант перевода, наиболее точно передающий значение единицы перевода в данном узком контексте. Так, в нижеследующем предложении, анализируемое ФП в отличие от примеров, приведенных выше, служит для выражения положительного отношения к объекту: *Гӯр ин Давлати баттол нашавад*, бечораро бераҳмона зад, - гӯён мехост маломатро давом диҳад, лекин ба хотираш расид, ки охир Ҷӯрабошӣ навакак ба сари синаи фарзанди ягонаи ӯ нишаста, гулӯяшро фишурда ба сару рӯи писараш бо тамоми қувва мезад (200,с.156). // *Спасибо*, Давлат стукнул по башке проклятого, чтоб лопнули его глаза, злыдня этакого! (199,с.108)

Таким образом, передача коммуникативно-прагматического потенциала поговорок, как метких, образных изречений, оформленных в виде простого предложения, в значительной степени зависит от мастерства переводчика, от его умения отыскать переводимой единице оригинала наиболее подходящую по условиям контекста единицу соответствия.

Передача единиц перевода посредством метода фразеологического аналога требует от переводчика глубокого знания двух языков – оригинала и перевода. Каждая удачная находка аналога

считается творческим достижением в процессе изыскания вариантов перевода. Но этот способ имеет свой недостаток, поскольку в этом случае утрачивается национально-этническое своеобразие оригинала. Например, ФП *«аз бало ҳазар»* в словаре фразеологизмов комментируется посредством примера из романа «Шураб»: 1. *подальше от греха*; 2. *остерегаться, избегать кого-либо, чего-либо*; 3. *оберегаться, брезгать*: (196,с.167): Ӯро бисёр одамон дар Исфара ҳам медонистанду ба зарбулмасали *«аз бало ҳазар»* амал намуда, хомӯшӣ ихтиёр мекарданд (200,с.92). // Петухов не впервые бывал в Исфаре и уже примелькался к местным жителям, но, глядя на его выходки, они предпочитали молчать, руководствуясь поговоркой *«от греха подальше»* (199,с.62).

Таджикская *«аз хирс мӯе»* (досл. *от медведя волосок*) - описывает ситуацию, легко передаваемую в русском переводе поговорками *«с бешеной собаки – хоть шерсти клок», «от медведя-хоть шерсти клок»,* из которых вторая поговорка «*от медведя – хоть шерсти клок*» является наиболее близкой в лексическо-семантическом плане. Однако переводчик использует другую аналогию этого ФП «*с паршивой овцы хоть шерсти клок*», что, на наш взгляд, является не совсем оправданным: Ӯ инро аз мақоли *аз хирс мӯе* амал карда гирифт ва дар ин муддат дастёр ҳам ӯро ба дафтар гузаронд (200,с.192). // *С паршивой овцы хоть шерсти клок*, - подумала Дарья, выбегая во двор (199,с.131).

Ситуация, описываемая в таджикском варианте, подразумевает вывод, что у хороших родителей могут быть и плохие дети, для передачи которой переводчик использует поговорку «*семья не без урода»,* воспроизводящую стилистическую функцию оригинала: Сонӣ, фарз кардему писари ҳамон бошад ҳам, *аз сара саг*, бехудае аз хонадони нағз будагист (201,с.379). // *Семья ведь не без урода*, а его смело можно назвать выродком в хорошей семье (199,с.498).

Следует отметить, что в большинстве случаев переводчик с целью воспроизведения семантико – стилистического и экспрессивно – эмоционального значения поговорок использует в переводе лексическую трансформацию единицы оригинала и тем самым способствует сохранению ее национального оттенка. Немаловажным в переводе является и воспроизведение синтаксической незаконченности поговорок, которая в таджикском языке достигается посредством усечения вспомогательного глагола - связки *«аст»:*

- «*Овозаи Рустам беҳ аз худи Рустам»* (201,с.182) – *«Слух о Рустаме сильнее Рустама»* (199,с.341);
- *«Бачаат – балои ҷонат»* (201,с.301) – «*Твои дети, твои и беды»* (199,с.508);
- *«Фарзанд – балои ҷон»* (200,с.234) – *«Ребёнок бедняка – несчастье души»* (199,с.157);
- *«Ҳар гуле – як бӯе»* (200,с.195) – *«У каждого цветка свой аромат»* (199,с.352).

В случаях, когда другими приемами не передать исходную единицу, переводчику приходится прибегнуть к описательному переводу: *«Ба некӣ – некӣ» // «ответим добром на добро». Ба некӣ – некӣ!* Гӯён фарёд мезаданд ва агар худи фармондеҳ даст намебардошт, ин ҳаёҳуро ҳеҷ кас ором карда наметавонист (201,с.249). // *Ответим добром на добро!* – и, честное слово, если бы сам командующий не поднял руку… (199,с.395); «*Ба некӣ – бадӣ» // «на добро отвечают злом…»* Фаҳмидам, ки аз аввали дунё ҳамин тавр буду то охираш ҳамин тавр мешавад: *ба некӣ – бадӣ*…(201,с.260). // Понял, что так было со дня сотворения мира и останется до дня светопреставления: *на добро отвечают злом…* (199,с.404).

Наряду с успехами в тексте перевода в рамках примеров с сознательным упущением глагола–связки «*аст*» наблюдаются и некоторые несоответствия, из которой реципиент не сможет извлечь ту

цель коммуникации, которая содержится в оригинале. Например, поговорка *«Зани беноз – оши бепиёз»,* переведённая на ПЯ образным выражением *«женщина без капризов, что плов без лука»*, не соответствует исходной единице по семантическому оттенку, поскольку лексема *«зани беноз»* в данном случае обозначает не капризную женщину, а женщину без очарования, прелести и кокетства. Отсюда и значение поговорки, как женщина без очарования и кокетства не может выглядеть прелестной, так и плов не станет вкусным и приятным без лука.

В таджикских поговорках глагол-связка «*аст*» используется для придания ей категоричности и целостности лексико-грамматической формы, однако в русском языке поговорки характеризуются синтаксической незаконченностью, которую и воспроизводит переводчик при переводе нижеследующих примеров: – *Ҷӯянда ёбанда аст*. - гуфт Пӯлод Қодиров (201,с.323). // *Кто ищет, тот найдёт*, - рассмеялся Кадыров (199,с.453). *Сухани дӯст талх аст* мегӯянд (201,с.308). // *Слова друга горьки,* как говорится (199,с.442). Ҳарчанд ӯ наългар ном бароварда бошад ҳам, ба мақоли «*ба як мард чил ҳунар кам аст»* амал намуда, ҳам мисгару ҳам оҳангар, ҳам дегрезу ҳам кандакори бомаҳорате шуда буд (200,с.22). Он славился по всей округе, как искусный коваль, однако согласно поговорке *«одному мужчине и сорока ремёсел мало»*, был не только кузнецом, но и медником, котлы отливал и чеканкой занимался (199,с.7).

В отрицательных по смыслу поговорках в форме простых предложений сказуемое выражается глаголами с окончанием – «*нест*» (*не существует, не имеется*) и без окончания – *«не»* (частица *не, нет*): *Хонаи гург бе устухон нест* гуфтаанд, гардам,- пиразан деги ба замин парӯ кардашударо рост намуд, - орд ҳам ҳасту равған ҳам ҳаст (196,с.120). // *Логово волка не бывает без костей*, как говорится, свет

мой, найдем что-нибудь. (199,с.83); *Панҷ панҷа баробар не* (200,с.113). // *Пять пальцев на руке и то все разные*! (199,с.78)

В некоторых случаях вместо лаконичного иносказательного выражения, в форме простого предложения, встречаются двусоставные предложения с поучительным смыслом в ритмически организованной форме: *«Аз хости Худою тақдир бандааш гурехта халос намешавад»* (200,с.157) // *Раб божий не может уйти от того, что предначертано богом* (199,с.109). «*Пул ба рӯзи сиёҳ даркор мешавад*», - мегӯяд нафаси бад карда, - пир шуда аз кор мондан ҳаст, мурдан ҳаст (201,с.295). // А она - своё: нет и нет, *деньги, твердит на черный день нужны*, в старости, говорит, пригодятся (199,с.432).

Часть ФП образуются посредством художественного приема – антитеза. Примером тому может послужить следующее иносказательное выражение «*Пул ба тӯй не, ба азо даркор*», - мегуфт (201,с.295). // Коршуном взвилась: «*Не на той нужны деньги, на поминки*» (199,с.432).

Известная часть ФП образуется посредством антонимированных сочетаемых слов таких как *«як қатра – як коса»* (*капля – чаша*) и *«заҳр - асал»* (*яд – мёд*): Рост ҳам мегӯянд, ки *як қатра* заҳр *як коса* асалро вайрон мекунад (201,с.315). // *Капля* яда, одну *чашу* мёда портит, я-то знаю…(199,.с447); *«хурдӣ – калонӣ»*(*маленький – большой*): Душман *хурдию калонӣ* надорад, - тасдиқ ва илова намуд Салимбой (201,с.150). // Может быть так, товарищ командир, только враг не бывает *большим или маленьким*: враг есть враг,- ответил Салимбой (199,с.318); *«дурӣ – наздикӣ»* (*близко – далеко*)*:* Аз ҳама хубтар ту бояд донӣ, ки ишқ *дурию наздикӣ,* кисту чистро намедонад (201,с.380). // Тебе-то уж положено знать, что *любовь не знает расстояний* и не спрашивает, кто ты да откуда (199,с.499).

Следует отметить, что приведенные выше фразеологические предложения с поучительным смыслом не отмечены в толковых

словарях и более того не охвачены научными исследованиями. По этой причине трудно определить их этимологию и их причастность к тому или иному пласту языка или же авторской речи. В романе встречаются ряд фразеологических предложений, вошедших в сборник «Таджикских пословиц и поговорок». С учетом их синтаксического строя мы относим эти ФП к поговоркам.

Анализ способов передачи ФП показал, что в большинстве случаев, когда фразеологическими приемами не передать ФЕ в целости ее семантико-стилистического и экспрессивно-эмоционального значения, переводчик с целью правильной передачи цели коммуникации и национально-этнического компонента переводимой единицы, использует дословный (калькирование) перевод. Например:

«Ангур аз ангур ранг мегирад» (201,с.250) – *«Виноград от винограда цвет перенимает»* (199,с.396).

«Ба гапи нағз мор аз хонааш мебарояд» (201,с.456) – *«На сладкие речи змея из норы выползает»* (199,с.564).

«Забони мурғонро мурғон медонанд», (201,с.229) – *«Язык птиц понимают птицы»* (199,с.379).

«Мурғи давлат ба китфи одам як бор омада мешинад», (201,с.220) – *«Один раз садится на плечо человеку птица счастья»* (199,с.356).

«Санги вазнинро об намебарад» (201,с.449) – *«Тяжёлый камень вода не уносит»* (199,с.557).

«Хурӯс дар ҳама ҷо як хел ҷеғ мезанад» (201,с.66) – *«Петух везде кричит одинаково»* (199,с.251).

Многие таджикские поговорки имеют в русском языке аналоги, совпадающие по смыслу с ФП оригинала. Например, таковым является таджикская поговорка *«камбағалро аз болои шутур саг газидааст»* (200,с.253) в ПЯ – *«бедному жениться – и ночь коротка».*

В словаре Я.И Калонтарова «Таджикские пословицы и поговорки в аналогии с русскими» (37) приводятся кальки пословиц и

поговорок и их аналогии на русский язык, однако переводчик в большинстве случаев вместо существующего в ПЯ фразеологического соответствия, предпочитает создать вариант, копирующего структуру исходной лексической единицы. В качестве иллюстраций вышесказанного приведем следующие примеры:

Худованди карим панҷ панҷаро баробар насохтааст (201,с.69). *Вот пять пальцев одной руки. Всевышний их не сотворил одинаковыми* (199,с.253). Эквивалент в ПЯ: *Пять пальцев не ровны* (190,с.271); *Бог и пальцы на руках не уровнял* (190,с.272). Марҳамат кунед, *як мавизро чил кас хӯрдааст* мегӯянд (200,с.279). // Прошу угощаться, *одну изюминку,* говорят, *ели сорок человек* (199,с.186). Эквивалент в ПЯ: *«разложи воробья на двенадцать блюд»* (190,с.639); ФП – *Ҷомаи бомаслиҳат кӯтоҳ намеояд* (189,с.265) на русский язык переведено следующими предложениями: 1.«Халат надо шить, советуясь, тогда не будет коротким» (199,с.176) «если шьёшь халат посоветовавшись, то он не будет коротким» (199,с.397). Эквивалент в ПЯ: *«Семь (десять) раз отмерь, один раз отрежь».*

Или же «Аммо *ба болои сӯхта намакоб нашавад*, туро шарм надоронам, гуфтам» (201,с.379). // Я могла бы сама занести это фото, но потом рассудила, *что не стоит сыпать соль на рану,* выйдет твой стыд и позор (199,с.497). Эквивалент в ПЯ: *«лить на ожог рассол», «подсыпать кому перцу»* (192,с.127).

ФП *«гушна ба шер мезанад»* в романе употреблено в двух предложениях. В первом случае, оно переводится лексическим способом *«голодный человек и на льва нападёт»* (199,с.124), а в другом случае, фразеологическим соответствием *«голод не тётка»* (199,с.171), что, на наш взгляд, не является удачным решением переводческой задачи, поскольку для данного ФП в ПЯ существует аналогия *«гонит голод и волка из колка»*, сходная по денотативным и коннотативным значениям.

Сопоставительный анализ способов передачи соотносимых единиц перевода вычленяет также использование приема добавления семантических признаков при переводе ФП пословичного характера. В нижеследующем примере с целью раскрытия подразумеваемого смысла ФП, переводчик добавляет существительное «*халат*», без которого он мог вполне обойтись, поскольку в русском языке существует аналогия этой поговорки *«солнце полой не закроешь»* (192,с.214): – Хулоса, чунонки тоҷикон мегӯянд: *«офтобро бо доман пӯшида намешавад»* (200,с.232). // Словом, как говорят таджики: «*солнце не прикроешь полой халата»* (199,с.156).

Этот же недочёт прослеживается в передаче ФП *«бӯи мушк пинҳон наменомад»,* переведенного в одном случае фразеологическим предложением *«запах мускуса не скроешь»,* а в другом случае его вариантом *«аромат мускуса не скроешь»,* в то время как фразеологическим эквивалентом этой поговорки является сходный по смысловому содержанию, метафоричности и стилистической отнесенности поговорка «*аромат мускуса не утаишь*»: Этот же вариант приводится в книге Я.И. Калонтарова «Таджикские пословицы и поговорки в аналогии с русскими» (37): 1. Осиёбон, Саломатшоҳ беҳуда намегуфт, ки *бӯи мушк пинҳон наменомад* (200,с.183). // Дедушка Саломатшох любил повторять: «*Запах мускуса не скроешь»* (199,с.126); 2. *Бӯи мушк пинҳон наменомад*, мегӯянд дар урфият (200,с.151). // *Аромат мускуса,* говорят*, не скроешь* (199,с.320).

Такого рода переводческого пробела можно увидеть и в передаче ФП *«сари хамро шамшер намебурад»,* переведенного поговоркой *«повинную голову мечь не сечёт».* В данном случае соотносимые единицы не совпадают с точки зрения семантики, поскольку выражение *«сари хам»* обозначает не «*повинную*», а «*склонную голову*», то есть не виновность а, смирение и покорность перед кем-либо или чем-либо:–

ҷояш мебиёяд, ки ба қавли урфият, *сари хамро шамшер намебурад* (200,с.284). // А бывает, когда, как говорится в народе, *повинную голову мечь не сечёт.*

Следует отметить, что анализ единиц несоответствия позволяет оценить важность непереданных или неправильно переданных элементов оригинала и степень нарушения коммуникативной равноценности в результате допущенных ошибок. Например, сопоставительный анализ перевода показывает, что в переводе некоторых поговорок, в частности, *«Шутурро бо кафлес об намедиҳанд»* (досл. *Верблюда черпаком не напоить*) и *«Оби ҳавзро бо кафлез намекашонанд»* (*Воду из хауза черпаком не черпают*), допущена неточность, приведшая к чрезмерной гиперболизации переводной единицы: – Ҳа гӯӣ, ба шутур мадад гуфтаанд. Якҷуволӣ баранд, ин ҳазор пуд ҳаст (201,с.291). *Верблюда ложкой не напоить.* Но верблюду все помощь, - возразил Хол. По одному чуволу в день, вот и вывезли ещё тыщу пудов (199,с.429). *Оби ҳавзро бо кафлез намекашонанд*, – лабханд намуд Ҳофиз контробутсияатон, эҳтимол, ягон ӯраи вайро холӣ карда бошад (201,с.48). // *Воду из хауза ложкой не черпают*,- улыбнулся Хафиз (199,с.240). В данном случае, на наш взгляд, сохранение компонентного состава в переводе способствовало бы улучшению качества перевода.

Одной из важных особенностей простых фразеологических предложений романа заключается в том, что писатель обращает внимание не только на содержание простого ФП, но и на его структурную организацию. Иными словами, в романе с целью повышения художественного эффекта произведения, чаще всего используют меткие и лаконичные, незаконченные по структуре простые ФП, части которого связаны рифмованными единицами противоположными по значению. Вместе с тем писатель стремится сохранить образный строй фразеологического предложения и придать

ей большую экспрессию Примером тому может послужить простое ФП *«зани бегона – марди девона»,* образованное на основе распространенного повествовательного предложения *«Зани бегона мардро мекунад девона»* (*чужая жена мужика сводит с ума*): Беҳуда ҳам намегуфтанд, ки *зани бегона марди девона* (201,с.62). // Известно дело, «*чужая жена – мужик без ума*» (199,с.247).

ФП *«моли бечора – ҷони бечора»* также построено на основе полярных по значению лексических единиц – *«мол»* (*вещь*) *и «ҷон»* (*душа*), широко используемых и в других пословичных предложениях таких как *«мол равад ҳам, ҷон наравад»* (досл. *пусть уйдут вещи, а останется душа*), *«ҷон мол нест, ки ҳар ҷо сарф кардан гирӣ»* (досл. *душа не вещь, чтоб растрачивать везде*), *«ҳам мол рафт, ҳам ҷон»* (досл. *и вещи ушли и душа*) и так далее. Использование пословного перевода для передачи этого ФП также способствует сохранению национального компонента единицы оригинала.

Важнейшую часть творческого акта перевода составляет подбор к таджикским фразеологизмам соответствующих русских аналогов, совпадающих по лексико-семантическим и стилистическим признакам. Например, для передачи ФП *«шаф – шафи ин шафтолу чист?»,* созданного в результате модернизации известного выражения *«шаф–шаф нагуфта шафтолу гуфтан»* (*«говорить без обиняков, перейти к сути дела»*), переводчик стремится выбрать вариант, связанный с наименьшими семантическими потерями: – Нигоҳаш *«шаф–шафи ин шафтолу чист?»*-ро ифода менамуд (201,с.130). // Закир выжидал, взглядом спрашивал: *«Какие ягоды преподнесёт следом за своими цветочками?»* и взглядом же требовал кончать говорить обиняком, – давай, дескать, дуй прямиком… (199,с.303). В переводе также наблюдается использование тождественной по смыслу поговорки *«не говори обиняком, дуй прямиком»,* способствующей раскрытию значения единицы перевода.

Осуществляя перевод, переводчику постоянно приходится оценивать важность элементов текста, обеспечивающих построение грамматически и семантически правильного высказывания. С этой целью в переводе синтаксическая структура вопросительного предложения оригинала преобразуется в эквивалентную структуру ПЯ: – *Офтоб аз кадом тараф баромад*, ки имрӯз шумо ҳам дар масҷид? – пурсид (201,с.112). – Дар мавриди омадани шахси камнамо, ё ягон ҳодисаи нодир гуфта мешавад. // *С какой стороны сегодня взошло солнце*, чего это вдруг и вы очутились в мечети? – спросил Хол (199,с.288).

В другом месте это же ФП, перевод которого осуществлен синтаксическим уподоблением, используется для подтверждения мысли говорящего: *Офтоб аз кадом тараф баромаду чӣ хел шамол Шуморо парронда овард?* (201,с.40) // *С какой стороны взошло сегодня солнце? Каким ветром вас принесло?* (199,с.234). Из двух ФП, использованных в этом предложении, второе – *«Каким ветром вас принесло?»* является более известным для русского читателя.

Таким образом, анализ способов передачи простых ФП, относящихся к различным регистрам языка, показывает, что в большинстве случаев переводчик достигает переводческого успеха, однако в некоторых случаях наблюдаются и ошибки, дезинформирующие реципиента. Например, ФП *«Соя кӯтоҳ аст»* указывает на полуденное время, когда солнце стоит прямо над головой, в результате которого тень укорачивается, однако, в переводе указывается на совсем другую ситуацию, то есть на медленное течение времени: Ҳанӯз ҳам *соя кӯтоҳ аст* (200,с.15) // *Как медленно идёт время* (199,с.110).

Или же ФП *«Хобатро ба об гӯй»,* фразеологическим эквивалентом которого является ФП *«держи карман шире»,* передается лексемой – *«проспал»,* что не соответствует смысловому содержанию исходной единицы: *Хобатро* акнун *ба об гӯй*! – ногоҳ бо тамоми овозаш

дод зад Петя (201,с.24). // – Опаздал, Дутов, *проспал*! – торжествующе крикнул Петя (199,с.220).

Семантический пробел наблюдается и в передаче ФП *«Бори мусофир дар кӯча наменонад»,* переведенной предложением *«Груз страника без присмотра не останется»,* поскольку исходная единица говорит о том, что в трудную минуту появится добрый человек, который протянет руку помощи: «*Бори мусофир дар кӯча наменонад»* гуфтаанд, – дилдорӣ дод пирамард (200,с.134). *// Груз страника без присмотра не останется*, говорят у нас, – отозвался Саломатшах (199,с.24), а переводимый фразеологизм соответствует аналогии «*свет не без добрых людей*».

3.2. Сложные фразеологические предложения и способы их передачи на русский язык

Семантико-стилистические возможности сложных фразеологических предложений (СФП) достаточно широки, так как логически законченное изречение с поучительным смыслом в основном употребляется в форме сложных предложений. «Такие предложения,– отмечает профессор Х.Маджидов,– образованы из нескольких простых предложений, однако их составные части, простые предложения, находятся в тесной взаимосвязи. В связи с этим их сложность обусловлена не семантическими, а структурными признаками. С точки зрения смыслового содержания они представляют собой семантически неделимое целое: *«осмон омада ба замин намечаспад, ё ки дунё вайрон намешавад» – ничего не случится*, *«корд ёбанд, якдигарро намеёбанд» – они враги; «ман гуфтаму шумо шунидед» – поставил в известность* и много других» (52,с.46). С другой стороны, необходимо подчеркнуть, что «семантическая целостность» СФП обусловлена различными структурными и смысловыми отношениями их частей, о чем свидетельствуют примеры, приведенные выше. Так, в первом

предложении, состоящем из одного простого ФП (*«осмон омада ба замин намечаспад»*) и простого предложения (*«дунё вайрон намешавад»*), составные части находятся в сочинительной связи. Составные части второго СФП (*«корд ёбанд, ҳамдигарро намеёбанд»*) находятся в подчинительной связи, а третьего СФП – в причинно-следственных отношениях.

В «Поэтическом словаре» пословицы, комментирующие как «мудрые изречения с назидательным смыслом», состоят из двух частей и этим отличаются от поговорок. Они как простая форма поэтической речи обладают средствами стилизации, такими как ритм, рифма, ассонанс и аллитерация и параллелизм» (186,с.220). Такое же толкование в сокращенной форме дается в словаре лингвистических терминов русского языка (183,с.222).

В этой связи исследование особенностей передачи ФП, в том числе сложных предложений, предполагает решение ряда сложных лингвистических и экстралингвистических задач. В нижеследующих примерах наблюдается соответствие переводимых фразеологических предложений как с точки зрения семантики, так и с точки зрения лексического состава: *Қадам расид, бало нарасад*, – даст ба рӯй кашид (200,с.119). // – *Ноги ваши достигли этого места, пусть несчастье не достигнет его,* – провёл руками по лицу Эсанпай (199,с.83); – Хайр духтарҷон, *сиҳат омадӣ – саломат рав,* – аз оби дида кардани худ бехабар монд модар… (200,с.169). // – До свидания, доченька, *здоровой пришла – здоровой иди* (199,с.117).

Бача не, тилло! – дар навбати худ таъриф менамуд пиразан. – *Илоҳӣ, калон шаву рӯз бин, соҳиби хонаву дар шав. Ба муроду мақсадат рас* (201,с.29). // – Не мальчик, а золото, – твердила она своему мужу. – *Дай ему бог вырасти и стать хозяином в доме … Дай бог, чтобы все желания его исполнились* (199,с.13).

Следует отметить, что добиться полного соответствия значений образных ФЕ в большинстве случаев не представляется возможным. Так, например, в вышеназванном примере переводчику не удалось передать эмоциональный компонент значения фразеологизма *«сиҳат омадӣ – саломат рав»* (досл: *целой, невредимой пришла - здоровой уходи*), так как, для передачи рифмующихся синонимов *«сиҳат – саломат»* было использовано одно и то же слово – *«здоровый»*. Более того, в переводе был опущен фразеологизм *«рӯз дидан»* (*«рӯз бин»*) – «*жить хорошо, зажиточно*», а в переводе «*соҳиби хонаву дар шав*» не был передан предметно-логический компонент значения ФП, так как слово *«соҳиб»* в данном случае употреблен не в значении «*хозяина в доме*», а в значении *«быть достойным семьи и дома»*. Таким образом, можно прийти к выводу, что не всегда переводчику удается достичь эквивалентного воспроизведения значений образных ФЕ.

Или же в исследуемом произведении для передачи сложного ФП *«замин сахту осмон баланд»* (200,с.69,108,127) переводчиком использованы три варианта: 1) *«до неба высоко, до бога далеко»* (199,с.45); 2) *«бог далеко, а небо высоко»* (199,с.75); 3) *«земля тверда, небо высоко»* (199,с.171). Последний вариант по лексическому составу тождественен переводимой единице, однако ярко не воспроизводит переносный смысл переводимой ФЕ.

Синтаксическое строение большинства пословиц идентично сложносочинённым предложениям, в которых простые предложения, тесно связаны между собой как части одного целого и находятся друг с другом в различных смысловых отношениях.

1. **Синонимичные отношения** возникают между двумя простыми ФП, соединёнными соединительными союзами или интонацией. Следует отметить, что в таких пословицах, вторая часть служит только для подтверждения мысли, выраженной в первой части и

не вносит дополнительного значения. Такого рода ФП переводятся в основном следующими способами:

а) ***лексический перевод*** - обеспечивает семантическое, порой, и структурно-грамматическое тождество устойчивых единиц, тем самым способствует обогащению фразеологического фонда переведённого языка: *«кулол дар мундӣ об мехӯраду бофанда кафангадо»* (201,с.53). // *«Гончар утоляет жажду из черепка, а ткач собирает милостыню себе на саван»:* в доме Хакимшаха не имелось даже тех предметов домашнего обихода, которые он сам выделывал (199,с.7);

б***) частичный лексический перевод*** одной из синонимичных частей: *«тир аз камон ҷастаю хишт аз қолиб кӯчида буд» – кор аз кор гузашт, акнун пушаймонӣ, афсӯс надорад ва чораҷӯӣ суд надорад* (190,с.191) – *«стрела вылетела из лука»:* Аммо ҳарчанд *тир аз камон ҷастаю хишт аз қолиб кӯчида буд*, ӯ кӯшид, ки аз ин ҳолати ногувор як навъ карда халос хӯрад (201,с.228). // И хотя *стрела вылетела из лука,* Буров, как мог, старался выпутаться из неприятного положения, в которое попал (199,с.153);

в) ***изменение семантики одного из простых предложений, или их компонентов:*** *«харбуза аз полаку себ аз дарахташ дур намефарояд»* (в значении 1. каковы родители, таковы и дети; 2. родственники похожие друг на друга) (190,с.256). Нафсуламри гап, *харбуза аз полаку себ аз дарахташ дур намефарояд*, хислати халқи худамро дорад: ба таърифи дигарҳо гузарад, булбули гӯё, аз худаш, ки сухан шуд, мани бечора гунгам, ягон – ягон мегунгам (201,с.234). // Сказать по совести, верно говорят, что *дыня от дыни запахом набирается, а яблоко от яблони падает не далеко* (199,с.384);

г) ***описательный перевод*** – передача значения ФЕ путём коротких комментарий. Например, пословица «*гӯши ман девори қиёмату пушти ман кунда* (*табар*) *– и қассоб»* (в значении 1.*не прислушиваться словам и просьбам,* 2. *не принимать во внимание*) (189,с.867) передается словами –

«старуха стояла на своём, никого не желала слушать, ничего не хотела видеть»: Аммо пиразани якрав, ба ибораи *«гӯши ману девори қиёмату пушти ман кундаи қассоб»,* ба гапи ҳеҷ кас надаромада менишаст (201,с.455), // *…а старушка стояла на своём, никого не желала слушать, ничего не хотела видеть* (199,с.562). Этим же способом переведено сложное фразеологическое предложение «*Розе нест, ки ошкоро нашавад ва сирре нест, ки фош нагардад*» (201,с.151) – *Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным* (199,с.320).

2. Противительные отношения – в большинстве сложносочинённых ФП компонентные части ФЕ находятся в противительных отношениях, в силу которого при передаче их на русский язык применяются следующие способы перевода:

- ***по способу аналогии*** - одинаковый переносный смысл передается на русский язык с помощью иного образа при сохранении всех прочих компонентов семантики фразеологизма: *Аз нагз расад шарофат, аз бад расад касофат* (201,с.391). *// Один вор – всему миру разор* (199,с.508);

- ***по способу лексического перевода.*** Например ФЕ «*гӯр сӯзаду дег ҷӯшад*» передается на русский язык двумя способами. В первом случае, наблюдается пословный перевод ФЕ исходного языка, т.е. передача ее внутренней формы: Барои онҳо *гӯр сӯзаду дег ҷӯшад* (201,с.137). // Как говорится: *пусть горит могила, лишь бы котёл закипел…* (199,с.95). Однако в другом месте эта же пословица переводится способом приведением русской аналогии: Барои капиталистон *гӯр сӯзаду дег ҷӯшад,* – гуфт Тагир (201,с.396). // Капиталисту *сгори хоть целый свет, лишь бы он был согре*т, - подхватил Тагир (199,с.512).

В нижеследующем примере также наблюдается созвучие структурных частей сложного фразеологического предложения: Бечиз нест, ки *тут дар мушт, пӯстин дар пушт* гуфтаанд… (201,с.53) //

(иносказательно *о непривычно холодной весне*). Не без причины говорится в народе: «*спелый тутовник в руке, а тёплая шуба на спине*» (199,с.31).

Или же: Пештар бедарак занҳоро *мӯяш дарозу ақлаш кӯтоҳ* намегуфтаанд (201,с.338). // Недаром говорится: «у бабы *волос длинен, а ум короток*» (199,с.463).

В таджикском языке в сложносочинённых ФП противительные отношения возникают между антонимичными словами частей сложного ФП, при передаче которых учитывается именно эта особенность ФЕ. Вместе с тем, чем лаконичнее перевод, тем образнее и ярче роль антонимичных лексических единиц. Например: 1.Тоҷикон *дузд яктою гумонбар садто* мегӯянд, маъзур медоред, – Аверченко нафасе ба андеша афтод (201,с.212). // *Вор-то один* говорят таджики, *а подозрение падает на сто человек* (199.,с365). 2.Дар урфият мегӯянд, ки *дузд яктою гумонбар садто* (201,.с139). // *Вор*, говорят, один, *а подозрение падает на сто* (199,с.311).

Эту особенность можно проследить и в следующих примерах: *Пураш рафту камаш монд* (201,с.444). // Одно я могу тебе сказать: *больше_прошло, меньше осталось* (199,с.553). *Шиками гург сер шавад ҳам, чашмаш гурусна,* мегӯянд (200,с.106). // *Хоть у волка брюхо сыто, глаза голодны,* как говорится (199,с.74). *Мол равад ҳам, ҷон наравад*, гуфтаанд. Одам саломат бошад, молу чизи дунёро меёбад (201,с.120). // Говорят, *добро теряй, но жизнь сохрани,*– сказал он потом. – *Было бы здоровье, добро наживётся* (199,с.295). Бедарак нагуфтаанд, ки *калтак ба гӯшт мерасад, нафрат ба устухон* (201,с.290). // *Палка*, говорят, *до мяса доходит, слово – до костей* (199,с.507).

В некоторых случаях переводчик при передаче СФП основанных на противительных отношениях, уделяет внимание, прежде всего, значению пословицы, а ее образность остается на втором плане. С этой целью используется два способа перевода:

а) ***перевод фразеологического предложения по смыслу***: …набошад, монанди ман *пушаймон мешаваду суд намекунад* (200,с.40,70). // Иначе *будете каяться,* как я, *да не поможет* (199,с.522) …ба қафо нигарист ва Ҳасанқӯсаро дид, ки *хар ҳамону полонаш дигар*, ҷома беқасаб, мӯза ва тӯппии нав пӯшида буд (201,с.111). // Вот уж воистину: *тот же осёл, да в другой сбруе* - в новом бекасабовом халате, в новенькой тюбетейке и новых, отражавших солнце, сапогах … (199,с.287); *элак баҳонаю дидор ганимат*, духтарашонро дидагистӣ? (201,с.254) // *Решето только повод для свидания,* говорят (199,с.399);

б) семантическое описание фразеологического предложения: *Шумо улфат не, шумо кулфат ҳастед* (200,с.89). // *Какие вы к черту друзья, вы ублюдки*, трусы проклятые (199,с.60). Как явствует из вышеуказанного примера значение выражения *«шумо … кулфат ҳастед»*, передается посредством слова «*ублюдки*» и *«трусы проклятые».* Или же в нижеследующем примере выражение *«ба чалпаки ҷаззадор печонда партоед, саге бӯ намекунад»* (иносказательно *неприятный, непривлекательный*) переведено словосочетанием *«вовсе безобразная»:* Сохту суммоти бе ин ҳам қареҳангези ӯ, чунонки мегуфтанд, турфа намуди Худо шуда буду ба қавли як ангишткани шӯтқарӣ акнун ӯро ба *чалпаки ҷаззадор печонида партоед, саге бӯ намекунад* (201,с.172). // Без того не очень привлекательная, она стала *вовсе безобразной* (199,с.119).

3. Сопоставительные отношения – в сложных ФП значение простых предложений в составе ФЕ выражается в сопоставлении: 1) прямое сопоставление; 2) сопоставление на основе противопоставления указанных событий. Например, в следующем примере, перевод которого с точки зрения семантического и коннотативного соответствия можно считать удачным, сопоставление фактов проводится без их противопоставления. Здесь переводчику удалось посредством полисемантической лексической единицы *«течёт»,* как в

подлинном («*вода течёт*»), так и в переносном значении (*«деньги текут»*), воспроизвести переносный смысл переводимого фразеологизма: *Об ба сой менигарад, пул ба бой*,– гуфтааст кадом маҳмадоно (200,с.74). // Верно сказано: «*Вода в овраг течёт, а деньги в карман бая*» (199,с.48).

Изучение материалов фразеологического словаря (186) показало, что сложное фразеологическое предложение *«умр кӯтоҳ асту шуҳрат безавол»* (*жизнь коротка, а память вечна*) также является авторским оборотом писателя, в передаче которого переводчик смог найти правильное решение: *Умр кӯтоҳ асту шӯҳрат безавол*, гуфтаанд (201,с.451). // *Жизнь коротка,* говорят, *память вечна* (199,с.559). В данном случае ритмико-интонационный строй переводимого фразеологизма передается посредством речевого звена *«коротка» – «вечна».*

Следует отметить, что перевод представляет собой эвристический процесс, в ходе которого переводчик решает ряд творческих задач. Так, в нижеследующем примере переводчик с целью достижения ритмико-синтаксического построения сложного ФП, с рифмующимися компонентами *«кам ва гам»* (200,с.256) подбирает для его передачи созвучные выражения *«от сырости» и «от тоски »:* Бечиз намегуфтаанд, ки *кайк аз наму шабуш аз гам пайдо мешавад* (200,с.256). // Недаром говорят, что *блохи появляются от сырости, вши – от тоски* (199,с.171).

Сопоставительный анализ способов передачи СФП показал, что в адекватном воспроизведении коммуникативного эффекта СФП оригинала, составные части которого находятся в антонимичных отношениях, переводчик достигает большего успеха. Например: Ғам *кӯҳ – кӯҳ меояду мӯ – мӯ меравад* (200,с.182). // Как говорится, *«скорбь приходит горой, а уходит по волоску»* (199,с.126). Бечиз намегӯянд, ки *захми тиру камон мераваду захми забон не* (201,с.31). *Рана, нанесённая*

стрелой, в конце концов *заживает, а рана, нанесённая словом – нет…* (199,с.226).

4. Последовательно-временные отношения. В СФП простые предложения могут находиться в последовательно–временных отношениях. Примером тому может послужить авторское СФП, характеризующееся ярко выраженной образностью и высокой художественностью, перевод которого с точки зрения семантического и стилистического соответствия можно считать удачным, так как употребление полисемантической лексической единицы, приведённой выше *«течёт»,* как в подлинном (*«вода течёт»*), так и в переносном значении (*«деньги текут»*), позволило переводчику воспроизвести переносный смысл СФП.

Следует отметить, что лексико-грамматические средства *«аввал… баъд»* (*сначала…потом*), *«аввал … сонӣ»* (*сперва…затем*), указывающие на последовательность действия, переведены посредством вводных слов *«сперва…потом», «после первой… после второй».* Основное отличие соотносимых единиц заключается в том, что стержневой компонент исходной единицы выражен существительным, а в переводе – глаголом. Морфологическое отличие стержневых компонентов соотносимых единиц обусловлено тем, что в таджикском языке существительные могут выражать действие. Например: *андеша (мысль) – андешидан (мыслить), гуфтор (речь) – гуфтан (говорить), пурсиш (распрашивание) – пурсидан (распрашивать), кушиш (убийство) – куштан (убивать):* Лекин ӯ ба зарбулмасали аввал *андеша, баъд аз ин гуфтор* амал намуда, ба фикр рафту баъди хеле фурсат қадаммонии худро сусттар карда гуфт… (200,с.80). // Аверченко догадался о его намерении, но согласно поговорке,– *«сперва подумай, потом говори»* – помедлил и после долгой паузы ответил… (199,с.53) – Таҳсир, гуфтам аввал ба гап гӯш кунед, *аввал пурсиш, баъд кушиш,* гуфтаанд (200,с.241) //

– Выслушайте меня, господин, – взмолился я,– ведь сперва спрашивают, а уж потом убивают, как говорится (199,с.160).

Большинство таджикских пословиц характеризуются ритмико-интонационным строем, для передачи которых переводчик нередко использует различные художественные приемы. Например, для передачи ФП «*аввал таом, баъд калом*», русским эквивалентом которого является ФП *«сначала еда, а потом беседа»* (199,с.35), переводчик посредством паронимов, создает свое авторское выражение – «*сперва поесть, а потом повесть*»: Тоҷикҳо *аввал таом, баъд калом* мегӯянд, ки маънии ин, модар, аввал хӯроку сонӣ гапу калоча аст (200,с.119). // –Ну, как говорится у таджиков, *сперва поесть, а потом повесть*,– продолжал Эсанпай (199,с.83).

Последовательность действия, выраженная в единице перевода количественными числительными *«як»* (*один*) и *«ду»* (*два*), передается порядковыми числительными *«первый… второй»*. В данном случае переводчик мог использовать пословный способ перевода, однако предпочитает использование дополнительных разъяснений, уточняющие связи между высказываниями (описательный способ): Вай бисёр суханҳо гуфт, лекин Эсанпай ҳамаашро гӯё хулоса карда, боз биёед, *«як дидан шиносоӣ, ду дидан ошноӣ,*– мегӯяд ӯ, гуфта буд (200,с.208). // *После первой встречи люди становятся знакомыми, после второй – друзьями»*… (199,с.142).

Последовательно-временные отношения могут быть выражены также интонацией. Например, в ФП «*ҳар омадан рафтан дорад*» (досл. *каждый приход имеет и уход*) последовательность выражается в том, что после прихода наступает время ухода. СФП *«омадан бо иродату рафтан бо иҷозат»* характеризует гостеприимство, традиционно установившееся в таджикской культуре, согласно которому *гость может уйти только с согласия хозяина дома*. Эту особенность переводчик выражает посредством лексических добавлений *«своя»* и

«хозяина»: – Не–не, бародар,– эътироз намуд Назаров,– то палавро нахӯред, ба касе ҷавоб нест. *Омадан бо иродату рафтан бо иҷозат* (201,с.322). // – Нет, нет, – живо выступил, вперёд Назаров. – Отпустил после плова. Как говорится, *по своей воле приходят, по воле хозяина уходят* (199,с.452).

Союз *«ҳам…ҳам»* (*и…и*), служащий для обозначения одновременности действия, в пословице *«ҳам гарию ҳам пешгирӣ»* указывает на последовательность действия. Пословица создана в форме односоставного определительного предложения и переведена описательным способом: – *Ҳам гарӣ мекунаду ҳам пешгирӣ!* – Арвоҳро ба идомаи узри мунофиқона нагузашт Хол ва ба ту-ту гузашт (200,с.250). // *Вы* ведь *и соблазняете, и мешаете*! – перебил Хол и перешел на «ты» (199,с.166).

5. **Причинно-следственные отношения**. В СФП простые предложения могут находиться в причинно-следственных отношениях, то есть действие, произошедшее в первом простом предложении, становится причиной действия второго предложения. Например, значение ФП *«хас каму ҷаҳон пок»,* сводится к тому, что чем меньше соломинки, тем чище мир. В переводе использован пословный способ перевода этого фразеологического предложения: *Хас каму ҷаҳон пок* (200,с.242). Только думаю, что выкарабкается - даже река таких подлецов не терпит, выкидает. А если нет, *одной соринкой меньше – мир чище* (199,с.161).

СФП «*Аблаҳ гуфту девона бовар кард»,* эквивалентом которого в ПЯ является *«глупец сказал, дурак поверил»,* переведено повествовательным предложением, отличающимся от единицы оригинала по выражению категории времени, таджикская пословица создана в форме прошедшего времени, а его соответствие в тексте перевода в форме настоящего времени: Беҳуда нагуфтаанд, ки *аблаҳ гуфту девона бовар кард,* – ошноёна ҳазл намуд Хол, – наход ба

сафсаттаи алойии ин контр бовар карда бошед? (201,с.110) // Недаром говорится, что *дурак верит словам сумасшедшего*, – прервал Хол приятеля (199,с.286).

Часть СФП созданы в форме сложноподчинённых предложений. В количественном отношении такого рода СФП составляют половину всех СФП исследуемого романа. Среди СФП с подчинительной связью, встречаются все виды придаточных предложений. Перевод подчинительных СФП лишь в двух случаях осуществляется аналогией. В большинстве случаев в переводе семантико-синтаксические отношения составных частей сложноподчиненных фразеологических предложений находят свое выражение, и тем самым сохраняется семантико-структурный и эмотивный компонент исходной единицы.

В романе употребление СФП в форме сложноподчиненных предложений с придаточным – подлежащим наблюдается в трех случаях. Пословицы в форме сложноподчиненных предложений с придаточным подлежащим, находящимся как объект речи в подчинении главного предложения, начинаются с конструкции *«ҳар кӣ», «ҳар чӣ»* (*любой, каждый*). В структуре некоторых сложноподчиненных предложений с придаточным – подлежащим наблюдаются лексические единицы, добавленные или замененные с целью придания повествованию экспрессивно-эмоционального эффекта, присущего разговорной речи. Например, использование пословицы *«Ҳар чӣ корӣ, ҳамонро бардорӣ»* созданной по аналогии известной таджикской пословицы *«ҳар чӣ корӣ, ҳамон даравӣ (бидравӣ)»,* способствовало стилизации речи персонажа и приданию ей мелодичности: *Ҳар чӣ корӣ, ҳамонро бардорӣ*, – ба ҷароҳати ӯ намак пошид вай (201,с.153). // *Что посеешь, то и пожнёшь*, – подсыпала старуха соли на рану (199,с.322).

Пословичное выражение *«ҳар кӣ асо дорад, ақли расо дорад»,* аналогией которого является другая известная таджикская пословица *«то пир не, тадбир не»* в литературных источниках не встречается. Из

чего можно заключить, видимо, что это авторское выражение, перевод которого осуществлен сложноподчинённым ФП, с отрицательным придаточным: – Бедарак нагуфтаанд, ки *ҳар кӣ асо дорад, ақли расо дорад* (201,с.365). Перевод осуществлён в отрицательной форме предложения: Недаром говорится, – перебил Хол–бобо вспыхнувший одобрительный шум, – что *без старого человека нет мудрого решения* (199,с.484).

ФП созданы также в форме многосоставных предложений. Примером тому может послужить СФП *«Ҳар кас кунад, ба худ кунад, ба дигарон чӣ суд кунад?»* в значении каждый получает по заслугам, других это не касается, однако в переводе наблюдается искажение смыслового содержания единицы оригинала. Более того в переводе добавлен элемент *«прежде всего»,* не уместный в данном случае: *Тот, кто делает,* говорят, прежде всего, *делает для себя, другим, какая нужда влазить в чужие дела* (199,с.566).

Следует отметить, что пословицы в форме СФП с придаточными сказуемыми, дополнениями и определениями немногочислены. Анализ СФП исследуемого романа с точки зрения структурно-семантических особенностей показал, что СФП с придаточными сказуемыми в романе не встречаются и обусловлено это, прежде всего тем, что использование указательных местоимений таких как «наша цель заключается в том, что…», «суть дела в том, что…» не свойственно пословичным предложениям. Это положение в некоторой степени относится и к сложноподчиненным ФП с придаточными дополнениями. В романе встречается лишь одна пословица в форме СФП с придаточным дополнением, переведенная описательным способом:– Тоҷикон мақоле доранд, Дашаҷон. *«Худ шуд, ки кӯри Шукур меҳмон».* О, ман ӯро ба куҷо даъват кунам? Яъне, ба худам манзил басандагӣ кард, ки меҳмонро ҷой мекунам. (200,с.283) // Почему ты не позавёшь её? – Куда? *Где ей тут жить?* (199,с.423)

Пословицы в форме сложноподчинённых фразеологических предложений с определительным придаточным в романе встречаются в двух предложениях: «Соле, ки накӯст, аз баҳораш пайдост» (*хорошая весна-хороший год*) (200,с.29) и *«Сирре нест, ки оқибат фош нашавад»* (*нет тайны, которая бы не раскрылась*) (200,с.183). К сожалению, в переводе данные СФП были опущены.

В романе пословицы в форме сложноподчинённых фразеологических предложений с условными обстоятельственными придаточными в количественном отношении составляют большую половину всех СФП с подчинительной связью. Это объясняется тем, что в предложениях с поучительным смыслом, осуществление того или иного дела связано с определенными условиями. Следует отметить, что сложноподчинённые предложения с условными обстоятельственными придаточными отличаются от предложений пословичного характера употреблением союзов *«агар», «гар», «ар»* (*если, если бы*), сокращение которых способствует лаконичности пословиц.

Способ передачи пословиц в форме сложноподчинённых фразеологических предложений с условными обстоятельственными придаточными различен:

1. Способ фразеологического аналога. Перевод СФП аналогичными в ПЯ фразеологическими единицами, когда адекватная по смыслу пословица естественно и органично вплетается в текст, способствует обеспечению прагматической адекватности перевода. Примером тому может послужить перевод ФЕ *«нахонӣ, намедонӣ»* (досл. *не будешь учиться, не будешь знать*), совпадающий по семантико-стилистическим признакам: *Нахонӣ, намедонӣ* мегӯянд дар урфият. (200,с.417). // *Ученье свет,* говорят, *не ученье – тьма* (199,с.530).

СФП «*Аз гунҷишк тарсӣ, арзан макор»,* – русская аналогия *«волка боишься, в лес не ходи»* в данном случае соотносимые единицы перевода отличаются по времени глаголов. В таджикском варианте пословица

употреблена в форме односоставного личного предложения, а в русском – в инфинитивной форме: Дар Помир тоҷикон *аз гунҷишк тарсӣ, арзан накор,*- мегӯянд, ки ҳаммаънои мақоли мо: *аз гург тарсӣ, ба ҷангал надаро* мебошад (200,с.87). На Памире говорят: «*Воробьев бояться, проса не сеять*» (199,с.58).

2.Эквивалентный способ перевода. Такой способ передачи подразумевает подбор пословицы, совпадающей по значению, лексическому составу, образности, стилистической окраске и виду предикативного предложения. Например: 1.*Саг калтак хӯрдан хоҳад, соҳиби худро мегазад* (200,с.102). // *Если собака захочет палки – кусает хозяина.* (199,с.71); 2.*Туф кунӣ, ба рӯи худат меафтад*, - гуфт Хол-бобо (201,с.238). // Как говорится, *плюнешь, себе в лицо попадёшь* (199,с.387). В первом случае в переводе пословица начинается с предлога *«если»,* а во втором этот предлог опускается.

3. Лексический способ перевода. Этот способ используется в определенных художественных целях, для точного раскрытия элементов смысла. Например, СФП «*ошат ҳалол бошад, дар кӯча хӯр»* указывает на то, что *если хлеб твой честным трудом приобретен, то можешь есть его хоть посередине улицы.* В данном случае замена лексемы *«ош»* на *«нон»* (*хлеб*), способствует достижению адекватности перевода: Турфа расми хуб доранд, ин ӯрусҳо, полвон. Ҳамин тавр нест?– тан дод Ҳофиз. – *Ошат ҳалол бошад, дар кӯча хӯр* (201,с.188). – На редкость хороший обычай у русских, полвон. Не так ли? - сказал Содирхон Хафиз. – Как говорится, *если твой хлеб заработан честно, ешь его хоть на улице* (199,с.346).

В ходе передачи СФП *«сахӣ хайр кунад, бахилро дарди сар мегирад»* (досл. *Если щедрый сделает доброе дело, у скупца начнёт болеть голова*) переводчик с целью усиления экспрессивного оттенка пословицы вместо пословного перевода сказуемого единицы перевода (*«начнёт болеть голова»*), вводит в структуру не отмеченные в

оригинале лексические единицы: – *Сахӣ хайр кунад, бахилро дарди сар мегирад,* гуфтагӣ барин, Худо давлати ягон бандаашро зиёд карда монад, хоби инҳо намебарад (200,с.132). // Е*сли щедрый сделает доброе дело, у скупца нутро переворачивается.* Так и они: если бог даёт кому-нибудь богатство, они не могут уснуть от зависти (199,с.92).

В переводе СФП *«накӯбӣ дареро, накӯбанд даратро»,* наблюдается инверсия составных частей пословицы. Более того для придания речи убедительности в переводе используется повелительная форма СФП: «*Накӯбӣ дареро, накӯбанд даратро»* гуфтаанд азизон (200,с.113). // Работай себе под землей, добывай уголь, ходи тихо, слушайся начальства, *не стучи в чужую дверь, если не хочешь, чтобы стучали в твою,* а вы что? (199,с.78)

Как явствует из вышеприведенных примеров, в таджикских СФП с придаточными предложения условия, подчинительная связь осуществляется без предлога *«агар» // «если»,* в то время как в переводе этих пословиц наблюдается использование этого предлога. В таких СФП наблюдаются и структурно-семантические изменения. Например, в переводе пословицы *«саллаашро биёр гӯянд, каллаашро гирифта овардан* (*рафтан*)*»,* обозначающей чрезмерное, не нужное усердие, наблюдается добавление пояснительных элементов: – Инҷоиён гуфтагӣ барин *саллашро биёр гӯянд, каллашро гирифта мерафт* (201,с.152). // Как говорят тутошные, *ему велят принести чалму, а он тащит её вместе с головой* (199,с.320).

5. Описательный способ перевода. Описательный перевод сводится, в большинстве своем, к переводу не самой ФЕ, а ее толкования. В данном случае форма и средства выражения не находят воспроизведение. Например, в переводе СФП *«ба замин монам хок мешавад, ба осмон бардорам, чанг»,* образованном на основе сопоставления контрастных понятий - *«замин-осмон»* (*земля-небо*), *«мондан-бардоштан»* (*поставить - поднять*) посредством описательного

способа образность пословицы и ее яркая экспрессия остается не выраженной:

-Пас, Музаффарча омада буд?

-Бе вай модараш ба ягон ҷой меравад-мӣ? Паҳ-паҳ мекунад. *Ба замин монам, хок мешавад, ба осмон бардорам, чанг…* (201,с.447)

-Так и Музаффарчик был?

-А разве она куда-нибудь без него ходит? *Дрожит над ним, готова сутками с рук не спускать, старается, чтоб и пылинка не села…*(199,с.555)

Коннотативные компоненты СФП «*шиштагӣ бошад, хезад, истода бошад, тозад»,* употребляемого в значении *«прийти сейчас же»,* также не были переданы в переводе: Навис, ки *шиштагӣ бошад, хезаду истода бошад, тозад* (201,с.289). // Пиши, *пусть скорей приезжает* (199,с.428). Таким же образом, фразеологическое предложение «*ба замин занӣ, ба осмон хез мекунад»* (201,с.447) – «*избалованный мальчик»* передаётся через описание: *Ни минуты не посидит спокойно* (199,с.555).

Пословицы в форме сложноподчинённых фразеологических предложений с придаточными обстоятельства причины в количественном отношении и с точки зрения выражения и способов перевода находятся на втором месте. В романе встречаются пять примеров с такими СФП, в передаче которых используются различные способы перевода: Намедонад, ки *«ба худододагон ситеза макун, ки худододаро Худо додааст»* мегӯянд (201,с.113). Завидуете всем, на чужое заритесь, забыли, что *нельзя обижаться на тех, кому бог дал, ибо это сам бог им дал* (199,с.78).

Таким образом, перевод образных ФЕ, в особенности сложных фразеологических предложений – одна из наиболее сложных задач в переводческой практике, поскольку зачастую в силу того, что материал фразеологии разнообразен как в генетическом, так и функциональном плане, а в семантическом отношении разнохарактерен добиться

полноты соответствия не представляется возможным. Более того многие ФП транслируют специфические черты языковой личности писателя, передача которых на другой язык вызывает определенные трудности. Основным источником СФП является живая народная речь, в которой в форме устойчивых предложений выражается народная мудрость.

СФП с точки зрения структурных особенностей схожи с синтаксическими предложениями: простые и сложные, сложные предложения с соединительной и подчинительной связью. СФП с подчинительной связью в свою очередь в зависимости от структурно-семантических связей придаточных предложений разделяются на подвиды. Более того СФП обладают ритмико-интонационными характеристиками, образуются посредством художественных приемов и играют важную роль в стилизации повествования.

Сопоставительный анализ СФП оригинала и текста перевода показал, что для их передачи в соответствии с прагматическими целями переводчиком были использованы все способы перевода, кроме однословного.

В целом в переводе СФП прослеживается стремление переводчика подобрать максимально подходящий как семантически, так и стилистический эквивалент или аналог и тем самым достигнуть адекватного воспроизведения художественно-коммуникативного эффекта оригинала.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Передача фразеологических единиц национальных языков для переводящего языка имеет двойное значение: с одной стороны, выявляется и перенимается все положительное, что есть в переводимом арсенале языка оригинала, с другой стороны, материал ФЕ переводимого языка изучается как источник, показывающий мировоззрение народа, его жизненные устои, обычаи, различные национальные особенности.

В лингвистическом плане языковая норма определяется функциональными стилями речи, как научная, художественная, публицистическая, официально – деловая и разговорная, среди которых наиболее объемлемым признан художественный стиль, характеризующаяся как наибольшая ветвь функциональных статей многогранностью системы, способностью охватить и другие разновидности функциональных стилей. В данном стиле проявляется функциональная особенность всего лексико–фразеологического арсенала национального языка.

Выбор трёхтомного романа Народного писателя Таджикистана, лауреата государственной премии имени Абуабдуллоха Рудаки Рахима Джалила «Шураб» объектом исследования обусловлено тем, что в кругу мастеров художественного слова, а также учёных–словесников он популярен как выходец из народа, а его стиль изложения признан фольклорным. В языке его романа «Шураб» насчитывается более пятиста ФЕ, из них около более 80 процентов составляют народные фразеологизмы, и прежде всего, по ним определяются способы передачи таджикских ФЕ на русский язык.

Во фразеологии среди ученых до сих пор нет единства во взглядах относительно определения, видов, специфичных признаков,

функциональных особенностей ФЕ и т.д. Изучение научных источников наглядно демонстрирует расширение тенденции углубленного изучения фундаментальных вопросов фразеологии и расширение круга проблем, ставших предметом изучения ученых в этой области. Обобщение научно-исследовательских работ убеждает в том, что интерес лингвистов к проблеме распознавания и классификации ФЕ, принадлежности пословиц и поговорок к ФЕ, изучения их структурной, семантической организации «изнутри» с учетом компонентного состава и т.д. все больше возрастает и это создает условия для успешного решения сложных переводческих проблем. В настоящем исследовании также решалась задача многоаспектного и углубленного изучения таджикских фразеологических конфигураций, как фразеологических словосочетаний, так и фразеологических предложений и их передачи на русский язык.

Способы передачи ФЕ подвергнуты анализу в структурно – семантической целостности. Среди фразеологических конфигураций наименьшей единицей являются фразеологические конструкции, которые в таджикском языке сформированы различными способами и в основном посредством одного полнозначного и вспомогательного слова, а также тавтологическими конструкциями соединенных грамматическими средствами и характеризующимися семантической спаянностью компонентов. Данные фразеологические единицы образовываются по общим грамматическим правилам, однако отличаются от свободных синтаксических конструкций своей метафоричностью и цельностью номинации.

Фразеологические предложения с точки зрения структурной организации относятся к наиболее сложным ФЕ, которые выражаются в форме простых и сложных предложений с соединительной и подчинительной связью. ФП, отличающиеся от других фразеологических конструкций, коммуникативностью, ритмически

организованной формой и назидательной коннотацией, образованы посредством художественных приемов, таких как антитеза, аллитерация, ассонанс и др., передача которых имеет большое значение для достижения равноценной передачи и достижения художественного эффекта оригинала в переводе.

Способы передачи ФЕ с таджикского языка на русский, как фразеологических конструкций, словосочетаний, так и предложений аналогичны. Исследование показало следующие способы передачи таджикских фразеологических конфигураций на русский язык:

Эквивалентный способ передачи ФЕ, при котором фразеологизмы исходного языка совпадают по семантико - структурным параметрам. Эквивалентный способ делится на полный и частичный. Полный эквивалент – это случай, когда примеры исходящего и переводящего языков совпадают во всех отношениях – по семантике, лексическому составу, стилистической направленности, грамматической структуре («*даст̨у остин барзада*» - «*засучив рукава*»).

Способ аналогии – отмечается адекватностью примеров в примерах в сопоставляемых языков по семантике и стилистической направленности, но различающиеся по лексико – грамматическому составу, образности («*аз гунҷишк тарсӣ, арзан накор*» - «*волка боишься, в лес не ходи*»).

Дословный перевод или калькирование – вариант полного совпадения фразеологизма исходящего и переводящего языков по словам и грамматическим конструкциям («*шайтони дупо*» - *двуногий чёрт*).

Лексический способ перевода – передача смысла фразеологизма путём перевода основных лексических компонентов исходного языка на переводящий («*санги вазнинро об намебарад*» - «*тяжёлый камень вода не уносит*»).

Однословный перевод – передача смысла ФЕ исходного языка на переводящий путём одного обобщённого слова («*чашми* дидан *надоштан*» - «*недолюбливать*»)

Описательный способ – передача смысла ФЕ исходного языка путём толкования, описания, разъяснения на переводящий язык («*шиштагӣ бошад, хезаду хестагӣ бошад, тозад*» - «*пусть скорей приезжает*»).

Каждый способ перевода, подчиняясь одной единой задаче, применён с учетом конкретной ситуации. Передача ФК на русский язык осуществлена всеми способами. Семантическая тождественность ФК с лексическими единицами обусловило их передачу лексическими эквивалентами. Способ лексического перевода использован преимущественно при передаче пословиц и поговорок, в которых в форме простых (поговорка) и сложных (пословица) предложений выражается назидательный смысл.

В процессе работы переводчики стремились передать ФЕ, устойчивыми словосочетаниями, совпадающими с исходной единицей по денотативным и коннотативным признакам, то есть по семантике, структурной организации, национальному компоненту и смогли достичь желаемых результатов. Однако отмечены не мало случаев смысловой неадекватности, соотносимых ФЕ, обусловленных яркой образностью и метафоричностью. В переводе также нередко наблюдаются факты непонимания переводчиком содержания исходной единицы, нередки опущения предложений и даже целых абзацев оригинала в ущерб полноте и художественность отображения.

Перевод в большей мере, чем другие виды языкового посредничества, обусловлен лингвистическими и экстралингвистическими факторами. Адекватное воспроизведение иноязычного оригинала сложный процесс, требующий от переводчика

большого мастерства и умения воспроизвести неповторимое своеобразие творческой манеры писателя.

В конце следует констатировать, что выводы по анализу конкретных ФЕ, а также резюме по отдельным разделам соответственно даны по главам диссертации.

Сокращения

ГФС – глагольные фразеологические словосочетания

ИЯ – исходный язык

ПЯ – переводящий язык

РФЕ – разговорные фразеологические единицы

СФП – сложное фразеологическое предложение

СФК – союзная фразеологическая конструкция

ТСТЯ – толковый словарь таджикского языка

ФЕ – фразеологическая единица

ФК – фразеологическая конструкция

ФП – фразеологическое предложение

ФС – фразеологическое словосочетание

Список литературы

I

1. Абдуллоева, М.Н. Категория числа в русском и таджикском языках / М.Н. Абдуллоева. – Душанбе, 1980. – 85с.
2. Абдуллозода, Р. Зарбулмасалу мақолҳо дар асарҳои Садриддин Айнӣ / Р. Абдуллозода. – Сталинобод: Нашрдавтоҷ., 1958. – 102с.
3. Абдуманнонов, А. Тарҷумаи шеъри тоҷикӣ ба русӣ / А. Абдуманнонов, А. Аминов, Ҷ. Ибодов // Садои Шарқ, 1984. - №7. – С. 118 – 128.
4. Азимова, М.Н. Воҳидҳои фразелогии забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ дар шарҳи муқоисавӣ-типологӣ / М.Н. Азимова. – Хуҷанд, 2014. – 179с.
5. Азимова, М.Н. Сопоставительно-типологический анализ фразеологической системы таджикского и английского языков: автореф. дис. …д-ра филол. наук / М.Н. Азимова. – Душанбе, 2006. - 50с.
6. Аламбекова, О.А. Интегрированный подход к обучению профессионально – ориентированным иностранным языкам / О.А. Аламбекова // Вестник КГПУ им. В.П.Афанасьева. - 2012. – №1(19). - С. 12 – 18.
7. Атоева, М.М. Лексика, обучающая цвет в таджикском и русском языке: дис. …канд. филол. наук / М.М. Атоева. – Душанбе, 1988. – 199с.
8. Аҳрорӣ, Х. Суҳбат аз санъати тарҷума / Х. Аҳрорӣ // Садои Шарқ,1984, №5. – С. 117 – 128.
9. Байрамова, Л.К. Фразеология и перевод / Л.К. Байрамова // Фразеология и синтаксис. – Казань, 1982. – С. 3 – 42.
10. Бархурдаров, Л.С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода / Л.С.Бархурдаров. – 3-е изд.М.: ЛКИ, 2010. – 240с.

11. Бобоев, Э. Назаре ба таърихи инкишофи таълимоти воҳидҳои фразеологӣ / Э. Бобоев // Научные записки ЛГПИ им С.М.Кирова. Т.48, вып.1. - Ленинабад, 1971. – С. 95 – 104.
12. Бородин, С. О переводах прозы / С. Бородин // Звезда Востока, 1954. - № 12. - С. 92 – 95.
13. Будагов, Р.А. Литературные языки и языковые стили / Р.А. Будагов. – М.: Высшая школа, 1967. – 367с.
14. Ваҳҳобов, Т. Ҳақиқат зодаи баҳс аст (маҷмӯаи мақолаҳо) / Т. Ваҳҳобов. – Хуҷанд: Хуросон, 2010. – 287с.
15. Верещагин, Е.М. Теория перевода / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М., 1983. – 56с.
16. Виноградов, В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины / В.В. Виноградов. – М., 1946. – 312 с.
17. Виноградов, В.В. Избр. труды: лексикология и лексикография / В.В.Виноградов. – М., 1977. – С. 118 – 139.
18. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В.С.Виноградов.- М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224с.
19. Влахов, С.И. Непереводимое в переводе / С.И.Влахов, С.П.Флорин. – М.: Международные отношения, 1980. – 342с.
20. Влахов, С.И. Непереводимое в переводе / С.И.Влахов, С.П.Флорин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1986. – 416с.
21. Гак, В.Г. Фразеологическая трансформировка и проблемы фразеографии (на материале русской идиоматики) / В.Г. Гак // Фразеологизм и его лексикографическая разработка. – Минск, 1987. – С. 60 – 64.
22. Гарбовский, Н.К. Теория перевода / Н.К. Горбовский. – М.: Издат-во Московского гос-го университета, 2004. – 544с.

23. Гаффаров, М.А. Персидско – таджикский словарь. Том 1. Под ред.академика Ф.Е.Корша. М., 1914; Том 2. Под ред. Л.Жиркова. М., 1927.
24. Гвоздарев, Ю.А. Основы русского фразеобразования / Ю.А. Гвоздарев. – Ростов на Дону: Ростов. ун-та, 1977. – 184с.
25. Гордлевский, Вл. Персидские пословицы (собрание Мирзы Абдуллы Гаффарова. Транскрипция, перевод и комментарии. Древности Восточные). Т. 4.– М., 1913. – 225с.
26. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Ҷилди1. – Душанбе: Дониш, 1985. – 355с.
27. Гусейнов, Ф.Г. Русская фразеология. /Ф.Г. Гусейнов. – Баку: Изд-во АГУ, 1977. – 120с.
28. Ганиева, С. Калимаҳои мураккаб бо ҷузъи «дил» ва таносуби онҳо бо воҳидҳои фразеологӣ / С.Ганиева // Паёми донишгоҳ. – Душанбе, 1990. - № 1. – С.14 – 19.
29. Гаффоров, Р. Забон ва услуби Раҳим Ҷалил / Р. Гаффоров. – Душанбе: Дониш, 1966. – 223с.
30. Гаффоров, Р. Таъбироти халқӣ дар забон / Р.Гаффоров // Маориф ва маданият, 16.04.77.
31. Гаффоров, Р. Нависанда ва забон / Р.Гаффоров. – Душанбе: Ирфон, 1977. – 203с.
32. Джамшедов, П.Д. Система вида глагола в русском, таджикском и английском языках / П.Д. Джамшедов. – Душанбе, 1989. – С. 110 - 122.
33. Джураев, Н. Фразеологические единицы как выразительные средства таджикского языка: автореф. дис. …канд. филол. наук / Н. Джураев. – Душанбе, 1988. – 24с.
34. Забони адабии ҳозираи тоҷик. Қисми 1. Китоби дарсӣ барои мактабҳои олӣ. – Душанбе: Маориф, 1982. – 462с.
35. Зеҳнӣ, Т. Чанд сухани судманд / Т. Зеҳнӣ. – Душанбе, 1984. – 158с.

36. Игамбердыев, Р. Художественно-стилистическая роль фразеологизмов в «Бадаи-ал-вакае» Зайнидина Восифи: автореф. дис. ...канд. филол. наук / Р. Игамбердыев. – Душанбе, 1975. – 25с.
37. Калонтаров, Я.И. Таджикские пословицы и поговорки в аналогии с русскими / Я.И. Калонтаров. – Душанбе: Ирфон, 1965. – 534с.
38. Камолиддинов, Б. Забон ва услуби Ҳаким Карим / Б. Камолиддинов. – Душанбе: Ирфон, 1967. – 185с.
39. Камолиддинов, Б. Ҳусни баён. Қисми 1 / Б. Камолиддинов. – Душанбе: Маориф, 1989. – 117с.
40. Камолиддинов, Б. Сухан аз баҳри дигарон гӯянд / Б. Камолиддинов. – Душанбе, 2001. – 169с.
41. Камолиддинов, Б. Як ғалати забони матбуот / Б. Камолиддинов // Ганҷи забон. – 2015. – № 1(4), 30 январ.
42. Караджаев, Б.И. Коммуникативно-прагматический потенцыал русских пословиц: дис. …канд. филол. наук / Б.И. Караджаев – М., 2009. – 163с.
43. Кобрина, Н.А. Понятийные категории и их реализация в языке / Н.А.Кобрина // Понятийные категории и их языковая реализация. – Л.: Ленинградский государственный педагогический институт имени А.И. Герцена, 1989. – С. 40 – 49.
44. Комиссаров, В.Н. Слово о переводе / В.Н. Комиссаров – М.: Наука, 1973. – 357с.
45. Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В.Н.Комиссаров. – М.: Высшая школа, 1990. – 253с.
46. Комиссаров, В.Н. Общая теория перевода / В.Н.Комиссаров. – М.: 2000. – 136с.
47. Кунин, А.В. Английская фразеология / А.В. Кунин. – М., 1970. – 334с.
48. Қосимова, М. Сухан бояд ба дониш дарҷ кардан / М. Қосимова. – Душанбе, 2005. – 135с.

49. Лилова, А. Введение в общую теорию перевода / А. Лилова. – М.: Высшая школа, 1985. – 256с.
50. Ляхова, Т.Н. Синтаксис фразеологической единицы: автореф. дис. …канд. филол. наук / Т.Н. Ляхова. – СПБ, 1992. – 16с.
51. Маджи, А. Пословицы и поговорки Рудаки (с их соответствиянами) / А. Маджи // Коммунист Таджикиста. – 1958. – 14 июня.
52. Маджидов, Х.М. К вопросу об определении содержания фразеологической семантики в таджикском языке / Х.М. Маджидов // Вестник Таджикского университета. – 1990.- №1. – С. 48 – 58.
53. Маджидов, Х.М. Фразеологическая система современного таджикского литературного языка: автореф. дис. …д-ра филол. наук / Х.М. Маджидов. – Душанбе, 1995. – 48с.
54. Мақсудов, Т. Дар бораи воҳидҳои фразеологӣ ва вазифаи синтаксисии онҳо / Т. Мақсудов, Ф.Зикрияев, Х. Ҷалилов – Душанбе, 1976. – 85с.
55. Мақсудов, Т. Лексика ва фразеологияи шеваи тоҷикони Исфара / Т. Мақсудов. – Душанбе: Ирфон, 1977. – 159с.
56. Малиновский, Е.А. Устойчивые словарные комплексы в произведениях С.А. Есенина: автореф. дис. …канд. филол. наук / Е.А. Малиновский. – Самарканд, 1971. – 33с.
57. Мастерство перевода. Сборник восьмой. – М.: Советский писатель, 1971. – 488с.
58. Мастерство перевода. Сборник девятый. – М.: Советский писатель, 1973. – 528с.
59. Махсумова, Б. Ибораҳои фразеологӣ бо калимаи «даст» / Б. Махсумова // Мактаби советӣ, 1973. - № 4. – С. 16 – 20.
60. Маҳкамова, Б. Хусусиятҳои маъноиву услубии воҳидҳои фразеологӣ дар назми Лоиқ Шералӣ: рис. …номз. илмҳои филол. / Б. Маҳкамова. – Хуҷанд, 2006. – 134с.

61. Маҷидов, Ҳ.М. Ибораҳои фразеологии феълӣ / Ҳ.М. Маҷидов // Мактаби советӣ, 1967. - №10. – С. 45 – 48.
62. Маҷидов, Ҳ.М. Ҷумлаҳои фразеологӣ / Ҳ.М. Маҷидов // Мактаби советӣ, 1978. - №5. – С. 19 – 23.
63. Маҷидов, Ҳ.М. Таркибҳои фразеологӣ / Ҳ.М. Маҷидов // Мактаби советӣ, 1980. - №1. – С. 22 – 25.
64. Маҷидов, Ҳ.М. Таркибҳои ҷуфти фразеологӣ дар забони асарҳои устод Мирзо Турсунзода / Ҳ.М. Маҷидов // Мактаби советӣ, 1981. - №10. – С. 38 – 42.
65. Маҷидов, Ҳ.М. Фразеологияи забони ҳозираи тоҷик / Ҳ.М. Маҷидов. – Душанбе, 1982. - 103с.
66. Маҷидов, Ҳ.М. Воҳидҳои фразеологӣ ва калима / Ҳ.М. Маҷидов // Мактаби советӣ. – Душанбе,1984. - № 4. – С. 6 – 8.
67. Маъсумӣ, Н. Очеркҳо оид ба инкишофи забони адабии тоҷик / Н. Маъсумӣ. – Сталинобод: Нашрдавтоҷ., 1959. – 293с.
68. Маъсумӣ, Н. Асарҳои мунтахаб. Забоншиносӣ.Ҷилди 2. / Н. Маъсумӣ. – Душанбе: Ирфон, 1980. – 349с.
69. Мирзоева, М.М. Дар бобати тарҷумаи чанд ибораи рехтаи С.Айнӣ / М.М. Мирзоева // Ҷавонон ва ҷаҳони дониш (маҷмӯаи мақолаҳо). – Душанбе, 2000. – С. 217 – 220.
70. Мирзоева, М.М. Воҳидҳои фразеологии асарҳои С.Айнӣ ва усулҳои тарҷумаи онҳо ба забони русӣ / М.М. Мирзоева. – Душанбе: Матбуот, 2008. – 160с.
71. Мирзоева, М.М. Услуби Садриддин Айнӣ дар истеъмоли калимаҳо ва тарҷумаи онҳо ба забони русӣ / М.М. Мирзоева // Паёми ДМТ, № 4/1 (80). – Душанбе: Сино, 2012. – С. 32 – 37.
72. Мирзоева, М.М. Лексико – фразеологическая синонимия в художественных произведениях С.Айнӣ: автореф. дис. …д-ра филол. наук / М.М. Мирзоева – Душанбе, 2013. – 45с.

73. Мирзоюнус, М. Тарҷумаи «Девони гарбию шарқӣ» ба забонҳои тоҷикӣ ва русӣ. // Гӯте И.В. Аз «Девони гарбиву шарқӣ» (Ба се забон: тоҷикӣ, русӣ, олмонӣ). Мураттиб, муҳаррир ва муаллифи пешгуфтор М. Мирзоюнус. – Хуҷанд: Нури маърифат, 2007. – С. 5 - 28.
74. Мошеев, И.Б. Грамматические категории глагола в русском и таджикском языках / И.Б. Мошеев. – Душанбе: ДГПИ, 1983. – 130с.
75. Муллоджанова, З.А. Стиль Садриддина Айни и перевод его произведений на русский язык: автореф. дис. …канд. филол. наук / З.А. Муллоджанова. – Душанбе, 1973. – 22с.
76. Муллоджанова, З.А. Стиль оригинала и перевод (2-е изд., перераб. и доп.) / З.А. Муллоджанова. – Душанбе, 2014. – 191с.
77. Муллоқандов, Э.М. Ҳабиб Аҳрорӣ дар бораи баъзе масъалаҳои тарҷумаи наср / Э.М. Муллоқандов // Садои Шарқ. -1952.- №11.- С. 91 – 100.
78. Муллоқандов, Э. М. Назаре ба забони тарҷума дар матбуот ва нашриёти тоҷик / Э.М. Муллоқандов // Садои Шарқ. – 1961.- №3. – С. 116 – 137.
79. Муллоқандов, Э. М. Забон дар тӯли замон / Э.М. Муллоқандов. – Душанбе: Ирфон, 1985. – 143с.
80. Мухаммадиев, М. Очеркҳо оид ба лексикаи забони адабии ҳозираи тоҷик / М. Мухаммадиев. – Душанбе: Ирфон, 1968. – 63с.
81. Мухтор, Ш. Замон ва тарҷумон / Ш. Мухтор. – Душанбе: Адиб, 1989. – 208с.
82. Муъминов, А. Полисемия ва фразеология / А. Муъминов // Маҷмӯаи филологӣ (мақолаҳои аспирантони факултети филологияи тоҷики Университети давлатии Тоҷикистон ба номи В.И.Ленин). – Душанбе, 1971. – С. 66 – 72.

83. Назирова, М. Фразеологические единицы с компонентом цветообозначения английского, русского и таджикского языков: дис. …канд. филол. наук / М. Назирова – Душанбе, 2009. – 134с.
84. Нагзибекова, М.Б. Назарияи тарҷума / М.Б. Нагзибекова. – Душанбе, 2005.
85. Неъматова, М. Воҳидҳои халқии гуфтугӯӣ дар назми тоҷики асри XX (дар мисоли ашъори С.Айнӣ, М.Турсунзода, Л.Шералӣ): рис. …номз. илмҳои филол / М. Неъматова. – Хуҷанд,2010. – 151с.
86. Осимова, Б. Ҳазору як таъбири лаҳҷаи Хуҷанд / Б. Осимова. – Хуҷанд, 2003. – 228с.
87. Осимова, Б. Фразеологические единицы Худжандского говора: автореф. дис. …канд. филол. наук / Б. Осимова – Худжанд, 2004. - 23с.
88. Паина, Л.С. Образование ФЕ на базе русских пословиц в русском языке: дис. …канд. филол. наук / Л.С. Паина. – Ростов-на/Д. – 1986. – 178 с.
89. Персидские пословицы и поговорки / Сост., пер. и коммент. Х.Г. Короглы. - М.: Изд-во Вост. лит., 1961. – 563с.
90. Персидские пословицы, поговорки и крылатые слова / Сост., пер., введ. и коммент. Х. Короглы. – 2-е изд., доп. – М.: Наука, 1973. – 615с.
91. Поэтика перевода: Сборник. Перевод с разных языков. / Составл. С. Гончаренко; Предисл. Е. Николаевой. – М.: Радуга, 1988. – 236с.
92. Прокофьева, А.В. Текстообразующие функции фразеологических единиц в песенно-поэтическом произведении В.С.Высоцкого: дис. …д-ра филол. наук / А.В. Прокофьева. – Магнитогорск, 2002. -294с.
93. Раджабова, М.М. Структурно-семантические особенности коммуникативных фразеологических единиц в таджикском и английском языках: автореф. дис. …канд. филол. наук / М.М. Раджабова – Худжанд, 2010. – 27с.

94. Рахмонов, З.А. Проблемы художественного перевода и литературных связей: автореф. дис. …канд. филол. наук / З.А. Рахмонов. – Душанбе, 1991. – 23с.
95. Рахмонова, Н.Ш. Соматические фразеологические единицы в таджикском и русском языках: автореф. дис. …канд. филол. наук / Н.Ш. Рахмонова. – Душанбе, 2006. – 22с.
96. Раҳматов, Ш. Хусусиятҳои услубии воҳидҳои фразеологӣ дар забони адабии ҳозираи тоҷик: рис. …номз. илмҳои филол. / Ш. Раҳматов. – Хуҷанд, 2007. – 148с.
97. Резник, Д.Г. Пословицы и поговорки таджиков Кулябской области как диалектологический материал. / Д.Г.Резник // КГПИ. Учёные Записки, № 2. – Куляб, 1957. – С. 102 – 128.
98. Рейхштейн, А.Д. О межъязыковом сопоставлении фразеологических единиц / А.Д. Рейхштейн // ИЯШ. – 1979. - № 4. – С. 12 – 21.
99. Рубинчик, Ю.А. Основы фразеологии персидского языка / Ю.А. Рубинчик. – М.: Наука, 1981. – 275с.
100. Рубинчик, Ю.А. Основные структурные типы фразеологических единиц / Ю.А. Рубинчик// Персидско-русский словарь. Том 2. –М., 1985. – С. 809 – 813.
101. Рустамов, Ш. Забон ва замон / Ш. Рустамов. – Душанбе: Ирфон, 1981. – 255с.
102. Сабзаев, С. Дар бораи як вазифаи синтаксисии ибораҳои фразеологӣ / С. Сабзаев // Мактаби советӣ,1975. - №4. – С. 24 – 27.
103. Садриддин, Айнӣ дар хотироти дӯстон ва ҳамкорон / С. Айнӣ. – Душанбе: Ирфон, 1968. – 158с.
104. Садуллаев, Дж.М. Перевод как фактор литературного влияния: автореф. дис. …канд. филол. наук / Дж.М. Садуллаев. – Душанбе, 1990. – 22с.
105. Саидов, Р. Воҳидҳои фразеологӣ дар назми халқӣ. Қисми 2. / Р. Саидов. – Душанбе, 1991. – 143с.

106. Саидов, Р. Фразеологияи назми халқи тоҷик: рис. …д-ри илмҳои филол. / Р. Саидов. – Душанбе, 1995. – 296с.

107. Саймиддинов, Д. Пажӯҳишҳои забоншиносӣ / Д. Саймиддинов. – Душанбе: Шарқи озод, 2013. – 207с.

108. Сакаева, Л. Р. Отражение антропоцентризма во фразеологии английского, русского и таджикского языков: дис. …канд. филол. наук / Л.Р. Сакаева. – Казань, 2004. – 217с.

109. Саломов, Г. Тил ва таржима / Г. Саломов. – Ташкент: Фан, 1966. – 381с.

110. Салямов, Г. Лексико – фразеологические вопросы художественного перевода: автореф. дис. …канд. филол. наук / Г. Салямова.– Ташкент, 1964. – 24с.

111. Селивестрова, Е. И. Русская пословица в паремиологическом пространстве: дис. …д-ра филол. наук / Е.И. Селивестрова – Санкт – Петербург, 2010. – 421с.

112. Серебренников, Б.А. О недостатках сравнительно – исторического метода в языкознании // Изв.АН СССР, ОЛЯ. - 1950. №3. – С. 6 – 13.

113. Солодуб, Ю.П. К вопросу о совпадении фразеологических оборотов в разных языках / Ю.П. Солодуб // Вопросы языкознания, – 1982. - №2. – С. 28 – 36.

114. Талбакова, Ҳ. Хусусиятҳои лексикӣ ва фразеологии «Маъвои дил» -и Раҳим Ҷалил: рис. …номз. илмҳои филол. / Ҳ. Талбакова.– Душанбе, 1979. – 165с.

115. Талбакова, Ҳ. Вариантҳои шевагии фразеологизмҳо / Ҳ. Талбакова // Республиканская научно-практическая конференция молодых ученых и специалистов посвященная 60-летию образования Ленинского комсомола Тадж. ССР. Республиканская научно-практическая конференция молодых ученых и специалистов посвященная 60-летию образования Ленинского комсомола Тадж. ССР. – Душанбе, 1985. – 92с.

116. Талбакова, Ҳ. Вариантҳои фразеологии антонимӣ / Ҳ. Талбакова // Масъалаҳои забоншиносии тоҷик. – Душанбе, 1990. – С. 46 – 50.

117. Талбакова, Ҳ. Мавқеи вулгаризмҳо дар ташаккули воҳидҳои фразеологӣ / Ҳ. Талбакова // Паёми Донишгоҳ. Забоншиносӣ. – Душанбе, 1990.- №1. – С. 20 – 30.

118. Тарманов, З.К. Русские пословицы: синтаксис и поэтика / З.К. Тарманов. – Петрозаводск, 1999. – 448с.

119. Тарҷума ва балоғати сухан (Андешаҳои мутахассисон доир ба тарҷумаи бадеӣ ва забони он). Ҷилди 1. Мураттибон Б.Камолиддинов, М.Нагзибекова. – Душанбе, 2004. – 144с.

120. Тарҷума ва балоғати сухан. Ҷилди 2.Мураттибон Б.Камолиддинов, М.Наҷмиддинов. – Душанбе, 2005. – 192с.

121. Тарҷумонӣ ва тарҷумаи бадеӣ (Дастури ёрирасони таълим) – Душанбе: Матбуот, 2011. – 327с.

122. Тахохов, Б.Д. Фразеологические единицы русского и таджикского языков / Б.Д. Тахохов. – Душанбе, 1988. – 100с.

123. Тилавов, Б. Дар бораи зарбулмасалу мақолҳо ва тарҷумаи онҳо / Б. Тилавов // Газетаи муаллимон. – 1958. – 25 ноябр.

124. Тоҳирова, К. Лексикаи забони адабии ҳозираи тоҷик (материалҳо) / К. Тоҳирова. – Душанбе: Дониш, 1967. – 80с.

125. Турсунов, Ф.М. Лексико-семантический анализ пословиц и поговорок в таджикском и русском языках: дис. …канд. филол. наук // Ф. М. Турсунов. – Душанбе,1999. – 158с.

126. Турсунов, Ф.М. Лексико-семантический анализ и особенности перевода пословиц и поговорок произведений Ф.Мухаммадиева на материалах таджикского и русского языков / Ф.М.Турсунов. – Душанбе, 2006. – 135с.

127. Турсунов, Ф.М. Сопоставительное исследование безэквивалентной лексики в лингвокультурном и переводческом аспектах (на

материале английского и таджикского языков): дис. …д-ра филол. наук / Ф. М.Турсунов. – Душанбе, 2016. – 358с.

128. Турсунова, Х.С. Сопоставительный анализ фразеологических параллелей таджикского и узбекского языков. (На материале романа С.Айнӣ «Ғуломон» - «Қуллар»): автореф. дис. ….канд. филол. наук / Х.С. Турсунова. 1971. – 25с.
129. Турсунова, Х.С. Сопоставительный анализ фразеологических параллелей таджикского и узбекского языков (на материале романа С.Айни «Ғуломон» - «Қуллар»): автореф. дис. …канд. филол. наук. / Х.С. Турсунова. – Душанбе, 1979. – 25с.
130. Ушаков, В.Д. Фразеология арабского классического языка (на материале языка Корана): автореф. дис. …д-ра филол. наук / В.Д. Ушаков. – М., 1990. – 49с.
131. Ушаков, В.Д. Фразеология Корана: Опыт сопоставления фразеречении Корана и арабского классического языка / В.Д. Ушаков. – М., 1996. – 204с.
132. Фёдоров, А.В. Введение в теорию перевода / А.В. Фёдоров. – М.: Изд-во лит-ры на иностр. языке, 1958. – 374с.
133. Фёдоров, А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) / А.В.Фёдоров. – М.: Высшая школа, 1980. – 303с.
134. Фёдоров, А.В. Искусство перевода и жизнь литературы / А.В. Фёдоров. – Л.: Сов. писатель, 1983. – 352с.
135. Фёдоров, А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) / – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Высшая школа, 1983. – 303с.
136. Фозилов, М. Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик. Ҷилди 1. (Фарҳанги фразеологӣ) / М. Фозилов. – Душанбе: Нашрдавтоҷик. – 1963. – 952с.; Ҷилди 2. – Душанбе: Нашрдавтоҷик, 1964. – 804с.

137. Хамидова, Т.М. Эквиваленты фразеологических единиц русского языка в таджикском языке / Т.М. Хамидова // Вестник Таджикского национального университета (научный журнал). – Душанбе, 2012, № 4/2 (84). – С. 57 – 60.

138. Хамидова, Т.М. Особенности перевода фразеологических единиц / Т.М. Хамидова // Материалы Международной научно – практической конференции «Русский язык в межкультурном диалоге: Проблемы функционирования и преподавания русского языка в персоязычных странах». ТНУ, Душанбе, 19 – 21 ноября 2012г. – С. 286 – 290.

139. Хамидова, Т.М. К вопросу о сопоставительном структурно – типологическом анализе фразеологических соответствий русского и таджикского языков «Язык. Литература. Культура. Актуальные проблемы изучения и преподавания» / Т.М. Хамидова // Сборник научно – методических статей. / - Душанбе, 2013. – С. 229 – 235.

140. Хамидова, Т.М. К вопросу о сопоставимости фразеологических систем русского и таджикского языков / Т.М. Хамидова // Сборник материалов II международной очно–заочной научной конференции «Язык, культура, перевод». РФ, г.Магадан, Северо–Восточный университет, 18 – 19 июня 2013г. – С. 158 – 162.

141. Ходжаева, М. Стиль оригинала и стиль перевода (К вопросу о соотношении стилей писателя и переводчика при переводе с таджикского на русский и с русского на таджикский язык) / М. Ходжаева // Раҳоварди қалам (Маҷмӯаи мақолаҳо). – Хуҷанд, 1993. – С. 142 – 148.

142. Холикова, З.К. Художественный перевод и переводчик /З.К. Холикова // Ҷавонон ва ҷаҳони андеша (нашри 4). Маводи конференсияи чоруми илмии олимони ҷавони Тоҷикистон. – Душанбе: Ҳумо, 2002. – С. 248 – 252.

143. Холмуҳаммадов, Н., Шодиқулов, Ҳ. Тарҷумаи бадеӣ / Н. Холмуродов, Ҳ. Шодиқулов // Энсиклопедияи адабиёт ва санъати тоҷик. Ҷилди 3. – Душанбе: ЭМТ, 2004. – 175.

144. Холов, П. Синонимия фразеологических сочетаний в говорах таджиков Самарканда / П.Холов // Труды СамГУ им. А.Навои. – Новая серия. Вып. 269. Вопросы востоковедения. – Самарканд, 1975. – С. 72 – 76.

145. Холов, П. Структурно – семантические особенности фразеологических синонимов говора таджиков Самарканда / П. Холов // Известия АН Тадж. ССР Отд. общ. наук. 1976. - №1. – С. 52 – 54.

146. Хоҷаева, М. Таҳқиқи услуби осори адабӣ / М. Хоҷаева. – Хуҷанд: Омор, 1994. – 229с.

147. Хуснутдинов, А.А. Грамматика фразеологической единицы: автореф. дис. ….д-ра филол. наук / А.А. Хуснутдинов. – Санкт – Петербург, 1996. – 52с.

148. Хушенова, С.В. Изафетные фразеологические единицы таджикского языка / С.В. Хушенова. – Душанбе: Дониш,1971.- 190с.

149. Хушенова, С.В. Библиографический указатель литературы по таджикской фразеологии (С приложением библиографии по фразеологии памирских языков) / С.В. Хушенова. – Душанбе: Дониш, 1977. – 65с.

150. Хушенова, С.В. Современное состояние и задачи изучения таджикской фразеологии / С.В. Хушенова // Вопросы языкознания. – 1980. - №2. – С. 125 – 134.

151. Хасанов, И. Лексика и фразеология романа Джалола Икроми «Духтари оташ»: автореф. дис. …канд. филол. наук. / И. Хасанов – Пенджикент, 1966. – 24с.

152. Ҳасанов, И. Роҳҳои асосии истифодабарии ибораҳои фразеологӣ дар романи «Духтари оташ» / И. Ҳасанов // Материалҳо оид ба забони адабии тоҷик. – Душанбе, 1967. – С. 124 – 129.

153. Ҳасанов, А.А. Як вожаи пурбори «Шоҳнома» / А.А. Ҳасанов // Номаи Донишгоҳ. – Хуҷанд, 2001. - №33. – С.35 – 44.

154. Ҳошим, Раҳим. Сухан аз устодон ва дӯстон / Р. Ҳошим. – Душанбе: Ирфон, 1971. – 131с.

155. Ҳусейнов, Х. Забон ва услуби «Одина»-и устод С.Айнӣ / Х. Ҳусейнов. – Душанбе: Ирфон, 1973. – 253с.

156. Черепанова, О.А. Семантические и грамматические свойства фразеологизмов: Учебн. пособие к спецкурсу / О.А. Черепанова. – Челябинск, 1983. – 93с.

157. Ҷӯраев, Ғ. Пешгуфтор ба китоби Р.Абдуллозода. Ибораҳои халқӣ / Ғ. Ҷӯраев. – Душанбе: Дониш, 1974. – С. 3 – 11.

158. Ҷӯраев, Ғ. Забони ман – ҷаҳони ман / Ғ. Ҷӯраев. – Душанбе: Маориф, 2014. – 158с.

159. Ҷӯраев, Н.А. Образнокии воҳидҳои фразеологӣ / Н.А. Ҷӯраев// Республиканская научно-практическая конференция молодых ученых и специалистов посвященная 60-летию образования Ленинского комсомола Тадж. ССР. Ҷилди 1. – Душанбе, 1985. – С. 85 – 91.

160. Ҷӯраев, Н.А. Обуранги эмотсионалӣ дар воҳидҳои фразеологии забони тоҷикӣ / Н.А. Ҷӯраев // Тезисы докладов Республиканской научно-практической конференции молодых ученых и специалистов. – Душанбе, 1987. – С. 74 – 75.

161. Шакурӣ, М. Ҳар сухан ҷоеву ҳар нукта мақоме дорад. Нашри сеюм / М. Шакурӣ. – Душанбе: Ирфон, 2005. – 399с.

162. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка. Учебное пособие / Н.М. Шанский. – М.: Русский язык, 1985. – 160с.

163. Шарипова, Г.Ш. Фразеологические единицы в «Самаки айяр»: автореф. дис. …канд. филол. наук / Г.Ш. Шарипова – Душанбе, 2013. – 23с.

164. Шарипова, З.М. Семантико-структурный анализ фразеологических единиц таджикского, арабского и русского языков: автореф. дис. …канд. филол. наук / З.М. Шарипова – Душанбе, 2011. – 22с.

165. Шодиқулов, Ҳ. Ду тарҷумаи як асар / Ҳ. Шодиқулов // Садои Шарқ. – 1968. - № 4. – С. 151 – 156.

166. Шодиқулов, Ҳ. Робитаҳои адабӣ ва тарҷума / Шодиқулов // Абулқосим Лоҳутӣ. Очерки мухтасари ҳаёт ва эҷодиёт. – Душанбе, 1985. - № 4. – С. 151 – 156.

167. Шокиров, Т. Адиб, забон ва услуб / Т. Шокиров. – Душанбе, 2001. - 174с.

168. Шукуров, М. Тарҷума ва услуби хоси нависанда / М. Шукуров // Садои Шарқ, - 1970. - №11. - С.115 – 124.

169. Шукуров, М. Тарҷумаи бадеӣ ва марҳилаи имрӯзаи адабиёти тоҷик / М. Шукуров // Садои Шарқ, - 1983. - №10. – С. 113 – 122.

170. Шукуров, М. Забони мо ҳастии мост / М. Шукуров. – Душанбе: Маориф, 1991. – 231с.

171. Эгамбердиев, Р. Маънои фразеологӣ / Р. Эгамбердиев // Вопросы фразеологии стилистики и грамматического строя восточных языков. Новая серия, вып. 225. – Самарканд, 1972. – С. 141 – 146.

172. Юсупова, М. Фразеологияи романи «Дохунда» - и С. Айнӣ: рис. …номз. илмҳои филол. / М. Юсупова. – Душанбе, 1971. – 203с.

II

173. Абдуқодиров, А. Фарҳанги мухтасари таъбироти назми Лоиқ Шералӣ / А. Абдуқодиров, Б. Махкамова. – Хуҷанд, 2001. – 119с.

174. Абдуллозода, Р. Ибораҳои халқӣ / Р. Абдуллозода. – Душанбе: Адиб, 1988. – 400с.

175. Айнӣ, С. Лугати нимтафсилии забони тоҷикӣ барои забони адабии тоҷик. Ҷилди 12 / С.Айнӣ // Куллиёт. – Душанбе: Ирфон, 1976. - 563с.

176. Александров, И.А. Луғати фразеологии русӣ – тоҷикӣ / И.А. Александров, И.Л. Николаев, Х. Раупов.- Душанбе: Маориф, 1984.- 127с.

177. Деҳхудо, Алиакбар. Лугатнома / А. Деҳхудо. Ҷилдҳои 1-50. – Теҳрон: Маҷлис, 1325 – 1345.

178. Зоҳидов, А. Фарҳанги фразеологии лаҳҷаи Хуҷанд / А. Зоҳидов, Б. Осимова. – Хуҷанд: Ношир, 2013. – 391с.

179. Квятковский, А. Поэтический словарь / А. Квятковский. – М.: Сов. энцикл., 1966. – 376с.

180. Луғати тоҷикӣ – русӣ. (Тартибдиҳанда Арзуманов С.Д. ва диг.) – М.: Ғосиздат, 1954. – 789с.

181. Маҳмудов, М. Лугати мухтасари лаҳҷаҳои Бухоро / М. Маҳмудов, Б. Бердиев. – Душанбе, 1989. – 278с.

182. Муҳаммадҳусайни, Бурҳон. Бурҳони қотеъ. Ҷилди 1. / М. Бурҳон. – Душанбе: Адиб, 1993, - 416с.

183. Розенталь, Д.Э. Словарь - справочник лингвистических терминов / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова.- М.: Просвещение, 1985. – 399с.

184. Ромпурӣ, Муҳаммад Ғиёсуддин. Ғиёс-ул-лугот. Ҷилди 1. / М.Ғ. Ромпурӣ.– Душанбе: Адиб, 1987. – 480с.

185. Ромпурӣ, Муҳаммад Ғиёсуддин. Ғиёс-ул-лугот. Ҷилди 2. / М.Ғ. Ромпурӣ. – Душанбе: Адиб, 1988. – 416с.

186. Русско – таджикский словарь (под. ред. Осими М.) – М.: Русский язык, 1985. – 1280с.

187. Фарҳанги забони тоҷикӣ. Ҷилди 1. –М.: Сов. энцикл., 1969. – 951с.

188. Фарҳанги забони тоҷикӣ. Ҷилди 2. –М.: Сов. энцикл., 1969. – 949с.

189. Фарҳанги ибораҳои халқӣ (тартибдиҳанда Р.Абдуллозода) – Душанбе: Адиб, 1988. – 400с.

190.Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ. Нашри дувум. Зери таҳрири Д. Саймиддинов, С.Д. Холматова, С.Каримов. – Душанбе,2006. – 784с.

191.Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ. Ҷилди 1. – Душанбе: Ксероксленд, 2008. - 950с.

192.Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ. Ҷилди 2. – Душанбе: Ксероксленд, 2008. - 945с.

193.Фарҳанги гӯишҳои ҷанубии забони тоҷикӣ. Нашри дуюм. – Душанбе: Дониш, 2017. – 842с.

194.Фозилов, М. Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик. Ҷилди 1. / М. Фозилов. – Душанбе: Таджгосиздат., 1963. – 952с.

195.Фозилов, М. Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик. Ҷилди 2. / М. Фозилов. – Душанбе: Ирфон, 1964. – 802с.

196.Фразеологический словарь русского языка (под ред. Молоткова А.И., 4-е издание). – М.-: Русский язык, 1986. – 543с.

197.Ҳусейнов, Х. Лугати терминҳои забоншиносӣ / Х. Ҳусейнов, К. Шукурова. – Душанбе: Маориф, 1983. – 255с.

198.Ҷӯраев, Ғ. Луғати калима ва истилоҳоти нав / Ғ. Ҷӯраев, С. Фатҳуллоев. - Душанбе: Ирфон, 2003. – 190с

III

199.Рахим, Джалил. Роман в трех книгах / Р. Джалил. – Душанбе: Ирфон, 1973. – 575с.

200.Раҳим, Ҷалил. Асарҳои мунтахаб. Ҷилди якум. Китоби 1. Романи «Шӯроб» / Р. Ҷалил. – Душанбе: Адиб, 1988. – 304с.

201.Раҳим, Ҷалил. Асарҳои мунтахаб. Иборат аз се ҷилд.Ҷилди дуюм. Китоби II ва III. Романи «Шӯроб» / Р. Ҷалил. – Душанбе: Адиб, 1988. - 464с.